

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

Ноябрь — Декабрь

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. главн. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главн. редактора)

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

С. И. Вайнштейн

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА В ЕВРАЗИИ

(1. САЯНСКИЙ ОЧАГ ОДОМАШНИВАНИЯ ОЛЕНЯ)*

Проблема происхождения скотоводства, одной из форм которого является оленеводство, относится к числу крупнейших в культурной истории человечества. Известно, что Ф. Энгельс рассматривал приручение человеком животных и последовавшие вслед за этим изменения в его хозяйственной, культурной и социальной истории как важнейшие предпосылки перехода от варварства к цивилизации¹. Если в освоенных людьми и сравнительно благоприятных для жизни степных районах Азии развитие скотоводства привело к превращению его в главную отрасль труда пастушеских племен и выделению их «из остальной массы варваров», что явилось, по мнению Ф. Энгельса, первым крупным общественным разделением труда², то приручение оленя и развитие оленеводства у народов Севера помогло им обжить исключительно суровые районы, обеспечить себя столь необходимыми здесь транспортными средствами, мясом, шкурами и другими продуктами оленеводства — единственной производящей отрасли хозяйства охотников тайги и тундры. Важную роль сыграло оленеводство и в развитии общественных отношений у народов Севера³.

Происхождению оленеводства посвящена обширная литература⁴, причем по вопросу о времени и центрах возникновения оленеводства, путях и формах его распространения высказывались различные точки зрения. Некоторые исследователи видели в оленеводстве древнейшую форму скотоводства, восходящую чуть ли не к палеолитическим традициям. Эту точку зрения развивали У. Сирелиус, В. Шмидт, В. Копперс, В. Богораз, Н. Марр, Ф. Флор, С. Киселев и другие исследователи, опиравшиеся на различные виды источников. Так, Сирелиус полагал, что в Финляндии оленеводство было известно уже в каменном веке, так как каменным веком датируются открытые там полозья нарт, а они столь широки, что, по мнению исследователя, не могли принадлежать собачьей упряжке⁵. Шмидт и Копперс считали, что оленеводство

* Вторая статья С. И. Вайнштейна на эту тему, «Роль Саянского очага в распространении оленеводства в Евразии», будет опубликована в одном из следующих номеров «Советской этнографии» (Ред.).

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 159—160, 165.

² Там же, стр. 160.

³ См.: «Общественный строй у народов Северной Сибири». М., 1970.

⁴ Основную библиографию вопроса см.: А. Н. Максимов, Происхождение оленеводства, «Уч. зап. РАНИОН», т. 6, М., 1928; K. Jettmar, Zu den Anfängen der Renttierzucht, «Anthropos», Bd. 47, 48, Freiburg, 1952, 1953; G. Nellesmann, Theories on reindeer breeding, «Folk», vol. 3, København, 1951.

⁵ U. T. Sirelius, Über die Art und Zeit der Zähmung des Renttieres, «Journ. de la Société Finno-Ougrienne», 33, Helsinki, 1916.

развилось непосредственно из охоты на дикого северного оленя в каменном веке⁶. В. Г. Богораз связывал приручение оленя с охотой первобытного человека на северного оленя еще в мадленское время⁷. Н. Я. Марр, основываясь на анализе лингвистического материала, считал, что первым верховым животным был олень, которого значительное время спустя сменила лошадь⁸.

На этих же позициях стоял и Флор; его точка зрения заключалась в том, что разведение оленей было древнейшей формой скотоводства, предшествовавшей разведению лошадей и крупного рогатого скота. Из наших соотечественников к этой теории склонялся и С. Н. Боголюбовский¹⁰, а С. В. Киселев пытался обосновать ее на археологическом материале. Киселев полагал, что найденная в Пазырыкских курганах маска оленя на коне позволяет считать, что олень предшествовал лошади как верховое животное, и в пазырыкское время на Алтае «олень под верхом очевидно, уже не употреблялся»¹¹. В послевоенные годы концепция возникновения оленеводства в палеолите среди зарубежных исследователей поддержал Х. Пульхаузен, следующий в этом вопросе за Флором¹². В советской науке большую древность оленеводства, впрочем с определенными оговорками, допускал также С. А. Токарев¹³.

Пульхаузен основывает свою гипотезу на палеолитических и мезолитических археологических материалах из стоянок гамбургской и аребургской культур. Он находит возможным заключить, что первая была культурой охотников на оленя, а вторая культурой спутников оленя¹⁴. Эта мысль близка к точке зрения К. Виклунда, выдвигавшего гипотезу о переходе древних охотников от постоянной охоты на отдельное стадо, за которым они двигались, до осознания этого стада своим постепенного его приручения¹⁵.

Иную концепцию происхождения оленеводства развивал Э. Ганн, разрабатывая общую теорию происхождения скотоводства из Двуречья. Он считал, что оленеводство возникло под влиянием коневодства и разведения крупного рогатого скота¹⁶. Этой же точки зрения придерживался и ряд других ученых, в том числе Б. Лауфер¹⁷, Г. Хатт¹⁸, А. Н. Максимов¹⁹, М. Г. Левин, Г. М. Василевич²⁰. Мнение о позднем развитии оленеводства разделял и Н. Н. Чебоксаров²¹.

С. П. Толстов, рассматривая проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии, решительно отверг

⁶ W. Schmidt, W. Koppers, Völker und Kulturen, Regensburg, 1924.

⁷ В. Г. Богораз, Распространение культуры на земле, М., 1928, стр. 66.

⁸ Н. Я. Марр, Средства передвижения орудия самозащиты и производства в доистории, Л., 1926.

⁹ F. Flor, Haustierte und Hirtenkulturen, «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik», I, Wien, 1930.

¹⁰ См.: «Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных», т. I, М.—Л., 1940, стр. 7—50.

¹¹ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1949, стр. 207.

¹² H. Pohlhausen, Nachweisbare Ansätze zum Wanderhirtentum in der niederrheinischen Mittelsteinzeit, «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 78, Hf. 1, Braunschweig, 1950.

¹³ С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 421.

¹⁴ H. Pohlhausen, Указ. раб.

¹⁵ K. B. Wiklund, Frageschema für die Erforschung des Renntiernomadismus, «Journ. de la Société Finno-Ougrienne», 30, 7, Helsinki, 1913.

¹⁶ E. Hahn, Die Haustierte und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen, Leipzig, 1896.

¹⁷ B. Laufer, The reindeer and its domestication, «Memoires of the American Anthropological Association», vol. IV, № 2, Lancaster, 1917.

¹⁸ G. Hatt, The reindeer, «American Anthropologist», new series, vol. 23, Lancaster, 1921.

¹⁹ А. Н. Максимов, Указ. раб.

²⁰ Г. М. Василевич и М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождения, «Сов. этнография», 1951, № 1.

²¹ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 6.

точку зрения о большой древности оленеводства и подчеркнул, основываясь на современных археологических и этнографических материалах, что оленеводство — это очень позднее историческое явление, возникшее не ранее железного века ²².

Хатт, обосновывая свой вывод о сравнительно позднем времени развития оленеводства, исходил из того, что оно не достигло Северной Америки, так же как и лыжи, причем этот вывод являлся частью общей концепции ученого о береговой и материковой культурах в Северной Азии, которые в Арктике, по его мнению, были более ранними, чем культура оленеводов ²³. Подобную точку зрения развивал и Биркет-Смит ²⁴.

Что же касается других исследователей, то они искали связи между оленеводством народов Сибири и коневодством (животноводством) народов Центральной и Восточной Азии. Наиболее полно эти взгляды выразил М. Г. Левин в ряде работ, написанных им совместно с Г. М. Василевич ²⁵.

По вопросу о том, имеет ли оленеводство один или несколько центров возникновения, мнения исследователей расходятся.

Ю. Липперт выводил оленеводов из Скандинавии ²⁶, Э. Ган полагал, что первоначальный ареал оленеводства находился в Сибири ²⁷, Л. Шренк первыми оленеводами считал тунгусов ²⁸, Б. Лауфер придерживался мнения, что оленеводство возникло в Саяно-Алтайской области ²⁹, но не связывал этот процесс с каким-нибудь одним народом. К точке зрения Лауфера в этом вопросе был близок Г. Хатт ³⁰. Максимов, принимая теорию Алтае-Саянского очага, допускал, что лопарско-скандинавское оленеводство возникло независимо от саяно-алтайского под влиянием норманнов ³¹. Мнение Максимова о едином центре сибирского оленеводства поддерживали Флор ³² и Богораз ³³. К. Доннер склонялся к мысли, что первыми оленеводами были самоеды Западной Сибири ³⁴. Наоборот, К. Викаунд считал, что все основные типы оленеводства возникли конвергентно ³⁵. Теорию нескольких центров поддерживал А. М. Золотарев ³⁶. Наконец, М. Г. Левин и Г. М. Василевич выдвинули гипотезу о существовании двух самостоятельных очагов одомашнивания оленя — саянского и забайкальского. Первый был связан с самодийскими, второй — с тунгусскими народами. Саянский тип возник под влиянием коневодов-тюрок, забайкальский (сибирский) — под влиянием коневодов-монголов ³⁷.

²² С. П. Толстов, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии, «Вопросы истории», 1961, № 11, стр. 112.

²³ G. Hatt, Указ. раб., стр. 97—103.

²⁴ K. Birket-Smith, The Caribou Eskimos, «Report of the Fifth Thule Expedition», vol. V, Copenhagen, 1929.

²⁵ Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Указ. раб.; их же, Олений транспорт, в кн.: «Историко-этнографический атлас Сибири», 1961, стр. 24.

²⁶ J. Lippert, Kulturgeschichte der Menschheit, Bd. I—II, Stuttgart, 1886—87.

²⁷ E. Hahn, Указ. раб.

²⁸ Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, СПб., 1899.

²⁹ B. Laufer, Указ. раб.

³⁰ G. Hatt, Notes on reindeer nomadism. «Memoires of the American Anthropological Association», vol. VI, № 2, 1919.

³¹ А. Н. Максимов, Указ. раб.

³² F. Flor, Указ. раб.

³³ В. Г. Тан-Богораз, Оленеводство, Возникновение, развитие, перспективы, сб. «Проблемы происхождения домашних животных», вып. 1, Л., 1933, стр. 224.

³⁴ K. Donner, Sibirien. Folk och forntid, Tammerfors, 1933.

³⁵ K. B. Wiklund, Om renskötselns uppkomst. Stockholm, 1919.

³⁶ «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», стр. 171—188.

³⁷ Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение; их же, Олений транспорт; М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, М., 1961, стр. 203, 204, 300.

Этнографической наукой установлено, что формы оленеводства известны у народов Северной Евразии от Скандинавии на западе до Чукотки на востоке и от Таймыра на севере до Саян на юге, имеют ряд существенных различий в характере использования оленей (вьючно-верховое, упряжное), в способе выпаса (с пастушеской собакой без нее и др.), с доением и без доения оленей и т. д. В настоящее время принято выделять пять типов оленеводства: 1) лопарский тип (использование оленя под вьюк и в упряжи, доение³⁸, пастьба с собакой, знакомство с оленем-манщиком); 2) западносибирский или самоедский тип (упряжное оленеводство, олень-манщик, есть пастушеская собака, доения нет); 3) тунгусский (сибирский) тип (вьючно-верховое, с мягким седлом и без стремян, частично-упряжное, манщик, доение, нет пастушеской собаки); 4) северо-восточный тип (упряжное, использование манщика, нет пастушеской собаки); 5) саянский тип оленеводства (вьючно-верховое с жестким седлом и стремянами, доение, нет пастушеской собаки, не используется манщик). Г. М. Василевич предложила взамен тунгусского типа выделить эвенкийский тип, для которого характерно использование оленя «на мясо» и под вьюк, и ороченский тип, характеризующийся вьючно-верховым и упряжным использованием оленя³⁹.

Статья Левина и Василевич, посвященная типам оленеводства, была по существу первой работой, где была предпринята попытка решить проблему происхождения оленеводства, привлекая всю совокупность данных, характеризующих отдельные его типы. Факты, приведенные и обоснование указанной гипотезы Левина — Василевич, исключительно ценны. Однако констатируя различия саянского и забайкальского (тунгусского или сибирского) типов оленеводства и ставя вопрос о генезисе оленеводства в целом, гипотеза Левина — Василевич не разъясняет происхождения различий саянского и забайкальского типов оленеводства, хотя эти различия весьма существенны. Так, если саянские олениводы, как отмечалось выше, салятся на оленя слева, пользуются жестким верховым седлом, аналогичным конскому, применяют стремяна, то народы с тунгусским (забайкальским или сибирским) типом оленеводства (эвены, эвенки, орочи, оленные якуты, долганы и др.) салятся на оленя справа, не знают стремян, как правило, пользуются седлом примитивным деревянным остовом и мягкими кожаными подушками и ездят с посохом.

Если бы в способах посадки, седлания и т. п. различия существовали не только между оленеводами, но и между коневодами-тюрками и коневодами-монголами, то происхождение подобных различий саянского и забайкальского типов оленеводства могло бы найти объяснение в рамках рассматриваемой гипотезы. Между тем именно у коневодческих народов Евразийских степей способы посадки на коня, формы упряжи и т. п. существенно не отличались. Например, все коневоды издавна садились на коня только слева, а основные нововведения в конской упряжи распространялись среди этих народов с поразительной быстротой. Изменения в упряжи происходили главным образом в процессе ее развития от более ранних форм к более поздним⁴⁰.

³⁸ Когда говорят, что лопари доят своих оленей, то это относится только к одной скандинавской группе, в то время как другие группы лопарей-скольтов (кольские и финские) оленей не доят.

³⁹ Г. М. Василевич, Типы оленеводства у тунгусоязычных народов, М., 1964, стр. 3—5.

⁴⁰ Обоснование данного вывода см.: С. И. Вайнштейн, Происхождение и развитие форм седла со стремянами у народов Евразии, «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1966 г.», М., 1966, стр. 44—47; его же, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, «Сов. этнография», 1966, № 3, стр. 62—74.

Для разработки интересующей нас проблемы очень важно установление хронологических рамок развития тех или иных форм оленеводства.

Соглашаясь с Левиным и Василевич в том, что упряжное оленеводство было весьма поздней формой, мы не можем не указать, что их предположение (как и других исследователей данной проблемы), что вьючное и верховое оленеводство возникли одновременно, ошибочно. Так, Левин и Василевич на основе материалов, которыми они располагали, пришли к заключению, что «первоначальное транспортное использование оленя было под вьюк и седло»⁴¹.

В 1956 г. на основе изучения саянского типа оленеводства с привлечением материалов по тунгусскому оленеводству нами была выдвинута концепция о первичности вьючного оленеводства⁴². Эта гипотеза была поддержана в 1962 г. В. И. Васильевым, который показал, что когда энцы расселялись по Северу, они были знакомы только с вьючным, но не знали верхового оленеводства⁴³. К аналогичной точке зрения на основании материалов тунгусского оленеводства пришла в 1964 г. и Г. М. Василевич, хотя она и не ставила вопрос о сравнительной древности вьючного и верхового оленеводства⁴⁴.

Остановимся на проблеме происхождения саянского типа оленеводства. Следует различать два вопроса — происхождение оленеводства в Саянах и происхождение саянского типа оленеводства, который характеризуется целым рядом рассмотренных выше специфических особенностей (наличие верхового седла со стремянами, доения, определенной терминологии и др.).

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать вывод, что если оленеводство в Саянах возникло еще в древности, то его саянский тип сложился сравнительно недавно, не ранее XIV в.

Нам могут возразить, ссылаясь на работу Л. Р. Кызласова, в которой он на основании деревянных изображений оленей в погребениях таштыкской культуры утверждает, что в Саянах верховое оленеводство существовало еще на рубеже нашей эры⁴⁵. Однако на этих фигурах оленей нет изображений верховых седел, в то время как узда, напоминающая конскую, но несколько усложненная, на чем мы остановимся ниже, показана очень тщательно. Нам уже приходилось отмечать⁴⁶, что хотя эти фигуры оленей могут рассматриваться как одно из доказательств существования оленеводства, но отнюдь не обязательно верхового (вьючные также имеют узду); это, однако, не исключает возможности кратковременных поездок на олене верхом без специального верхового седла.

Нашему выводу, казалось бы, могут противоречить также изображения человека, сидящего на олене, которые встречаются на сибирских петроглифах. Такое изображение имеется, например, на известной Боярской писанице в Минусинской котловине, которую с известным основанием можно датировать рубежом нашей эры⁴⁷.

⁴¹ Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, стр. 87.

⁴² С. И. Вайнштейн, Тувинцы Тоджи (историко-этнографический очерк), Автореферат канд. дис., М.—Л., 1956, стр. 7; его же, К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), вып. XXXIV, 1960, стр. 54—60.

⁴³ В. И. Васильев, Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение, КСИЭ, вып. XXXVII, 1962, стр. 73, 74.

⁴⁴ Г. М. Василевич, Типы оленеводства у тунгусоязычных народов, стр. 7.

⁴⁵ Л. Р. Кызласов, Древнейшее свидетельство об оленеводстве, «Сов. этнография», 1952, № 2.

⁴⁶ С. И. Вайнштейн, К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении.

⁴⁷ М. А. Дэвлет, Большая Боярская писаница, «Сов. археология», 1965, № 3, стр. 128, рис. 3.

Однако нельзя признать правомерным вывод исследователя этнописаницы М. А. Дэвлет, что показанное на ней стадо оленей, сопровождаемых человеком, сидящим верхом на олене, доказывает будто бы распространение в Саянах верхового оленеводства уже в то время, когда этот сюжет был выбит на скале⁴⁸. Делая такое заключение, М. А. Дэвлет, по всей вероятности, была незнакома с тем очевидным для этнографов фактом, что пастух мог ехать верхом на олене и тогда, когда верхового оленеводства (главный признак которого специальное верховое седло) еще не существовало. Сибирская этнография дает нам много примеров езды верхом у тех групп оленеводов, у которых было лишь выючное оленеводство, например у энцев⁴⁹, некоторых групп эвенков и др. М. П. Грязновым было высказано сомнение в реальности изображенного в упомянутом петроглифе явления. Он писал: «Только в изображениях религиозного назначения, каким несомненно является Боярская писаница, в силу пережитков тотемистических представлений, реально существующие, хозяйственно-осваиваемые животные могли условно претворяться в иные образы, в данном случае в оленей»⁵⁰. Для такого заключения есть определенные основания, однако мы склонны, как и М. А. Дэвлет, видеть в рассматриваемых петроглифах отражение реального быта населения, знакомого с оленеводством.

Обратимся к материалам по оленеводству тувинцев и их предков, по поводу которых некоторые исследователи высказывали мнение, что они были первыми оленеводами Евразии (Б. Лауфер в 1917 г., В. Леймбах в 1936 г., В. Шмидт в 1951 г. и др.). Однако в обоснование этого предположения не приводилось достаточной аргументации.

Самым ранним, не вызывающим сомнений свидетельством существования верхового оленеводства у предков тувинцев, как и у других саянских народов, является сообщение русского посла Василия Тюменца Алтын-хану, относящееся лишь к XVII в.⁵¹ Но источники XIII в. говорят лишь о выючном использовании оленей для транспортных целей таежным населением Саян. Так, Рашид ад-Дин, довольно подробно описывая быт лесных племен Саян и прилегающих к ним территорий в XIII в., говорит о выючном использовании оленей (горных быков), но ничего не сообщает о верховом оленеводстве⁵². Это подтверждается «Юань-ши», где сообщается об использовании в XIII в. ханьхена — таежными жителями восточной Тувы — домашних оленей как выючных животных, но ничего не говорится о верховом оленеводстве, хотя и при ведены, казалось бы, второстепенные сведения о быте оленеводов (доение оленей, виды растений, употребляемых в пищу, и др.)⁵³.

Рассмотренные указания письменных источников можно трактовать как свидетельство большой древности выючного оленеводства по сравнению с верховым в Саянах.

Эти данные согласуются с этнографическими фактами, часть из них уже приводилась в наших печатных работах⁵⁴. Отмечу лишь один неизвестный ранее факт, представляющий определенный интерес в связи с изложенной выше концепцией. У тождинцев, как и у тофаларов, в процессе дрессировки олень не менее года используется под выюк, а лишь

⁴⁸ М. А. Дэвлет, О скотоводстве на Среднем Енисее в древности, «Ученые записки Хакасского НИИ языка, литературы, истории», вып. XI, 1956, стр. 169, 170.

⁴⁹ К. М. Рычков, Береговой род юраков, «Записки Западно-Сиб. отд. РГО», т. 38, 1916, стр. 175, 176; В. И. Васильев, Указ. раб., стр. 73.

⁵⁰ М. П. Грязнов, Боярская писаница..., стр. 44.

⁵¹ «Материалы по истории русско-монгольских отношений», М., 1959, стр. 61.

⁵² Рашид ад-Дин, Сборник летописей, I, М.—Л., 1952, стр. 124.

⁵³ «Юань-ши», 63 (перевод Е. И. Кычанова. См. «Изв. АН Киргизской ССР», т. V, вып. I, Фрунзе, 1963, стр. 60).

⁵⁴ См.: С. И. Вайнштейн, К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении, стр. 58—60; е го же, Тувинцы-тождинцы, стр. 31—34.

затем для верховой езды, хотя, по признанию самих оленеводов, в этом нет особой необходимости, так как в ряде случаев олени быстро привыкают к вьюку и их можно было бы седлать. На мой вопрос, почему же все-таки проходит такой срок, прежде чем оленя используют под верх, старик-тоджинец ответил: «Так надо, обычай такой у нас». Не отражает ли этот обычай путь, которым шло развитие оленеводства в Саянах?

Возникает вопрос, могли ли Саяны быть районом древнейшей domestikации оленя. Имеющиеся материалы позволяют ответить на него утвердительно. Понятие здесь сохранилась реликтовая саянская форма дикого северного оленя (*Tarandus rangifer sibiricus*), и в древности ареал его расселения включал этот район. Северные олени саянской (карагасской) породы являются самыми одомашненными и отличаются, по признанию специалистов, особой выносливостью, силой и большей способностью к приручению, чем все другие породы северных оленей⁵⁵.

По свидетельству тувинцев и тофаларов, и сейчас, хотя и очень редко, бывают случаи одомашнивания диких саянских оленей, в то время как исследователи решительно отвергают возможность приручения даже маленьких оленят тунгусами⁵⁶. Указанные обстоятельства в сочетании с наиболее древними свидетельствами о существовании оленеводства именно в Саянах, а также рассматриваемые ниже факты, свидетельствующие о распространении оленеводства из Саян в другие районы Северной Азии, представляются нам очень важными аргументами в пользу предположения о первоначальности domestikации оленя в Саяно-Алтайском районе, причем, разумеется, в его таежной зоне.

В литературе, посвященной проблеме происхождения оленеводства, господствует точка зрения о том, что в Саянах оленеводство возникло под влиянием тюрков-скотоводов. А. Максимов, например, был склонен считать, что оленеводство возникло «в качестве временного суррогата у какого-нибудь тюркского или монгольского племени, потом опять отказавшегося от оленеводства в пользу разведения крупного рогатого скота и лошадей»⁵⁷. Он же полагал, что самодийцы восприняли оленеводство в Саянах и затем распространили его на Север. Близки к этой точке зрения и М. Г. Левин и Г. М. Василевич, полагавшие, что самодийские группы саянской тайги развили оленеводство «под влиянием их тюркоязычных соседей-скотоводов»⁵⁸. Не исключая полностью такой возможности, мы все же считаем эту гипотезу маловероятной не только из-за отсутствия доказательств для ее обоснования, но прежде всего потому, что нет надобности искать традиции животноводства непременно в тюрко-монгольской среде, относя самодийцев к исконно таежным племенам охотников и рыболовов. Уместнее было бы предположить, опираясь на ряд имеющихся данных, что первоначально саянское оленеводство возникло именно в самодийской среде без непосредственной связи с тюрко-монголами. Позволим себе заметить, что традиции скотоводства могли существовать и у самодийского населения Саян. Согласно концепции происхождения самодийских народов, выдвинутой В. Н. Чернецовым, которую мы разделяем, зона формирования различных самодийских групп, грубо говоря, лежала к востоку от Иртыша до верховьев Енисея и включала не только таежные, но и степные районы. Жившие в степях самодийские группы во II тысячелетии были знакомы

⁵⁵ А. А. Машковцев, Саянский дикий реликтовый северный олень, «Доклады АН СССР», т. XXVII, 1940, № 1; С. Карцелли, Карагасский олень и его хозяйственное значение, «Северная Азия», кн. 3, 1925, стр. 87—92.

⁵⁶ Р. Маак, Вилюйский округ Якутской области, ч. III, СПб., 1887, стр. 154.

⁵⁷ А. Н. Максимов, Указ. раб., стр. 33.

⁵⁸ Г. М. Василевич и М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, стр. 87.

со скотоводством, в отличие от родственных им племен, населявших тайгу, главным занятием которых были охота и рыболовство⁵⁹. Передвижение карасукских и тагарских племен в Южной Сибири, и в частности Минусинской котловине, привело к вытеснению степных самодийцев вначале, по-видимому, в подтаежные районы, а затем и в тайгу. Можно полагать, что на границе таежных и степных районов имели место тесные контакты степных и лесных групп самодийцев; возможно, они даже жили в одних поселениях, связанные брачными узами. Наиболее вероятно, что именно здесь имела место domestикация оленя. Нельзя исключить, что первоначально олень использовался только на мясо, как и некоторые другие породы домашних животных. Впрочем, известно распространение имеет точка зрения, согласно которой первоначально олень использовался как транспортное животное. Эту точку зрения разделяет, в частности, С. А. Токарев⁶⁰. Эта гипотеза имеет определенные основания, так как таежные народы очень берегут транспортных оленей и почти не забивают их на мясо. Но думается, что такое отношение к оленю у жителей тайги возникло лишь на сравнительно позднем этапе, когда развилось транспортное использование оленя и были оценены все связанные с этим преимущества. Наш взгляд подтверждают проводимые Г. М. Василевич материалы по некоторым таежным тунгусским группам, у которых, по ее словам, «олень — живое мясо („кормление оленя по терминологии XVII в.)»⁶¹. Важно отметить, что такое отношение к оленю Василевич наблюдала как раз там, где транспортное использование оленя не получило достаточного развития⁶².

Можно полагать, что вместе с дальнейшим продвижением в тайгу самодийских групп, знакомых со скотоводством и domesticiровавших оленя, постепенно развивается его транспортное использование по выюку. Оленеводство не было четко дифференцировано от скотоводства. Вероятно, некоторое время в одних совместно живущих группах сосуществовали и скотоводство, и оленеводство. Не этим ли можно объяснить загадочную, на первый взгляд, картину поселка на знаменитой Большой Боярской писанице⁶³, где мы видим рядом крупный и мелкий рогатый скот, свойственный степнякам, и стада оленей — обитателей тайги.

На этом этапе еще не была известна современная оленья узда, точнее недоуздок, состоящий из петли (обороти) на морде и назатылочного ремня, к которым прикрепляется один конец ремня-повода. Такой недоуздок с небольшими вариантами характерен ныне для всех оленеводов Евразии. Оленья узда в то время еще подражала конской, несколько, впрочем усложненной, за счет перемещения подбородочного ремня и дополнения затылочного ремня, как это мы видим на оленях из Сырско-Чаятаса⁶⁴. При чем повод отходил не от лобной части оброти, как современного оленьего недоуздки, а от места скрепления ремней переносья и подбородочного, т. е. в передней части морды, подобно конскому поводу. Такое «конское» расположение повода устанавливается по уникальному на скальном изображении всадника на олене, датируемому

⁵⁹ Точка зрения В. Н. Чернецова на происхождение самодийцев, изложенная в общих чертах выше, известна нам из его устных сообщений. Некоторые взгляды на данный вопрос изложены В. Н. Чернецовым в его докладе «К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности» (Congressus internationalis finno-ugristarum Budapestini Raditis, 20—24.X.1960, Budapest, 1963).

⁶⁰ С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 421.

⁶¹ Г. М. Василевич, Типы оленеводства у тунгусоязычных народов, М., 1964, стр. 4.

⁶² Там же.

⁶³ М. А. Дэвлет, Большая Боярская писаница, рис. 3, стр. 128.

⁶⁴ Л. Р. Кызласов, Указ. раб., рис. 7.

рубежом нашей эры и расположенном на открытой нами Сыынчюрекской писанице в Туве⁶⁵ (фото будет приведено во второй части статьи).

Конструкция специализированного оленьего вьючного седла, которое известно нам по современным этнографическим материалам, очевидно также была изобретена далеко не сразу. Вероятно, в начале специального вьючного седла еще не было и его заменяло примитивное приспособление из шкур и веток, укреплявшихся на спине оленя, быть может в какой-то мере сходное с древним лопарским вьючным седлом, описанным Шеффером⁶⁶. Нечто подобное иногда использовали и тувинцы-оленьеводы, когда не было вьючного седла. У некоторых групп подкаменно-тунгусских и верхнеленских эвенков и поныне вьючное седло иногда заменяется куском сложенной шкуры⁶⁷.

Этот этап в развитии оленеводства хронологически может быть связан с I тысячелетием до н. э., т. е. с тем временем, когда происходят крупные перемещения населения в Южной Сибири и племена скотоводов степей продвигаются в тайгу. У нас нет никаких оснований связывать фиксируемые здесь археологические культуры скотоводов эпохи бронзы и скифского времени с тюркской этнической средой. Проникновение тюрков в Присяянье, по-видимому, имело место не ранее последних веков I тысячелетия до н. э.

В I тысячелетии н. э. продолжается освоение оленя для транспортных целей (под вьюк). Вероятно, к тому времени уже было известно специальное вьючное седло, появилась упомянутая выше упрощенная форма оленьего недоуздка. Оленеводство становится специализированной формой скотоводства, связанной с развитием хозяйственно-культурного типа охотников-оленьеводов тайги, и получает широкое распространение в таежной зоне. Самодийское население Саян частично покидало этот район, переселяясь на Север, вынуждаемое к этому давлением продвигавшихся сюда тюркских групп, которые вызвали также движение кетских племен в Саянах. Но, как позволяют судить имеющиеся источники, заселявшие саянскую тайгу тюркские группы сохраняли еще в I тысячелетии н. э. коневодческие традиции и не были знакомы с оленеводством, известным в самодийской среде.

Позволим себе привести ряд фактов, как нам представляется, подтверждающих изложенную точку зрения. Этнически родственные уйгурам племена туба (дубо) — жители саянской тайги — во второй половине I тысячелетия н. э. оленеводства не знали. «Тан-шу» рисует дубо как гаежных жителей-коневодов⁶⁸. Никаких упоминаний об оленеводстве у туба в «Тан-шу» нет (между тем известно, что многие факты из быта туба, приводимые в «Тан-шу», подтверждаются этнографическими материалами). Раскопанные нами в восточносаянской тайге (Тоджа) поминальные каменные курганы, по всей вероятности, относящиеся к племенам туба, содержат кости лошадей, и в них совершенно отсутствуют кости оленей⁶⁹.

О правомерности вывода, что самодийцы развили оленеводство в собственной этнической среде, а не под влиянием тюрков-коневодов, как полагали многие наши предшественники, в том числе А. Максимов, М. Г. Левин, Г. М. Василевич и др., может свидетельствовать крайне

⁶⁵ См.: С. И. Вайнштейн, Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. VI, Кызыл, 1958, стр. 226.

⁶⁶ J. Scheffergus, Histoire de la Laponie..., Paris, 1678, p. 180.

⁶⁷ Г. М. Василевич, Эвенки, Л., 1969, стр. 98.

⁶⁸ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.—Л., 1950, стр. 349.

⁶⁹ См.: С. И. Вайнштейн, Археологические раскопки в Туве в 1955 году, «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. IV, Кызыл, 1956, стр. 33—41; его же, К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении, стр. 59, 60.

важный факт — полное отсутствие в самодийской оленеводческой терминологии тюркских заимствований, в то время как у позднейших тюрк оленеводов мы находим самодийские параллели.

Другой наш вывод, что продвигавшиеся на Север самодийские племена были знакомы с вьючным седлом, но не знали верхового, так же находит свое подтверждение в ряде фактов. Так, сохранились ненецкие предания о том времени, когда человек ходил за оленями, но на них не ездил. Одно из таких преданий приводит В. Н. Чернецов⁷⁰. Г. Д. Вербов, побывавший у лесных ненцев в 30-е годы, отметил существование у них вьючного оленеводства и отсутствие верхового⁷¹. У селькупов, по данным Г. Н. Прокофьева, оленеводство отличается от тунгусского⁷²; они знают вьючные седла 'paksat'⁷³ (ср. ненецкое название вьючного седла 'rohoso'⁷⁴), но у них нет верховой езды.

Это, конечно, не исключает, как мы уже указывали, что в отдельных случаях олень с вьючным седлом мог использоваться для кратковременной верховой езды. Вероятно, этим можно объяснить сообщение И. Георги о том, что «самоеды» ездят на оленях верхом⁷⁵, а также сообщение Г. Д. Вербова о том, что он застал у лесных ненцев стариков, помнивших о езде верхом на оленях (без верховых седел)⁷⁶.

На рубеже I и II тысячелетий н. э. начался третий этап в развитии саянского оленеводства — освоение его тюркскими группами под влиянием самодийских народов, находившихся с ними в тесном контакте.

На большую древность оленеводства в среде самодийцев-олeneводоц по сравнению с тюрками-олeneводцами указывает, в частности, сопоставление их народных календарей. Так, в календаре тувинцев-олeneводоц основанном на годовом хозяйственном цикле, нет никаких указаний на его связь с оленеводством⁷⁷, а в календарях самодийских народов, в том числе ненцев, такая связь определенно имеется, причем в названиях отдельных месяцев имеются даже прямые указания на домашнее оленеводство — факт, впервые отмеченный Л. В. Хомич⁷⁸. Например, 'тинь' — месяц отела домашних оленей; 'ты' — домашний олень⁷⁹.

Тюркские племена коневодов, продвигаясь и осваивая саянскую тайгу, заимствовали у лесных племен вместе с оленеводством некоторые элементы их оленеводческой культуры, в особенности те элементы упряжи и способы пастьбы, содержания оленей, которые существенно отличались от известных в практике коневодов, так как были более приспособлены к оленеводству. К таким заимствованиям может быть отнесен своеобразный «башмак», одевавшийся на ноги оленям и неизвестный коневодам. Характерно, что его тюркское название у тоджинцев и тофаларов 'тахан' является, по-видимому, искаженной формой самодийского названия (подобное приспособление у энцев носит название 'бокан', у ненцев 'вока').

На этом этапе тюрки-коневоды с их традициями скотоводства, приспособляясь к условиям жизни в горной тайге, внесли в заимствованное у самодийцев оленеводство ряд новых черт. Важенок начали

⁷⁰ В. Н. Чернецов, Древняя приморская культура на полуострове Ямал, «Сов. этнография», 1935, № 4—5, стр. 126.

⁷¹ Г. Д. Вербов, Лесные ненцы, «Сов. этнография», 1936, № 2, стр. 64.

⁷² Г. Д. Прокофьев, Остяко-самоеды Туруханского края, «Этнография», 1928, № 2, стр. 100.

⁷³ Фонды МАЭ, кол. 3871-9; Г. Н. Прокофьев, доставивший это седло, отмечал, что оно кладется на середину спины, как в саянском оленеводстве, в отличие от тунгусского.

⁷⁴ По данным Т. Лехтисало (см.: Л. В. Хомич, Ненцы, М.—Л., 1966, стр. 96).

⁷⁵ И. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. III, СПб., 1799, стр. 8.

⁷⁶ Г. Д. Вербов, Лесные ненцы, стр. 64.

⁷⁷ См.: С. И. Вайнштейн, К вопросу о саянском типе оленеводства, стр. 59.

⁷⁸ Л. В. Хомич, Ненцы, стр. 39, а также примеч. 81.

⁷⁹ Там же.

доить⁸⁰, а позднее перенесли на оленя навыки верховой езды и начали использовать для этих целей жесткое конское седло со стремянами. Заключение о том, что доение оленей началось лишь на позднем этапе развития саянского типа оленеводства, можно сделать на основании известного факта отсутствия доения оленей у самодийских народов. Упомянутые источники («Сборник летописей» Рашид ад-Дина, «Юань-ши») свидетельствуют о том, что важенок начали доить раньше, чем развилось верховое оленеводство. Ряд терминов, сохранившихся в языке саянских тюркок-олeneводoв, отражает процесс освоения тюркскими группами оленеводства. Нами уже отмечалось выше, что ездовой олень у тувинцев носит название 'куудай' т. е. серый конь ('тай' — конь в тувинском и ряде других тюркских языков), у тофаларов важенка называется 'инген', что в ряде тюрко-монгольских языков означает «верблюдица». Число подобных примеров можно было бы увеличить. Все термины, связанные с седлом, у тюркок-олeneводoв тюркские и, как известно, само верховое седло аналогично конскому, а выючное оленнее седло имеет специфические особенности, отличающие его от применяемого коневодами. Учитывая изложенное, можно тип выючного седла саянских оленеводов называть самодийским, а верхового — тюрко-монгольским.

У саянских оленеводов бытует еще один вид седла — «эримээш» с крестообразными луками. Такое седло предназначено для перевозки детей в колыбели. Вопрос о происхождении «детского» седла у саянских оленеводов достоин особого внимания. Это седло распространено только у тувинцев-олeneводoв, тофаларов и дархатов-олeneводoв. В отличие от остальной упряжи, связанной с верховой ездой, «эримээш» не имеет параллелей у соседних скотоводческих тюрко-монгольских народов. Такого седла нет ни у степных тувинцев, ни у хакасов, ни у бурят, ни у монголов. Нет его и у других оленеводческих народов Сибири. Более того, и у тувинцев-олeneводoв и у тофаларов это седло применялось только как оленье седло, но не использовалось для перевозки детей на лошадях, хотя у тувинцев-олeneводoв и у тофаларов есть наряду с оленьими лошадями и верховые оленьи седла употребляются одновременно как конские.

Все это, казалось, позволяет думать, что «эримээш» — реликт древних форм оленеводства, не имеющего прямых связей с коневодством и возникшего независимо от него. Однако изучение форм седел у других народов Евразии позволило найти параллели к «эримээш», как это ни парадоксально, у скотоводов Средней Азии — киргизов, а также некоторых групп казахов⁸¹.

Детское верховое конское седло киргизов и казахов также состоит из двух плоских деревянных полок, перекрещивающихся составных деревянных Х-образных луков с округлыми наконечниками, и скрепляется кожаными ремешками⁸². Оно и называется также «эримээш».

Народы, населяющие пространства, разделяющие саянских оленеводов, киргизов и казахов, — степные тувинцы, алтайцы, хакасы — не знают такого седла. Чем же можно объяснить столь любопытное этнографическое явление?

⁸⁰ Большинство исследователей (Б. Лауфер, Г. Хатт, А. Максимов и др.) считают доение оленей сравнительно поздним явлением. Это несомненно так, но у саянских оленеводов, судя по приведенному выше свидетельству «Юань-ши», доение оленей предшествовало возникновению верхового оленеводства и развилось, по-видимому, в процессе освоения самодийского оленеводства тюрками.

⁸¹ См.: С. И. Вайнштейн, К вопросу о происхождении оленеводства (об одной параллели в материальной культуре киргизов и саянских оленеводов), «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 360—362.

⁸² К. И. Антипина, Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР, Фрунзе, 1962, рис. 85а.

Конвергентное развитие в данном случае исключено, так как конструкция седел совпадает даже в отдельных не несущих функциональной нагрузки деталях. Следовательно, остается предположить, что в прошлом у тех народов, которые эти седла имеют, был контакт, допускавший заимствования. В настоящее время между саянскими оленеводами и среднеазиатскими киргизами и казахами огромное расстояние. Но в прошлом, как свидетельствуют исторические источники, предки среднеазиатских киргизов жили на Енисее в непосредственном соседстве племенами Саян. Причем енисейские киргизы (хягясы) были в контакт с таежным населением Саян, а следовательно, вполне возможно, что это седло также ведет свое происхождение от культуры коневодов-тюрок. То обстоятельство, что такое седло не известно ни одному из самодийских народов, наводит на мысль, что оно получило применение в оленеводческой среде лишь на третьем этапе вместе с освоением оленеводства тюрок.

Рассмотренные нами выше письменные источники позволяют прийти к выводу, что переход от вьючного к вьючно-верховому оленеводству произошел у таежного населения Саян в период между XIV и XVI вв. Вероятно, к XVI в. сложились все основные черты, характерные для саянского типа оленеводства, достаточно хорошо известные нам по современным этнографическим материалам⁸³.

THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF REINDEER-BREEDING IN EURASIA.

PART I. THE SAYAN MOUNTAIN AREA AS THE REGION WHERE THE REINDEER WAS FIRST DOMESTICATED.

The Sayan type of reindeer-breeding developed in three main stages. The first stage is that of the domestication of the reindeer, probably by the Samodian tribes of the Sayan—Altay taiga. Cattle-breeding traditions played a certain role in this process: these were brought by Samodian tribes which penetrated the taiga from the steppe and the forest-steppe region where they had been in contact with the steppe Bronze cultures. At the second stage the transition is effected to the predominant use of the reindeer in transportation as a pack-animal. The pack-saddle is introduced; this has survived among the Sayan reindeer-breeders up to our times. Reindeer-breeding becomes a specialized form of economy connected with the evolution of the cultural type of taiga hunters and reindeer-breeders; it becomes widely diffused. The Turkic groups who penetrated into the Sayans had not yet taken up reindeer-breeding. This stage continues up to the end of the 1-st Millenium A. D. During the third stage Turkic-speaking groups of horse-breeders who settled in the Sayan region turn to reindeer-breeding for pack transportation, riding and milking. In the course of formation of the Sayan type of reindeer-breeding Sayan Turkic groups loaned from their Samodian neighbours the specific traits of their reindeer culture. By the XIV—XVI centuries this type took the form which is familiar to us from ethnographical material.

⁸³ См. С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тоджинцы, стр. 37—66; его же, Происхождение и историческая этнография тувинского народа, М., 1969, стр. 18—20.

Я. В. Чеснов

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ

(В СВЯЗИ С РАБОТАМИ М. Г. ЛЕВИНА)*

Разработка теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей — плод коллективного труда советских ученых-сибироведов как этнографов, так и археологов. Однако несколько исследователей сыграли в этом ведущую роль. В первом их ряду стоит имя Максима Григорьевича Левина. Эта проблема заинтересовала М. Г. Левина еще во время его экспедиции в Туву в 1926 г.¹

В задачу настоящей работы не входит историографический анализ развития теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, связанной также с именами С. П. Толстова, А. П. Окладникова, А. М. Золотарева, Н. Н. Чебоксарова, С. А. Токарева и др. Но теоретическая работа М. Г. Левина в этом направлении будет рассмотрена с достаточной полнотой, чтобы показать, что основой взглядов М. Г. Левина была мысль о возникновении специализированных хозяйственно-культурных типов на основе экономических связей.

Советские исследователи пришли к созданию теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей в результате исследования проблем этногенеза. Широкая постановка этих проблем, изучение истории всех без исключения народов, больших и малых, дали огромный материал для теоретических обобщений. Особое значение имели данные, собранные на пространствах Сибири несколькими поколениями отечественных ученых (но больше всего в советское время). Внимание к современной жизни и к далекому прошлому народов Сибири, характерное для советских исследователей, позволило проследить динамику развития культурных явлений.

Важным этапом в истории изучения этой проблематики было совещание по этногенезу народов Севера в 1940 г.² На этом совещании А. П. Окладников в своем докладе выделил ареалы и стадии неолитической культуры в Сибири. В прениях по докладу выявились основные расхождения в понимании этапов в развитии хозяйства и культуры этого региона между А. П. Окладниковым и А. М. Золотаревым. В про-

* Расширенный текст доклада, прочитанного на конференции по этногенезу народов Сибири в Новосибирске 15 мая 1969 г.

¹ Сведения об этом имеются в статье В. В. Бунака, опубликованной в 1928 г. (V. Bouiak, Un pays de l'Asie peu connu: le Tannu-Touva, «Internationale Archiv für Ethnographie», 1928, Bd. 29, Hf. 13). О научной и научно-организационной деятельности М. Г. Левина, одного из крупнейших советских этнографов и антропологов, см.: В. П. Алексеев, Максим Григорьевич Левин (1904—1969), сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968.

² «Обзор прений по докладам на совещании по этногенезу народов Севера (28—29 мая 1940 г.)», «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. IX, 1941.

тивоположность А. П. Окладникову, А. М. Золотарев, следуя за схемой К. Биркет-Смита и В. Г. Богораза, считал исаковскую и серовскую культуры принадлежавшими оседлым зимним рыболовам, а более поздние — китойскую и глазковскую — культурами охотников. При этом «должная культура зимних рыболовов» рассматривалась А. М. Золотаревым как обязательная стадия для всей северной таежной и полярной зоны³. Выяснение характера древних культур Сибири имеет важное значение для последующей разработки М. Г. Левиным теоретико-хозяйственно-культурных типов⁴.

В 1945 г. М. Г. Левин в докладе «К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов северной Азии», автореферат которого был опубликован в 1947 г.⁵, не соглашаясь с А. М. Золотаревым, приходит к выводу, что в Северной Азии исходной была культура таежных охотников и рыболовов, имевших для сухопутного транспорта ручную нарту и лыжи.

Упряжное же собаководство, по М. Г. Левину, возникло сравнительно поздно, уже в условиях специализированного хозяйства оседлых рыболовов и развивающегося обмена. Рыболовство как раз давало возможность иметь достаточно корма для большого числа ездовых собак. Таким образом, по этой концепции специализированное хозяйство оседлых рыболовов и арктических охотников, обладающих упряжным собаководством, развивается из комплексной неспециализированной охотничье-рыболовецкой культуры, представленной в неолите Северной Азии. В этом регионе на этнографическом материале М. Г. Левин выделял следующие пять хозяйственно-культурных типов: 1) таежные охотники и рыболовы; 2) арктические охотники за морским зверем; 3) сседлые рыболовы бассейнов крупных рек; 4) охотники-оленоводцы тайги; 5) оленеводы тундры⁶.

Нам важно обратить внимание на то, что в рассматриваемой работе появление специализированных хозяйственно-культурных типов оседлых рыболовов и таежных охотников-оленоводцев связывается с развитием обмена и добычей пушнины для древних торговых связей с Индией, Ираном, Китаем и другими странами. Свое высшее развитие культура таежных охотников получила с распространением выючно-верхового оленеводства.

³ Подробно об этом см.: А. М. Золотарев, К вопросу о происхождении эскимосов, «Антропологический журнал», 1937, № 1; его же, Новые данные о тунгусах и дингутах XVIII века, «Историк-марксист», 1938, кн. 2.

⁴ Нужно отметить, что общий набросок хозяйственно-культурных типов был сделан С. П. Толстовым в 1932 г. См.: С. П. Толстов, Очерки первоначального исламизма, «Сов. этнография», 1932, № 2. В основу своего обзора С. П. Толстов положил разработанную в мировой этнографии схему развития форм хозяйства. Сам термин «хозяйственно-культурный тип» им еще не был применен. Однако по существу в названной статье С. П. Толстова дан блестящий пример марксистского подхода к проблеме: показано историческое место хозяйственно-культурных типов и сделан конкретный анализ их в условиях формирования феодального государства у арабов.

⁵ М. Г. Левин, К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», II, 1947.

⁶ Все пять хозяйственно-культурных типов Северной Азии представлены и в последующих работах М. Г. Левина. Но, кроме них, на юге Сибири М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров выделили тип степных скотоводов-кочевников, см. М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса), «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 9; М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, М., 1956, стр. 8.

По-видимому, кроме этих типов, на севере Азии можно наметить еще один хозяйственно-культурный тип — охотников тундры и лесотундры. Основой хозяйства выступают здесь охота на дикое оленя. Этот тип распространен на севере Азии у нганасанцев и части юкагиров, а также пережиточно у саамов, ненцев, чукчей, эскимосов и некоторых других народов Арктики, в Северной Америке — у эскимосов-охотников на карибу (см. Ю. Б. Симченко, Основные черты культуры охотников на дикое оленя Северной Евразии, М., 1964; K. Birket-Smith, The Caribou Eskimos. Material and social life and their cultural position, vol. 1—2, Copenhagen, 1929).

Следующим важным этапом в разработке методологических вопросов этнографии была совместная статья М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова «Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области»⁷.

В этой статье ее авторы впервые в советской науке сформулировали определение хозяйственно-культурных типов: «Под хозяйственно-культурными типами следует понимать исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития»⁸.

В статье в развернутой характеристике хозяйственно-культурных типов была сохранена точка зрения М. Г. Левина о важном значении экономических связей. Их роль рассмотрена на примере типа таежных охотников и рыболовов, к которому отнесены юкагиры, удэгейцы, часть орочей, отдельные группы безолленных хантов, манси и кетов. «В хозяйстве этих народов важную роль играла охота на пушного зверя, требовавшая постоянных передвижений во время охотничьего сезона и связанная поэтому с подвижным образом жизни. Пушная охота — явление относительно позднее в истории народов Севера; она была вызвана развитием обмена, тем спросом на северные меха, который предъявляли рынки Китая, Средней Азии, а в последние столетия — русский рынок»⁹. Важнейшими чертами этого типа, можно сказать, его структурообразующими элементами выступают, как мы видим, специализированная охота на пушного зверя и связанный с ней подвижный образ жизни.

В этой статье впервые в полной мере рассматривалось соотношение хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей. В статье проводилась мысль, что единый хозяйственно-культурный тип может сложиться «у разных народов и в разных, даже отдаленных друг от друга областях в сходной географической среде»¹⁰. Таким образом, по мысли авторов, черты хозяйственно-культурного типа не связаны с этнической спецификой в культуре. С другой стороны, у народов, живущих по соседству, можно выделить историко-этнографические области — конкретные территории, на которых в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов сложилась культурная общность. Историко-этнографические области так же, как и хозяйственно-культурные типы, являются исторической категорией, но пространственно ограничены взаимодействующими в их территориальном единстве этническими общностями. В Сибири были выделены следующие историко-этнографические области: ямало-таймырская, западносибирская, алтае-саянская, восточносибирская, камчатско-чукотская и амуро-сахалинская¹¹.

Как один из примеров М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров рассмотрели ямало-таймырскую область, которая включает ненцев, большую часть энцев и нганасан, а также северные оленеводческие группы хантов и манси. Здесь общность культуры сводится не только к хозяйственно-культурному типу тундрового оленеводства с использованием нартовой упряжки. Она проявляется и в специфических деталях: наличии пастушеской собаки, веерной упряжки оленей в косокопильной нарте, управлении оленями вожжей слева и т. д. Такие детали свидетельствуют об исторических связях народов на данной конкретной территории¹².

⁷ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб.

⁸ Там же, стр. 4.

⁹ Там же, стр. 5.

¹⁰ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 6. Та же концепция проводилась обоими авторами во вводной главе в кн. «Очерки общей этнографии. Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка», М., 1957.

¹¹ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 11.

¹² Там же.

Различие между хозяйственно-культурным типом и историко-этнографической областью М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров показывают на примере сопоставления чукотско-корякского (камчатско-чукотская историко-этнографическая область) и ненецкого (ямало-таймырская историко-этнографическая область) оленеводства, которые относятся к одному хозяйственно-культурному типу оленеводов тундры. Однако чукчи и коряки «не знают пастушеской собаки, запрягают обычно одного оленя в легкую нарту с гнутыми дугообразными копыльями, управляя оленями вожжей справа и т. д.»¹³.

Историко-этнографические области, по мнению М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, могут включать один хозяйственно-культурный тип (ямало-таймырская область, оленеводы тундры), или несколько (волжско-камская область, для которой характерно взаимодействие лесных земледельцев и кочевников-скотоводов при сохранении следов более древнего типа — охотников и рыболовов лесной полосы)¹⁴.

На отмеченном нами этапе разработки теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей был четко поставлен вопрос о разграничении обеих категорий. Авторы стремились сделать это на современном этнографическом материале. Они придавали большое значение тому, чтобы отделить этническую традицию в культуре народов от черт, зависящих от особого направления хозяйства в одной родной естественно-географической среде. То, что народы входят в одну историко-этнографическую область, свидетельствует об определенных исторических контактах. Но оба автора оставляли по существу открытым вопрос об этнических связях создателей таких областей, особенно областей, выявляемых археологически: «... бывает невозможно ответить на вопрос о том, имеем ли мы здесь дело с родственными по происхождению и близкими по языку группами или же с разноязычными группами, выработавшими в результате длительного исторического контакта общие черты в своей культуре»¹⁵. Таким образом, этногенетическая общность элементов хозяйственно-культурного типа, с одной стороны, историко-этнографической области — с другой, прямо противоположны. По мысли М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, развитой в работах 1953 и 1957 гг., элементы первой категории в культуре какого-либо народа, будучи функционально связаны с природной средой, не несут этнических характеристики и совпадение их у двух или более народов не свидетельствует об этнических связях. Зато элементы, относящиеся ко второй категории, хотя и не говорят непременно об этническом родстве, но свидетельствуют об исторических контактах народов, которые можно определить хронологически и территориально.

Теоретические положения, развитые М. Г. Левиным совместно с Н. Н. Чебоксаровым, вскоре были применены М. Г. Левиным к постановке этногенетической проблемы на этнографическом, а также антропологическом материале.

Во «Введении» к своей книге «Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока», вышедшей в 1958 г., М. Г. Левин провел ту же линию в отношении хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, которая нашла свое отражение в его работах с Н. Н. Чебоксаровым. Если же проследить по тексту книгу разработку М. Г. Левиным конкретных вопросов этногенеза народов Сибири, то это заставит сделать выводы, уточняющие его общие методические установки, изложенные во «Введении». Выводы эти касаются истории формирования хозяйственно-культурных типов и связи их с этническими общностями.

¹³ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 11.

¹⁴ Там же, стр. 12.

¹⁵ Там же, стр. 16.

Прежде всего М. Г. Левин поддержал выделение А. П. Окладниковым неолитических культур в Сибири, а также их характеристику как «хозяйственно-культурных областей»¹⁶.

Обратившись к фактическому материалу и выводам, сделанным А. П. Окладниковым, В. Н. Чернецовым и другими археологами в отношении неолитических хозяйственно-культурных областей¹⁷, можно констатировать следующее: 1) этим областям повсюду свойственно слабо дифференцированное охотничье-рыболовческое хозяйство. Выделение, например, рыболовства как основного занятия по берегам рек и северных озер не нарушало в общем однородной картины. На Дальнем Востоке в низовьях Амура более обособленно стоит Амурская область с большой ролью рыболовства и комплексом культуры, обнаруживающим тихоокеанские связи; 2) неолитические культуры Сибири и Дальнего Востока обладали не только культурной, но и этнической спецификой¹⁸. Этой точки зрения придерживался и М. Г. Левин¹⁹.

Чем являются эти области с точки зрения этнографа? Хозяйственно-культурными типами или историко-этнографическими областями? В общей форме можно было бы сказать, что тем и другим сразу. Но такое перенесение этнографических терминов на вполне определенную и понятную категорию археологов, как «хозяйственно-культурная область», неудовлетворительно. Дело не только в терминологии. На наш взгляд, между всеми рассматриваемыми категориями есть принципиальное различие.

Возможность реконструкции даже одного из наиболее ранних хозяйственно-культурных типов, известных нам этнографически (типа таежных охотников и рыболовов), для глубокой древности — всего неолита и даже палеолита²⁰, когда не существовало хозяйственной специализации, выглядит очень гипотетичной. Само существование современных ландшафтно-климатических зон в Сибири относится ко времени не ранее, чем VII тысячелетие до н. э.²¹ С этого рубежа наступил переходный мезолитический (эпипалеолитический) период, давший начало неолиту, когда на севере Азии появились новые формы каменных орудий, лук и стрелы, керамика. Понятно, что на огромном протяжении истории каменного века менялись условия и постепенно развивались те особенности хозяйства и материальной культуры, которые образовали особый комплекс хозяйственно-культурного типа охотников и рыболовов тайги. Этот тип — один из наиболее древних и естественно, что в нем должны быть очень сильны черты архаического хозяйства и культуры. В далекое прошлое, в ранний неолит, несомненно, уходит охота на мясного зверя, совмещавшаяся с рыболовством, навыки подледной ловли рыбы, зимнее жилище в виде землянок или полуземлянок, распашная одежда из шкур и т. д.

¹⁶ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, стр. 193; А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 1—2, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА) № 18, 1950; ч. 3, МИА, № 43, 1955.

¹⁷ А. П. Окладников, Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», 1941, вып. IX; его же, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 3; его же, К изучению начальных этапов формирования народов Сибири, «Сов. этнография», 1950, № 2; его же, Якутия до присоединения к Русскому государству, «История Якутской АССР», т. I, М.—Л., 1955; В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, МИА, № 35; 1953. См. также: «История Сибири», т. I, «Древняя Сибирь», Л., 1968, гл. 3; «Сибирь в новокаменном веке. Эпоха неолита».

¹⁸ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 1—2, стр. 10, 11.

¹⁹ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, стр. 194.

²⁰ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 5.

²¹ А. П. Окладников, Переход от палеолита к неолиту, «История Сибири», т. I, Л., 1968, стр. 76, 93.

Но при том взгляде, какой был сформулирован М. Г. Левиным роль специализации в сложении хозяйственно-культурного типа таежных охотников и рыболовов, экономическая основа этого типа выглядит особой самостоятельной стадией по сравнению с предшествовавшими эпохами. Неолитический быт, основой которого была охота на мясного зверя и рыболовство, значительно отличался своей большей оседлостью от быта палеолитических охотников на крупных травоядных животных. Об оседлом быте, допускавшем небольшие сезонные перекочевки, свидетельствует прежде всего керамика. Лишь с наступлением эпохи бронзы у обитателей тайги керамика становится малочисленной, стоянки недолговременными²². Это уже, несомненно, говорит о появлении того подвижного образа жизни, который присущ хозяйственно-культурному типу пеших таежных охотников и рыболовов. К вопросу о датировке появления этого типа мы должны будем еще вернуться ниже. Но сказанного, по-видимому, достаточно, чтобы утверждать, что с позиций М. Г. Левина, развитых им в работе 1947 г. и касающихся роли экономических связей, постановка вопроса о реконструкции рассматриваемого хозяйственно-культурного типа чуть ли не в палеолите выглядит не последовательной. Если принять, что основой хозяйственно-культурного типа является наиболее развитая специализированная отрасль экономики, то недифференцированное, меняющееся в зависимости от местных источников пищи хозяйство, господствовавшее почти на всем протяжении неолита, не дает еще такой основы. Отсюда мы должны заключить, что неолитические культурные комплексы не представляют еще сформировавшихся хозяйственно-культурных типов.

Хозяйственно-культурные области неолита, все с большей точностью определяемые в Сибири археологами, были ограничены крупными географическими и гидрографическими рубежами²³, т. е. находились в рамках индивидуальных физико-географических стран, а не соотносились с ландшафтно-климатическими зонами. Физико-географическая природная страна определяется географами по ведущим азональным геолого-геоморфологическим факторам и имеет определенный ландшафтный комплекс²⁴. Природная страна (например, Западно-Сибирская низменность, Среднесибирская, Байкальская и т. д.) включает несколько сменяющих друг друга ландшафтно-климатических зон (в нашем примере речь идет о тундре, лесотундре, тайге, лесостепи и степи), и каждая такая зона пересекает в широтном направлении ряд соседних природных стран. Несколько меридиональных географических рубежей оказались наиболее существенными для образования сибирских хозяйственно-культурных областей. Это водораздельные хребты на всем Дальнем Востоке, отделяющие дальневосточный ареал неолитических культур; далее на Западе такой границей служит Енисей и, наконец, рубеж Уральских гор²⁵. Конечно, естественно-географические рубежи никогда не были абсолютными барьерами для человеческих коллективов и даже в эпоху неолита о таких границах мы можем говорить условно, но такая тенденция в неолите существовала. Специально исследовавший этот вопрос Ч. Чард резюмирует: «... Очевидно, что в это время традиционный дуализм среды обитания, как например, степи и

²² А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 3, стр. 123, 127; В. Е. Ларичев, Племена восточно-сибирской тайги в бронзовом веке, «История Сибири», т. I, стр. 199.

²³ «История Сибири», т. I, стр. 95. Карта «Неолитические культуры Сибири» Ch. S. Chard, Neolithic culture areas of Northern Asia: A preliminary definition, «Beicht über dem V Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte, Hamburg, 1958» Berlin, 1961, SS. 181—185.

²⁴ Ф. Н. Мильков, Ландшафтная география и вопросы практики, М., 1966, стр. 30, 31, 66; В. С. Преображенский, Ландшафтные исследования, М., 1966, стр. 95.

²⁵ Ch. S. Chard, Указ. раб., стр. 182—183.

леса, не имел важного значения, так как культурные границы неолита перерезают эти зоны, и мы находим разнообразные природные условия внутри однородного культурного единства»²⁶. Он высказывает также предположение, что только с одомашниванием оленя возникло обособление культур по отдельным ландшафтно-географическим зонам²⁷.

Ареалы неолитических культур Сибири (байкальский, дальневосточный, якутский и урало-обский) включали различные ландшафтно-климатические зоны, соотношение которых было аналогично современному, хотя широтные границы современных зон несколько отличаются от границ древних. Внутри отдельных культур мы наблюдаем разнообразие ландшафтно-климатических условий, например, в обской культуре — берега рек и озер, где пищей человеку служила рыба, и тайга с мясным зверем; в прибайкальской — степи и лес.

С другой стороны, каждая из неолитических культур Сибири была создана, как это постоянно доказывает А. П. Окладников, этнически родственным населением. Такой авторитетный исследователь, как В. Н. Чернецов, также постоянно прослеживает этническую специфику в древних культурах Сибири. По его мнению, «этнические группы образовывали цепи родственных культур, которые слагали этнокультурный ареал, близко соответствующий языковой семье»²⁸. Говоря далее о традиционных приемах хозяйства, устойчивых особенностях в фольклоре, идеологии, искусстве, В. Н. Чернецов характеризует их как «показатели этнической непрерывности». «Эти устойчивые традиционные признаки не могут использоваться при анализе иных, кроме первобытнообщинной, формаций»²⁹.

Беря за основу положения М. Г. Левина, изложенные им впервые в работе 1947 г., мы можем поставить вопрос о датировке самых ранних хозяйственно-культурных типов в Северной Азии. В Сибири эпоха общественного разделения труда наступила, по-видимому, в китойское время (III—начало II тысячелетия до н. э.). Для этого времени А. П. Окладников обнаружил такой характерный показатель развитого обмена, как торговля нефритом³⁰.

Отмечаемое в китое снижение роли охоты на мясного зверя, выдвижение на передний план рыболовства, рост собирательства, развитие торговли нефритом должны говорить и о росте пушного промысла, роль которого все более возрастала в последующее время. Таким образом, в китойское время сформировался наиболее древний хозяйственно-культурный тип на севере Азии — тип пеших таежных охотников и рыболовов. Характерно, что именно в китойское время в погребениях обнаружено имущественное неравенство — знак того, что родовые отношения начали разлагаться. Эта тенденция еще более выражена в глазковское время (XVIII—XIII вв. до н. э.), когда устанавливаются регулярные связи таежных охотников и рыболовов со скотоводческими народами лесостепей и степей юга. Огромную стимулирующую роль сыграло, по-видимому, соседство производящего пашенного земледельческого хозяйства, а также скотоводства в Монголии и Забайкалье в конце неолита и в бронзовом веке во II и I тысячелетиях до н. э.³¹.

Важнейшим переломным моментом в истории хозяйственно-культурных типов на севере Азии было распространение с юга оленеводства, которое, как показало исследование М. Г. Левина и Г. М. Василевич,

²⁶ Ch. S. Chard, Указ. раб., стр. 185.

²⁷ Там же.

²⁸ Выступление В. Н. Чернецова на обсуждении доклада А. Л. Монгайта, «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, стр. 73.

²⁹ Там же.

³⁰ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 1—2, стр. 372.

³¹ А. П. Окладников, О начале земледелия за Байкалом и в Монголии, сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 428; В. Е. Ларичев, С. А. Федосеева, Неолитические племена Якутии, «История Сибири», т. I, стр. 122.

возникло под влиянием коневодства на рубеже нашей эры³². Распространение вьючно-верхового и упряжного оленеводства, а также пушного промысла больше, чем что-либо другое, содействовало дифференциации хозяйственно-культурных типов по ландшафтно-климатическим зонам. В соответствии с широтным направлением последних хозяйственно-культурные типы также распространялись в основном в этом направлении. Сходные типы перекрыли в широтном направлении прежние неолитические ареалы, очерченные по существу индивидуальными физико-географическими странами.

По поводу основных особенностей материальной культуры хозяйственно-культурного типа охотников-оленьеводов тайги М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров отмечают, что они «остались прежними: тот же чум, лодка-берестянка, распашной тип одежды и т. д.»³³. Имеется сходство общих направлений хозяйства в типе пеших таежных охотников и рыболовов и в типе охотников-оленьеводов тайги. У тех и у других рыболовство обеспечивает возможность заниматься специализированным охотничьим хозяйством, особенно пушной охотой, имеющей главным образом товарное значение. Транспортное оленеводство способствует либрификации пушной охоты и подвижности охотника. Убой домашних оленей на мясо незначителен и существенно не изменил важной роли охоты на мясного зверя. Естественно, что появление в той же таежной зоне нового, более развитого хозяйственно-культурного типа охотников-оленьеводов стало возможно благодаря росту экономических связей главным образом с населением южных скотоводческих и земледельческих районов, большей специализации вследствие роста разделения труда. Сопоставление охотников-оленьеводов и пеших таежных охотников и рыболовов лишний раз доказывает значение углубления разделения труда для появления нового хозяйственно-культурного типа. В связи с этим само первоначальное возникновение хозяйственно-культурных типов мы непременно должны связать с возникновением общественного разделения труда.

Рассматривая совместные работы М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, где впервые были названы и охарактеризованы по существу все хозяйственно-культурные типы мира, следует поставить вопрос о критерии выделения отдельного типа, т. е. вопрос о границах между типами в историческом плане, а также в плане географическом.

Возьмем в качестве примера все тех же пеших таежных охотников и рыболовов и охотников-оленьеводов тайги. Структуроопределяющим фактором хозяйственно-культурного типа таежных охотников-оленьеводов по сравнению с прежним типом выступает новая форма хозяйства — транспортное оленеводство, давшее возможность освоить большую охотничью территорию и сделавшее охотника еще более подвижным. Критерий различия этих двух хозяйственно-культурных типов лежит здесь не в сфере различия отдельных элементов культуры, а в особой для каждого типа структуре объединения одинаковых элементов культуры на основе разных форм хозяйства в одной природной зоне. Устойчивость структуры каждого из этих двух близких хозяйственно-

³² Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение. «Сов. этнография», 1951, № 1. См. также: С. И. Вайнштейн. К вопросу о саянском типе оленеводства, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXXIV, М., 1960; его же, К вопросу о происхождении оленеводства, сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968. По проблеме распространения оленеводства в Прибайкалье в глубь тайги существует интересная точка зрения Г. П. Сосновского. Он связывал начало использования оленя в хозяйстве пеших охотников и рыболовов тайги с тем, что первоначально домашние животные попадали в тайгу как объекты обмена (Г. П. Сосновский, Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье, «Изв. ГАИМК», вып. 100, М.—Л., 1933, стр. 221, 222).

³³ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 6.

культурных типов определяется, следовательно, не природной средой — она одинакова в обоих случаях.

С другой стороны, единый хозяйственно-культурный тип может развиваться на основе географически различающихся форм одного вида хозяйства, как, например, это имеет место у кочевников-скотоводов степей и полупустынь. Представителями этого типа являются монголы, значительная часть тибетцев, казахов, киргизов, часть туркмен, кочевых племен Ирана, Турции, Аравии и Северной Африки. Если у монголов на первом месте стоит разведение лошадей и овец, то у кочевых арабов (бедуинов) — лошадей и верблюдов и т. п. Состав стада и природные условия содержания скота могут значительно изменяться от одной территории кочевого скотоводства к другой. Однако везде скотоводство представляет собой специализированное хозяйство, вызвавшее массу сходных особенностей быта и культуры: кочевой образ жизни, преобладание мясной и молочной пищи, переносное жилище, широкое распространение кожаной утвари за счет керамической и т. д. Конкретные же формы культуры в данном типе могут существенно меняться. Достаточно назвать юрту, а также рубашку, штаны, халат и сапоги монголов, с одной стороны, и — с другой стороны — тканую шерстяную палатку бедуинов, их костюм на основе туники, плаща-покрывала и легкой поясной одежды, их сандалии.

Различно у кочевников-скотоводов и соотношение кочевого скотоводства с другими отраслями хозяйства, выступающими как подсобные занятия: охотой, земледелием, рыболовством и т. д.

Общий вывод из рассмотрения вопроса о критерии выделения хозяйственно-культурного типа следующий: единство типа структурно определяется главной отраслью хозяйства, представляющей одну из сторон в общественном разделении труда. Хозяйственно-культурный тип в сфере культуры может быть представлен элементами, имеющими распространение и в других типах, но в каждом данном хозяйственно-культурном типе эти черты образуют особое сочетание, особую структуру.

Таким образом, концепция М. Г. Левина, заключающаяся в социально-экономической обусловленности возникновения хозяйственно-культурных типов, позволяет нам: 1) более конкретно представить себе взаимоотношения природы и общества в разные исторические эпохи, 2) уточнить исторические рамки существования хозяйственно-культурных типов.

Природная среда, являясь предпосылкой любой человеческой деятельности, основным ее условием, выполняет эту свою роль по-разному в течение прогрессивно сменяющих друг друга исторических эпох. То, в каком виде природная среда выступает перед человеком, зависит от его собственной деятельности, которая сама в конечном счете определяется уровнем социально-экономического развития общества.

Как показывает материал по истории народов Сибири, начиная по крайней мере с неолита, можно выделить две эпохи в отношении общества к природной среде. Первая из них, древнейшая, состояла в том, что хозяйственная деятельность людей была целиком направлена только на воспроизводство самих коллективов. Отсутствовало разделение труда между коллективами, низкий уровень производства не допускал хозяйственной специализации. На этом этапе наблюдается обычно сходство производственного инвентаря на больших территориях, очерченных границами отдельных физико-географических стран. На этом уровне социально-экономического развития мы не наблюдаем сложившихся культурных комплексов, соответствующих зональным ландшафтно-климатическим условиям, т. е. хозяйственно-культурных типов. В эту эпоху в границах физико-географических стран существуют ареалы неолитических культур, представляющие собой большие территории, которые ограничены крупными физико-географическими рубежами и которые

обнаруживают определенное единство производственного инвентаря, керамики, орнамента и т. п., что говорит об обитании в таких ареалах скорее всего родственного населения. Итак, в рассматриваемую эпоху характер взаимодействия человека с природной средой зависел от чрезвычайно низкого уровня развития производительных сил, что влекло за собой, с одной стороны, недифференцированное использование местных ресурсов, а с другой то, что физико-географические рубежи являлись тогда очень большими препятствиями, которые замыкали отдельные родственные группировки человечества. Для этой эпохи характерны «хозяйственно-культурные области», по терминологии А. П. Окладникова, или «этнокультурные ареалы», по терминологии В. Н. Чернецова.

Вторая эпоха начинается с возникновением общественного разделения труда еще в условиях первобытного строя. Суть наступившего изменения в отношении к природе заключается в том, что возникло специализированное хозяйство. В эту эпоху производственные значения имеют не вообще все ресурсы, возможные на прежней стадии, а главные источники питания и материальных благ, на которые ориентировано производство, а также вся культура и быт.

Решающим фактором возникновения специализированного хозяйства явилось социально-экономическое развитие. Ф. Энгельс рассматривает разделение земледельческих и скотоводческих народов прежде всего как первое крупное общественное разделение труда. «Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров — это было первое крупное общественное разделение труда. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимыми средствами к жизни были другие... Это впервые сделало возможным регулярный обмен. На более ранних ступенях развития мог происходить лишь случайный обмен...»³⁴.

Следует полагать, что обособление земледельческого и скотоводческого хозяйств, которое, по новейшим данным, раньше всего началось на Ближнем Востоке с VI тысячелетия до н. э.³⁵, дало основной толчок формированию хозяйственно-культурных типов.

Иная точка зрения — взгляд на взаимоотношение между географической средой и обществом только как на процесс приспособления человека к этой среде — ведет к географическому детерминизму. Хозяйственно-культурные типы нельзя рассматривать лишь как приспособление к географической среде, как комплексы, функционально с ней связанные. Эти типы исторически развиваются на основе территориально-зонального разделения труда и представляют собой особые формы взаимодействия общества с природной средой. Территориально-зональное разделение труда ограничено использованием в экономических связях продуктов, появляющихся на определенной ступени у общества, где земля является основным средством производства.

Эпоха возникновения хозяйственно-культурных типов совпадает с наступлением общественного разделения труда и началом разложения материнско-родовых отношений. С появлением хозяйственно-культурных типов оро- и гидрографические рубежи служат препятствием для расселения народов в гораздо меньшей степени, чем на прошлой стадии. В общение вступают разные по происхождению народы и с разными хозяйственно-культурными типами. На этой основе образуются историко-этнографические области — конкретные территории, на которых взаимодействуют народы с различными хозяйственно-культурными ти-

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 160.

³⁵ A. Ch. Reed, A review of the archeological evidence on animal domestication in the prehistoric Near East, «Studies in ancient Oriental civilization», Chicago, 1960; F. E. Zeuner. A history of domesticated animals, London, 1963; Х. Клингль. Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии, «Вестник древней истории», 1967, № 4.

нами. В рамках историко-этнографических областей осуществляется дальнейшее развитие хозяйственно-культурных типов и их распространение.

По сравнению с предшествующей эпохой, хозяйственно-культурные типы представляют новую форму отношения людей к природной среде, форму, которая диктуется более высоким уровнем социально-экономического развития в целом и общественным разделением труда в частности. В эту эпоху ряд старых видов жизнедеятельности людей перерастает в специализированные комплексы хозяйства и культуры. Но это лишь частный случай более широкого процесса формирования различных хозяйственно-культурных типов, часто связанных с совершенно новыми направлениями хозяйства. Важнейшим условием такого взаимодействия с природой является, по нашему мнению, историко-этнографическая область, образующая историко-культурную среду для развития хозяйственно-культурных типов, облегчающая переход от низших типов к высшим.

Отметим, что историко-этнографические области имеют границы, опосредствованные социально и культурно гораздо в большей степени, чем хозяйственно-культурные области предшествовавшей эпохи. В силу этого границы историко-этнографических областей оказываются довольно подвижными и зависят от конкретной истории народов, их переселений, а также политической экспансии в эпоху классового общества. Однако историко-этнографические области, представляя собой конкретные территориальные образования, могут обнаруживать связи с предшествовавшими им хозяйственно-культурными областями, которые также были конкретными территориальными единствами. О том, что историко-этнографические области, выделяемые на этнографическом материале и по данным письменных источников, могут быть сопоставлены с археологическими хозяйственно-культурными областями, А. П. Окладников писал в своей рецензии на книгу М. Г. Левина³⁶.

Признавая в качестве важнейшего положение о том, что возникновение хозяйственно-культурных типов причинно связано прежде всего с определенным уровнем социально-экономического развития — появлением разделения труда у обществ, находящихся в различных ландшафтно-климатических условиях, мы не должны тем не менее преуменьшать натуральность хозяйства народов Сибири на всем протяжении существования у них хозяйственно-культурных типов. Здесь нет противоречия, так как в данном случае возвращение продуктов товарного обращения в производство по существу не имело места. Товарный обмен велся главным образом предметами непроемчивого потребления (пушнина, некоторые виды пищи, напитки, соль, украшения, в поздние эпохи в самом небольшом объеме — железо и лишь в последние столетия — огнестрельное оружие). В более отдаленном прошлом степень натуральности была особенно велика, так как производители сами обеспечивали себя необходимыми средствами производства. Главным средством производства на всем протяжении существования хозяйственно-культурных типов остается земля, эксплуатация ресурсов которой ведется в условиях территориально-зонального разделения труда.

³⁶ А. П. Окладников, Рецензия на кн. М. Г. Левина «Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока», «Сов. археология», 1964, № 1, стр. 295, 296.

ON THE SOCIAL-ECONOMIC AND NATURAL CONDITIONS OF THE ORIGIN OF ECONOMIC-CULTURAL TYPES

(IN CONNECTION WITH THE WORKS OF M. G. LEVIN)

The article attempts to elaborate the theory of economic-cultural types initiated by Soviet ethnographers in the course of research into the causes of similarities and differences between the cultures of different peoples. Economic-cultural types represent historically evolved complexes of economic and cultural traits characterizing peoples in certain geographical environments at certain levels of their social-economic development. Research workers specializing in the ethnography and archaeology of Siberia played an important part in developing the concept of economic-cultural types. Prominent among them was M. G. Levin on whose theoretical ideas the present article is based. Its main theses are the following: various economic-cultural types are formed within the boundaries of geographical landscape zones; these complexes of economy and culture first appear in Siberia at the end of the Neolithic — beginning of the Bronze era. Their rise is preconditioned primarily by a social-economic factor — the social division of labor bearing a territorial-zonal character. The idea is promulgated that the social-economic development of society should be regarded as the definitive factor in the emergence of economic-cultural types. A favourable environment for the spread of social-economic types and their contacts is formed by historical-ethnographic regions where peoples of different origin interact during long periods of time and attain unity in some spheres of culture. As to the areas of Neolithic cultures they should be distinguished both from economic-cultural types and from historical-ethnographic areas.

Э. А. Рикман

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ПЛЕМЕН НИЗОВЬЕВ ДНЕСТРА И ДУНАЯ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

Теоретические предпосылки для решения поставленных в настоящей статье вопросов разработаны Ф. Энгельсом, который, пользуясь трудами древних авторов первых столетий нашей эры, объяснил, в частности, как происходило перерождение родового строя в классовый у германцев, показал, что собой представляли «органы родового общества, развивающегося в военную демократию»¹. Археологически германцы (вестготы) и их соседи карпо-дако-геты, сарматы и венеды представлены в низовьях Днестра и Дуная памятниками черняховской культуры II—IV вв. н. э. Это мнение автор настоящей статьи разделяет со многими советскими и румынскими учеными (М. И. Артамонов, Р. Вулпе, М. Комша, В. В. Кропоткин, М. А. Тиханова, П. Н. Третьяков и др.).

Используя письменные и археологические источники, относящиеся к этому отрезку времени, попытаемся рассмотреть некоторые вопросы, связанные с переходом от родового строя к классовому у упомянутых выше племен, а также обрисовать социальное развитие племен на стадии перехода общества в военную демократию.

Для понимания путей имманентного развития варварского общества существенна следующая мысль К. Маркса: «Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными»². Племена же черняховской культуры были многочисленными³, и это способствовало ускорению их экономического и социального развития нередко на основе усвоения ими достижений античной цивилизации.

Племена черняховской культуры, уступая населению античных центров в интенсивности производства, приближались в какой-то мере к жителям античных центров по уровню оснащенности своего производства. Так, в сельском хозяйстве они использовали почти тот же набор орудий труда, почти те же приспособления для хранения урожая, виды злаков и скота. Из античных центров были заимствованы некоторые орудия ткачества, форма посуды и техника ее производства и т. д. Ремесленники производили изделия на заказ и на рынок с ограниченными районами сбыта⁴. Помол зерна и, по-видимому, его производство были делом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 568.

³ Карта памятников первых столетий нашей эры на территории Пруто-Днестровского междуречья. «История Молдавской ССР», т. I, Кишинев, 1965, стр. 43, J. J o n i ț ă, Contribuții cu privire la cultura Sintana de Mureș — Cerneahov pe teritorie Republicii Socialiste România, «Arheologia Moldovei», IV, București, 1966, p. 189—192.

⁴ В. В. Кропоткин, К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры, сб. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», М., 1970, стр. 158.

не общины в целом, а отдельных семейных коллективов. Это мнение основано на том, что в отдельных домах найдены совершенные жерновые ручные мельницы типа, существующего и в наши дни. Ремесло и земледелие создавали прибавочный продукт, без которого невозможно формирование классового общества. Наличие этого продукта отразилось в высоком развитии торговли, которая охватила не только знать, но рядовых общинников. Это мнение подтверждают находки импортных вещей в могилах и жилищах рядовых черняховцев. Внешняя и внутренняя торговля у черняховцев рассматриваемого района осуществлялась помощью римской монеты, причем перечисленные выше племена принимали ее, как доказано В. В. Кропоткиным⁵, не на вес, а на счет, различая монеты по внешнему виду. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что черняховцы целиком восприняли римскую денежно-весовую систему, что, в свою очередь, является показателем их тесных экономических связей с античным миром.

Уровень развития экономики должен был, казалось бы, привести к возникновению у черняховцев городов. Последние, однако, не известны. Значит, коренное разделение труда между городом и селом еще зародилось. Потому особенное значение для черняховцев представляли хозяйственные и культурные связи с античными городами.

Варварский мир медленно сближался с античным в области культуры и идеологии. Из античных центров к варварам низовьев Днестра и Дуная постепенно проникает письменность и распространяется христианство⁶.

Тесные связи с античным миром ускоряли развитие варварского общества. Видимо, в наибольшей степени это относится к вестготам. О развитости имущественных отношений у вестготов в IV в. свидетельствует существование в готском языке понятий, связанных с денежными операциями: «долг», «должник», «кредитор», «долговое обязательство», «заклад», «проценты». Немало слов, характеризующих развитые представления о собственности: «собственность», «кража», «воры» и т. д. Имущественное благосостояние определяло у вестготов в IV в. социальный вес. Обедневшие свободные общинники становились наемными работниками. Характерно, что в готском языке были слова для определения таких понятий как «наемный работник», «нищий»⁷.

Археологический материал вносит дополнительные штрихи в представления об имущественной дифференциации у племен II—IV вв. н. э. Так, с данными, полученными из готского языка, перекликаются сведения о находках даже на глухих поселениях черняховцев, расположенных в отдалении от важных путей, по крайней мере водных, кладов римских и ранневизантийских денег, бронзовых⁸, серебряных и золотых (последний — вблизи от поселения)⁹.

Беским подтверждением существования у черняховцев имущественного неравенства являются найденные при раскопках поселений и могильников замки и ключи.

⁵ В. В. Кропоткин, Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э., М., 1967, стр. 46, 47.

⁶ Э. А. Рикман, О влиянии позднеантичной культуры на черняховскую в Днестровско-Прутском междуречье, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», М., 1970, вып. 124, стр. 25—30; M. Comşa, Zur Romanisierung der Gebiete nördlich der Donau (Muntenien, Südmoldau) im 4 Jhr. u. z., «Dacia», Nouvelle série, IX, 1965, p. 29.

⁷ А. Р. Корсунский, О социальном строе вестготов в IV в., «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1965, № 3, стр. 62, 64; W. Streitberg, Die gotische Bibel, Zweiter Teil, Gotisch — Griechisch — Deutsches Wörterbuch, Heidelberg, 1910.

⁸ В. В. Кропоткин, Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в., с «Нумизматика и эпиграфика», т. I, М., 1960, стр. 215—222.

⁹ А. А. Нудельман и Э. А. Рикман, Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии, «Известия Молдавского филиала АН СССР» (далее МФ АН СССР), № 4 (31), Кишинев, 1956, стр. 143—154.

Судя по обнаруженным в могильниках и развалинах жилищ поселений Будешты, Делакеу и Собарь находкам, замками запирали дома и шкатулки — ценные личные предметы, иногда сживавшиеся вместе с поковыми.

Замки из железных или бронзовых деталей, запиравшие шкатулки, представляли собой коробки из прямоугольных пластин, скрепленных заклепками. На одной стороне коробки — два круглых¹⁰ или одно продолговатое¹¹ отверстия для ключа.

Подобные замки шкатулок известны также на территории Польши и Прибалтики у населения первых столетий нашей эры и средневековья¹².

Встречавшиеся на поселениях в низовьях Днестра и Дуная самые разнообразные ключи можно разделить на несколько типов. Стержни с загнутым в виде крюка концом¹³ служили для отпираания замков шкатулок, пластины которых имели по два отверстия; в двух погребениях эти предметы найдены вместе. Стержень, один конец которого был загнут под прямым углом, а второй — в виде колечка (для привязывания ключа к поясу)¹⁴. Стержень с загнутыми в противоположные стороны концами¹⁵. Ключи четвертого типа представляли собой стержень с раздвоенным концом¹⁶; у ключей пятого типа стержень с отверстием (для привязывания к поясу), рабочий конец этого ключа сохранился плохо.

Ключи были довольно широко распространены не только у племен черняховской, но и у племен пшеворской и липецкой культур в лесостепной зоне Восточной Европы¹⁷.

Находки ключей и замков являются красноречивым свидетельством появления личной собственности и отмирания родового строя¹⁸. Если признать существование у черняховцев большой патриархальной семьи, то находки замков и ключей шкатулок — признак распада больших семейных коллективов: члены малой семьи запирали предметы, оберегая их от остальных обитателей большесемейного дома.

Имущественное различие отразилось и в погребальном инвентаре. Наиболее ясно это выражено в раннечерняховском могильнике Ханска-Лутэрия, где одно захоронение (трупосожжение) резко выделяется среди остальных 14 не только большим количеством оружия, предметов местного производства и импортных вещей, но и наличием золотых украшений. Это, несомненно, могила представителя племенной знати.

В могильнике Малаешты¹⁹ 15,3% погребений отличаются обилием инвентаря (в четырех из них обнаружены импортные вещи).

Обитателей селища Будешты имущественная дифференциация затронула в меньшей степени, судя по составу инвентаря погребений кладбища, относящегося к этому селищу. Из 360 погребений богатством инвентаря, а также некоторой усложненностью погребальных сооружений

¹⁰ В могильнике Будешты найдены детали трех таких замков.

¹¹ В могильнике Ханска-Лутэрия обнаружена деталь одного замка.

¹² O. Almgren und B. Nerman, Die ältere Eisenzeit Gotlands, Heft. 2, Stockholm, 1923, Seite 80; Z. Zakrzewski, Cmentarzysko z kultury rzymskiej w Czałowie, «Przegląd archeologiczny», t. II, Livr. 1, 1922, Poznań, 1923, стр. 91, 95.

¹³ В могильнике Будешты найдены 2 экз.; на селище Алчедар III—I.

¹⁴ В могильнике Будешты найден 1 экз.

¹⁵ В могильнике Будешты обнаружены 2 экз.; на селище Собарь — 1 экз.

¹⁶ В могильнике Будешты — 1 экз.; на селище Делакеу — 1 экз.

¹⁷ М. Ю. Брайчевский, Біля джерел слов'янської державності, Київ, 1964, стр. 281—283; А. Т. Брайчевская и М. Ю. Брайчевский, Раскопки в с. Леськах близ Черкасс, «Краткие сообщения Ин-та археологии» (далее КСИА) АН УССР, вып. 8, 1959, табл. II, рис. 7; А. Т. Брайчевская, Отделение ремесла от земледелия и развитие торговли в раннеантском обществе, Киев, 1951 (канд. дис.), стр. 67.

¹⁸ Кроме упомянутых, находки ключей известны также в могильниках и селищах Изд I (черняховская культура), Гринев (пшеворская культура) и Липица (липецкая культура). См. А. Т. Брайчевская. Указ. раб., стр. 63, 66, 67.

¹⁹ Г. Б. Федоров, Малаештский могильник, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА СССР), вып. № 82, М., 1960, стр. 294, (погребение 4, II, 33—35 и Б).

выделяются только три могилы, т. е. 0,8% от общего числа погребений. Что же касается могильника Балцаты, то в 59 его погребениях нет выразительных признаков имущественной дифференциации.

На территории Днестровско-Прутского междуречья в четырех новых могильниках черняховской культуры вскрыто 473 погребения. Из их числа только 10 могил (2%) дают повод говорить об имущественной дифференциации. Надо иметь в виду, что в погребальном обряде мы сталкиваемся в первую очередь с культовыми явлениями и только вторую — с социальными. Следовательно, хотя характер могильников Будешты, Малаешты, Балцаты II и Ханска-Лутэрия и свидетельствует об известной имущественной дифференциации среди черняховцев, однако нет оснований говорить ни о глубоких имущественных различиях, ни о широком распространении этого социального явления. Кроме того, между населением, оставившим различные упомянутые выше памятники, наблюдаются определенные различия в степени имущественной дифференциации. У вестготов, господствовавших над племенами, создавшими черняховскую культуру рассматриваемого района, степень имущественных различий могла быть выше, чем у карпо-дако-гетов или сарматов-алан, которым с наибольшей вероятностью приписываются упомянутые могильники.

В начале статьи автор старался показать уровень экономического развития племен черняховской культуры в сравнении с тем, чего достиг античный мир. Мы считаем, что наличие некоторых черт сходства в экономике черняховцев и соседнего античного мира позволяет предположить зарождение у них классовых отношений. Однако отставание черняховцев от античного мира в экономике и культуре заставляет априори предположить наличие у этой группы племен остатков родо-племенных отношений.

Это предположение подтверждается свидетельствами древних авторов, рисующих общественный строй варварских племен традиционно, особым вниманием к институтам родо-племенного строя, т. е. к тому, что не типично для античного общества. Хорошо осведомленный о варварских племенах в низовьях Дуная и Днестра Аммиан Марцеллин (IV в.), описывая общественный строй сарматов-алан, одних из носителей черняховской культуры, отмечает проявления у них родо-племенных отношений: «Они не имели никакого понятия о рабстве, будучи в одинаково благородного происхождения, и в судьи они до сих пор выбирают лиц, долгое время отличавшихся военными подвигами»²¹. Он считает «общий совет» у готов²², также входивших в число носителей упомянутой культуры. В этой же связи представляет интерес известие Приска о племени акатиров времен Аттилы, которые, вероятно, принадлежат к числу потомков агатирсов-фракийцев (оба эти племена, и наименования которых сходны по звучанию, проживали в разные эпохи близко расположенных территориях). Приск пишет, что у акатиров «было много начальников по коленам и родам», упоминает их царя Куридаха²³. Эти сообщения — свидетельства существования института родового строя и его разложения, которое во II—IV вв. н. э. — время существования черняховской культуры — затронуло устои родовых рядков меньше, чем в V в.

Распространение на поселениях племен черняховской культуры «больших домов» — обиталищ большой патриархальной семьи²⁴ — дает основание предположить существование у этих племен еще одного ин-

²⁰ Э. А. Рикман, Памятник эпохи великого переселения народов, Кишинев, 1967, стр. 60, 61, 64, 65 (погребения 57, 228 и 243).

²¹ Аммиан Марцеллин, Сохранившиеся книги «Истории», XXXI, 2, 25.

²² Сохранившиеся книги «Истории», XXXI, 3, 8.

²³ Приск Панийский, Готская история, 8, ВДИ, 1948, № 4, стр. 252.

²⁴ Э. А. Рикман, К вопросу о больших домах на селищах черняховского типа, «Сов. этнография», 1962, № 2.

ститута родо-племенного строя — большой семьи²⁵. По соседству с «большими домами», как правило, располагались ямы, где хранились продовольственные запасы для нескольких десятков человек. В то же время обнаруженные по соседству с «большими домами» небольшие по площади жилища позволяют сделать вывод о выделении индивидуальных семей из большесемейных коллективов.

О наличии большой семьи свидетельствует и группировка погребений в могильниках Будешты и Малаешты, где группы могил отделены друг от друга свободными пространствами. В Будештах было по крайней мере девять групп могил, в Малаештах — три. В Будештах погребения группировались так: одна группа состояла из 5 погребений и захоронения сосудов с ритуальной пищей; в трех группах было по 6 погребений (в одной группе еще захоронение сосудов, а в другой — животного); в одной — 11 погребений; в двух — по 13 погребений (в одной группе — еще захоронение сосудов); в одной — 21 погребение и захоронение сосудов; и, наконец, еще в одной — 37 погребений, 2 захоронения животных и два захоронения сосудов. В Малаештах погребения объединялись в три группы (3, 7 и 9 могил). Количество погребений в упомянутых группах приближенно отражает количество людей в большесемейных коллективах. Как видно, многие из них были довольно крупными; были и более малочисленные коллективы, образовавшиеся, очевидно, в результате дробления.

Приведенные выше данные подтверждают мнение Г. Бако, что группировка могил, выявленная на планах кладбищ первых веков н. э. в Румынии и на Украине (Сынтана де Муреш, Тыргшор, Привольное, Петуховка), отражает существование больших патриархальных семей²⁶.

Допущение о существовании у племен первых веков нашей эры большой семьи косвенно подкрепляется данными письменных источников. Большая семья у германцев конца I в. н. э. отмечена Тацитом. Говоря о военном строе германцев, Тацит указал, что их военные подразделения образуются из *familiae* («Германия», VII), т. е. из больших семей, ибо отдельное воинское подразделение из боеспособных членов малой семьи немыслимо. Равнозначно с *familia* Тацит употребляет выражения *domus* и *universa domus*, что опять-таки обозначает большую семью или семейную общину²⁷. Видимо, большая семья существовала не только в конце I в. н. э. у германцев, но и у черняховцев, о чем свидетельствует наличие у них «больших домов» и группировок погребений.

Если согласиться с гипотезой о существовании большой патриархальной семьи, то именно ее надо считать носителем обычаев семейного, судебного права, взаимопомощи и круговой поруки, отмеченных в IV в. у вестготов по письменным источникам. Вероятность выдвинутой гипотезы усиливается тем, что в законах готов V—VI вв. сохранились сведения о большой семье²⁸.

Однако полностью полагаться на сообщения древних авторов, идеализировавших общественные отношения у варварских племен, было бы ошибочным. Ведь племена первых веков нашей эры, археологически представленные черняховской культурой, развивались в эпоху, когда родо-племенной строй, по словам Ф. Энгельса, «... превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»²⁹. Основываясь на этом выводе Ф. Энгельса, следует оценить соот-

²⁵ М. Ю. Брайчевский, Указ. раб., стр. 285.

²⁶ G. Bako, Date privind structura socială și apartenența purtătorilor culturii Sîntana-Cerneahov din Transilvania, «Studii și cercetări de istorie veche» (далее SCJV), I, t. 19, București, 1968, fig. 1, 3—5.

²⁷ М. О. Косвен, Патронимия древних германцев, «Изв. АН СССР, серия истории и философии», 1949, т. VI, № 4, стр. 357, 359.

²⁸ А. Р. Корсунский, О социальном строе вестготов в IV в., стр. 59, 61.

²⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 165.

ношение между институтами классового и родо-племенного строя в рассматриваемую переходную эпоху.

Это положение относится, в первую очередь, к данным древних авторов о структуре общества вестготов: различались простой народ знатные люди, занимавшие руководящие посты. Однако эти различия не были оформлены юридически, а основную массу населения составляли даже в V—VI вв. н. э. рядовые свободные готские общинники, по неоправные участники народных собраний, воины³⁰.

Характер общины племен черняховской культуры не может быть определен с достаточной убедительностью, но немногие имеющиеся данные говорят о наличии территориальной общины. Подтверждением этого может служить топография поселений, где отсутствует группировка жилищ, порождаемая патронимией, и постройки повсеместно образуют улицы. Кроме того, наличие на селище у г. Комрат, как и на селищах черняховской культуры Поднепровья (Леськи и т. д.)³¹, признаков общинных и огражденных усадеб, не согласуется с мнением о существовании родовой сельской общины, а свидетельствует о появлении индивидуально-семейной собственности. Мнению о существовании родовой общины противоречит и тот факт, что близ некоторых селищ были обнаружены невысокие валы, которые, видимо, надо рассматривать как межплеменные границы землевладений. Такие валы, именуемые «Траяновыми», имеются, например, у селища Делакеу³². Эти валы напоминают межевые сооружения из земли и камней, ограничивающие поля на территории Германии и Дании первых столетий нашей эры и средневековья³³.

О преобладании территориальных связей над родовыми между жителями поселков свидетельствует тот факт, что на планах могильников индивидуальных погребений гораздо больше, чем групповых. Недаром в готском языке IV в. имелись понятия «сосед», «граничить». В сельских общинах вестготов существовали народные собрания, осуществлявшие суд и регулировавшие порядок землепользования³⁴.

Что касается племенной организации, то древние авторы, отчетливо различая сармато-аланов, карпо-дако-гетов и вестготов, знали, что эти племена говорили на разных языках. Войны против Рима и соседних варваров вели именно эти племена целиком, их народное ополчение. Племя как этническая общность еще существовало, как родо-племенная социальная организация — отмирало. Последнее проявляется не только в том, что родовая община заменяется у черняховцев территориальной раннеклассовой, но и в размещении поселений племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Преобладали одиночные поселения (несколько сотен), реже они группируются по два (11 случаев), по три (35) по четыре (12) и более. Таким образом, и в размещении поселений отражается картина распада племенной структуры.

В первые столетия нашей эры у населения рассматриваемых земель переход от родовой структуры к территориальной выразился также в смене моноэтнической племенной организации межплеменными союзами с полиэтническим составом. Господствующее положение в указанном регионе занимали сначала сармато-аланы, затем карпы. Позднее в низовьях Днестра, Прута и Дуная устанавливается власть вестготского

³⁰ А. Р. Корсунский, О социальном строе вестготов в IV в., стр. 62.

³¹ А. Т. Брайчевская, М. Ю. Брайчевский, Раскопки в с. Леськах близ Черкасс, стр. 54.

³² Э. А. Рикман, Черняховское селище Делакеу (Молдавия), «История и археология юго-западных областей СССР начала н. э.», М., 1967, стр. 188.

³³ H. Jankuhn, Ackerfluren der Eisenzeit und ihre Bedeutung für die frühe Wirtschaftsgeschichte, Sonderdruck aus 37—38, Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1956—1957, S. 150, 189, Abb. 8, Tafel 7; A. Steensberg, Atlas over berups agre 1000—1200 c. kr., 1, 2, København, 1968.

³⁴ А. Р. Корсунский, О социальном строе вестготов в IV в., стр. 61, 71.

(тервингского) межплеменного союза, подчинившего сармато-аланов, карпо-дако-гетов и венедов. Вестготы, таким образом, представляли собой непрочное объединение родственных и подчиненных неродственных племен. Только объединяющая роль вестготов давала повод древним авторам писать об этнической готской общности. В рамках именно этой политической и территориальной организации, обеспечивавшей господство знати, выкристаллизовалась черняховская культура упомянутого района.

Смену в первой половине I тыс. н. э. родовой организации территориальной подметил еще Ф. Энгельс, писавший: «...народ превратился в более или менее прочную конфедерацию округов. В таком состоянии, по-видимому, находились германцы в эпоху переселения народов»³⁵. Напомним, что археологически эти племена, наряду с соседними, представлены памятниками черняховской культуры.

Отдельные племена, очевидно, возглавлялись старейшинами, вождами, большинство же племен подчинялось непосредственно королевской власти, которая не всегда была устойчивой и ограничивалась народным собранием и прочими институтами родо-племенного строя. Постоянных чиновников не было. Король Атанарих известен как военачальник, опиравшийся на военную дружину. Он обладал судебными полномочиями, руководил внешними сношениями, играл важную роль в религиозной жизни вестготов. Короли избирались из рода Балтов³⁶. О могуществе некоторых вестготских королей известно по сообщениям древних авторов, а об их богатстве можно судить покладам, ими зарытым. Наиболее внушительен знаменитый Петросский клад IV в., приписываемый Атанариху³⁷.

У племен первых веков нашей эры происходило формирование родо-племенной знати и постепенно складывался раннерабовладельческий уклад. У гето-даков³⁸ и сарматов³⁹ уже в начале новой эры рабство было развито довольно широко.

По данным древних источников, формы рабства у вестготов были различными. В IV в. н. э. рабы составляли особый слой населения, а существование в готской библии специального термина для обозначения домашнего раба — верный признак наличия патриархального рабства. О более развитых формах рабства свидетельствуют факты продажи в рабство свободных людей и существование вольноотпущенников⁴⁰.

Археологические находки также говорят о том, что у черняховцев были некоторые признаки патриархального рабства. Скорченные, лишенные инвентаря костяки, расположенные среди остальных погребений в могильниках черняховской культуры⁴¹ и на кладбищах первых веков нашей эры в Прикамье⁴², рассматриваются археологами (правда, предположительно) как остатки погребений рабов. Остатками захоронений рабынь, очевидно, являются два женских костяка, обнаруженные в могильниках Будешты и Кошница рядом с мужскими костяками. Сюда же относится погребение из могильника Балцаты. В одну могильную

³⁵ Ф. Энгельс, Франкский период, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 496.

³⁶ А. Р. Корсунский, О социальном строе вестготов в IV в., стр. 65—70.

³⁷ Al. Odobescu, Le trésor de Pétrossa, vol. I, 1889—1900; vol. II, 1896; vol. III, 1900, Leipzig; «Studii asupra tezaurului restituit de U. R. S. S.», București, 1958.

³⁸ Рабов у гетов упоминает Артемидор Далдианский (II в. н. э.), современник императора Адриана, см. Артемидор Далдианский, «О толковании сновидений», I, 8, ВДИ, 1948, № 1, стр. 262.

³⁹ Марк Валерий Марциал (I—II вв. н. э.), Книга эпиграмм, VII, 80, 6—12, ВДИ, 1949, № 2, стр. 352.

⁴⁰ А. Р. Корсунский, О социальном строе вестготов, стр. 61, 62.

⁴¹ Ю. В. Кухаренко, Экономический строй и быт восточных славян в первой половине I тыс. н. э., «Очерки истории СССР», М., 1958, стр. 70.

⁴² А. П. Смирнов, Происхождение рабовладения, «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. Сборник статей», М., 1970, стр. 117, 119.

яму были опущены два трупа. Внизу находилось погребение *скорченного* го раба, вверху вытянутый костяк — видимо, захоронение господина.

Существование своеобразных форм рабской зависимости в черняховскую эпоху подтверждают факты, проанализированные Е. Кирилэ⁴³, который, сопоставляя свидетельства древних авторов, описывающих социальные взаимоотношения двух сарматских племен, обитавших в II в. на территории Баната. Сделанные наблюдения применимы и к племенам низовьев Днестра и Дуная.

Е. Кирилэ установил, что одно из племен, которое древние авторы именуют рабами (*servi*), было племенем сарматов-лимитантов, оседлых невооруженных земледельцев. Каждый член этого племени, наподобие илотов, не был рабом, но племя в целом было в подчинении у аркарантов, скотоводов-кочевников, силой оружия поработивших оседлых сарматов.

В результате порабощения одним племенем родственного ему другого племени возникает своеобразная форма отношений зависимости, при которых кочевое племя является коллективным рабовладельцем, а оседлое — коллективным рабом. Такого рода общественные отношения довольно широко известны в истории и этнографии ряда народов⁴⁴. Древние авторы описывают восстание лимигантов против господ, их вооруженную борьбу, в ходе которой сложился союз между рабовладельцами-сарматами, аркарантами и римлянами.

Таким образом, в первых веках нашей эры у племен, живших в низовьях Днестра и Дуная, археологически представленных черняховской культурой, зарождались рабовладельческие отношения. Они были примитивными, но все-таки более развитыми, чем у населения северной Европы в то же время⁴⁵. Можно предположить, что аналогичные отношения были между сарматским населением и царями на Боспоре в первых веках нашей эры⁴⁶. В эпоху кризиса рабовладельческого строя в Европе этим отношениям не суждено было закрепиться. Напротив, у вестготов в V—VI вв. создавались элементы феодальных отношений⁴⁷.

Наряду с примитивными формами рабства на этих территориях были широко распространены даннические отношения⁴⁸: слабые племена должны были платить дань более сильным. Эта архаичная форма эксплуатации характерна для общества на стадии перехода от первобытнообщинного строя к классовому.

Постепенно в вестготском межплеменном союзе формировались зачатки государственной власти, стоящей над народом. Это особенно четко прослеживается при сравнении мужских погребений, относящихся к периоду господства вестготов, с погребениями сармато-аланского периода. Для погребений последнего типа характерно оружие — это могилы воинов. Вестготский же межплеменный союз отбирает у общинников право владеть оружием, очевидно, вооружая их только в период войны. Этим, видимо, объясняется одна из характерных особенностей погребений черняховской культуры — в них нет оружия.

Отсутствие на поселениях черняховцев укреплений, возможно, объясняется перерождением межплеменных союзов в примитивные государственные образования.

⁴³ E. Chirilă, Frământări sociale la sarmați in secolul IV e. n., SCIV, 1952, t. II, № 2, pp. 183—188.

⁴⁴ А. П. Смирнов, Скифы, М., 1966, стр. 144.

⁴⁵ А. П. Смирнов, Происхождение рабовладения, «Ленинские идеи...», стр. 113—132.

⁴⁶ И. Т. Кругликова, Боспор в позднеантичное время, М., 1966, стр. 105.

⁴⁷ А. И. Неусыхин, Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному, «Вопросы истории», 1967, № 1, стр. 83.

⁴⁸ А. М. Ременников, Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э., М., 1954, стр. 12.

Значит, в черняховском варварском мире, который исследователи нередко именуют провинциально-римским, не только наблюдалось некоторое влияние античного мира на быт, производство и культуру, но, видимо, это влияние ускорило зарождение примитивных классовых отношений. Ведь появление у вестготов христианства и письменности — явления, сопутствовавшие переходу от доклассового общества к классовому.

Таким образом, в конце первой половины 1 тыс. н. э. у племен в низовьях Днестра и Дуная в какой-то мере формировались примитивное рабовладение и территориальная община. У этих племен зарождалась примитивная государственность. Памятники черняховской культуры в сопоставлении с письменными источниками позволяют проследить у упомянутых племен некоторые конкретные черты первобытнообщинного строя на самом позднем его этапе — военной демократии.

**ON CERTAIN FEATURES CHARACTERIZING THE SOCIAL
STRUCTURE OF TRIBES INHABITING THE LOWER REACHES
OF THE DNIESTRE AND THE DANUBE IN THE EARLY
CENTURIES A. D.**

The author compares data from written and archaeological sources and describes the transformation of the gens system into class society among the Carpi—Getii—Dacii, Sarmati—Alani who dwelt in the lower reaches of the Dniestre and the Danube and originated the Tcherniakhovskaya culture in this region. Their level of economic development is characterized, and its similarity to the economic level of Classical Antiquity is noted. The author sees in the social system of these tribes a combination of primitive community and early class relations; this is characteristic of the stage of social development which F. Engels named military democracy.

Н. Л. Жуковская

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКИ СХОДНЫХ ЯВЛЕНИЯХ В ШАМАНСТВЕ И БУДДИЗМЕ

Мир религиозных представлений при всем его разнообразии порождает сходством отдельных черт у весьма далеких друг от друга народов. Подчас эти народы не находятся в генетическом родстве, а исторические контакты, которые имели место между ними, далеко всегда это сходство объясняют. Хорошей иллюстрацией этого служат материалы по шаманству и буддизму азиатских народов.

Шаманство — явление общемировое, характерное для периода разложения родового строя и начальных этапов формирования классового общества, но в данной статье будут привлечены материалы лишь по южносибирскому и тибетскому вариантам, ибо именно южносибирскому (являющемуся сибирскому и тувинскому) и центральноазиатскому (тибетскому, монгольскому) шаманству пришлось столкнуться с буддизмом и вступить с ним в соперничество за право быть монополярной и авторитарной религиозной системой. Столкновение этих двух религиозных систем не прошло бесследно для них обеих. Каждая из них в результате выработала особую синкретическую форму. Легкость взаимной адаптации буддизма и шаманства отчасти обязана тому, что некоторые самые общие представления, восходящие к древнейшим религиозным слоям, были в равной степени присущи как южносибирскому и центральноазиатскому шаманству, так и той родственной ему древнеиндийской религиозной системе, в рамках которой формировались все индийские религии. В их пределах, зафиксированных в XIX в. формах заимствованное и изначально общее не всегда легко разделить. Тем не менее в данной статье предпринимается попытка проследить именно изначальные общие черты, присущие как шаманству, так и буддизму не только в послеконтактный, но и доконтактный периоды. Следует оговорить, что мы совершенно не будем касаться вопроса о существенных стадийных различиях между шаманизмом и буддизмом.

История религий обусловлена социальной историей человечества, однако не следует забывать и относительную самостоятельность развития религиозных представлений, которые проходят свои ступени эволюции от примитивных форм до поздних, часто весьма сложных умопостижений, в которых тем не менее первичное ядро может быть выделено. Проследить все этапы такой эволюции на примере верований одного и того же даже группы генетически родственных народов почти невозможно. В помощь приходит типологический метод изучения религиозных явлений, позволяющий, исходя из определенных социальных и соответствующих им религиозно-идеологических аналогий, наложить друг на друга сходные модели религиозного осмысления мира и воссоздать недостающие ступени в эволюционной лестнице тех или иных элементов религии. Подобные попытки, основанные на данных лингвистики и искусства, у

имели место¹. Крайне интересным представляется использование в подобных целях и этнографического материала. Для проведения такого исследования прежде всего необходимо выделить типологические явления в изучаемых религиозных системах.

Типологическими в данной статье автор называет такие явления, для которых характерно сходство не только в их внешнем выражении (осмыслении, изображении), но и в той функциональной роли, которую они играют в рассматриваемых религиозных комплексах.

Хотя эти явления в синхронном срезе представляют разные уровни развития религиозной мысли человечества, привлечение подобного диахронного материала, восполняющего недостающие звенья в синхронной картине сопоставляемых религий, позволит поставить проблему типологического сходства в развитии религиозных представлений.

Разумеется, в рамках небольшой статьи невозможно сопоставить обе системы в широком плане, поэтому для подобного сопоставления этих религий мы выделяем несколько элементов (иначе признаков, представлений, явлений), которые могут быть прослежены как в сфере идеологии, так и в изобразительном искусстве обеих систем. Эти элементы следующие: вера в перерождение и воплощение души, в божественное избранничество, в зачатие сверхъестественным путем. Выбор именно этих элементов не случаен: каждый из них в некотором роде включает в себе одну из важнейших религиозных «истин», вера в которые дает адепту данной религии осознание своего преимущественного положения перед адептами других религий. От решения этих вопросов зависит степень удовлетворения запросов верующих в плане «постижения» ими смысла бытия. Вера в перерождение и воплощение создает у людей иллюзию вечной жизни в качестве одного из ее возможных проявлений, а вечная жизнь — это вопрос, волновавший человечество на протяжении всех эпох его существования. Вера в божественное избранничество, в возможность для какого-то индивида быть отмеченным божеством, является способом хотя бы частичного «приобщения» его и общества, в котором он живет, к миру богов. Концепция сверхъестественного зачатия, напротив, объясняет путь божества в мир людей через лоно земной женщины, заодно освобождая богочеловека или пророка от налета греховности, довольно рано начинающей ассоциироваться с актом совокупления. Отсюда и такое понятие, как непорочное зачатие, возникающее в период сложения мировых религий.

И в буддизме и в центральноазиатском шаманстве есть подобные представления. Они не заимствованы ими друг у друга в процессе исторического контакта этих религиозных систем. Их носители не находятся также в генетическом родстве. Они возникли и существовали независимо друг от друга на севере и на юге Азии. Истоки этих представлений схожи и могут быть прослежены по тем сведениям, которые предоставляет нам история религий. И в материалах по сибирскому шаманству, позволяющих реконструировать наиболее архаические его черты, и в раннем буддизме можно найти следы этих представлений. Возможность проследить эти истоки самостоятельно в каждом из рассматриваемых регионов доказывает их независимое друг от друга происхождение и развитие. Мы не будем здесь заниматься выявлением этих древних черт как таковых, но постараемся доказать, что одни и те же указанные элементы религий выполняли каждый в своей системе функционально равновеликую роль.

Вера в перевоплощение душ умерших, в возможность переселения души из одной оболочки в другую — одна из древнейших анимистиче-

¹ В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период), М., 1965; В. Н. Топоров, К реконструкции некоторых мифологических представлений (на материале буддийского изобразительного искусства), «Народы Азии и Африки», 1964, № 3.

ских идей. В условиях родового общества она довольно часто связывается с тотемизмом. Материалы, собранные по этому вопросу у слаборазвитых народов, например у австралийцев², свидетельствуют, что при расчлененности представлений о живой и неживой природе и о месте человека в природе возникают верования, согласно которым души людей могут перевоплощаться, переходя из тела человека по смерти его или в неодушевленные предметы, например чуринги, хранящиеся в священном родовом убежище, как у арунта³, либо эти души переходят в ряд блуждающих, называемых *май-аурли*, и являются своего рода посредниками между тотемными предками племени и его нынешними членами, как у арабана⁴. И в том и в другом случае души никуда не исчезают, не гибнут, а лишь меняют свою оболочку и ожидают возможности вселиться в кого-либо из членов своего рода. Таким образом постоянно перевоплощающаяся душа все время остается в пределах одного и того же рода.

Следующий этап развития этой идеи можно проследить уже непосредственно на материале шаманских представлений народов Сибири. Довольно отчетливо он виден в передаче шаманского дара. По представлениям вилюйских якутов, например, шаман при жизни трижды рождается: сначала — птицу, рыбу и зверя (тотемов шаманского рода), в которых воплощались его души и от них, после смерти шамана, происходили новые шаманы, родившиеся от женщин того же рода в которых якобы вселялись эти животные⁵.

У тех же вилюйских якутов Г. В. Ксенофонов записал легенду о шамане, помнившем свою предыдущую жизнь. Согласно этой легенде он жил сначала как обыкновенный человек, умер и был погребен, затем последовало якобы извлечение его тела из могилы и трехгодичное пребывание в гнезде шаманского дерева с тем, чтобы он приобрел определенную закалку и полагающиеся шаманские качества. После этого его душа вселилась в земную женщину и родилась в виде мальчика, осознавшего в пятилетнем возрасте свое шаманское призвание и в двенадцать лет уже ставшего великим шаманом⁶. Это пример шаманского менталитета. Считалось также, что шаманы могли предсказывать и судьбы перерождения⁷.

Аналогичные представления имеются и в буддизме. Получивший всемирную известность сборник «Гирлянда джатак», написанный Арья Шурой не позднее VI в.⁸ и представляющий собой нравоучения и притчи в духе буддийской морали, дает богатый материал по этому вопросу. Джатаки несут на себе влияние древних фольклорных и мифологических традиций Индии. Согласно буддийской традиции, Шакьямуни

² Несмотря на явное выпадение Австралии за пределы географических границ рассматриваемых зон, автор счел возможным при реконструкции пути развития отдельных религиозных идей привлекать стадийно близкие аналогии. Допустимость подобного приема автор считает вполне доказательно сформулированной как по отношению к религиозной, так и к другим системам. См. в работах: А. А. Зализняк, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семантических систем, в сб.: «Структурно-типологические исследования», М., 1962, стр. 139; А. А. Формозов, Очерки по первобытному искусству, М., 1969, стр. 19.

³ В. Spencer, F. Gillen, The native tribes of Central Australia, London, 1899, стр. 145; см. также: Д. Е. Хайтун, Тотемизм, его сущность и происхождение, Сталинабад, 1958, стр. 40.

⁴ Д. Е. Хайтун, Указ. раб., стр. 39.

⁵ А. А. Попов, Получение «шаманского дара» у вилюйских якутов, «Труды Института этнографии АН СССР», нов. серия, т. II, М.—Л., 1947, стр. 292.

⁶ Г. В. Ксенофонов, Легенды о шаманах, Иркутск, 1928, стр. 29—32.

⁷ Г. В. Ксенофонов, Хрестос. Шаманизм и христианство, Иркутск, 1928, стр. 21.

⁸ Даты жизни Арья Шуры и время создания им «Гирлянды джатак» еще точно не установлены в науке. См. предисловие О. Ф. Волковой в кн.: Арья Шура, Гирлянда джатак или Сказания о подвигах Бодхисаттвы, М., 1962, стр. 7.

перерождался 547 раз, прежде чем достиг состояния *бодхи* (просветления). В число этих перерождений входит его пребывание в облике слона, рыбы, птенца перепела, буйвола, обезьяны и т. д.⁹

Представление о карме в брахманизме, буддизме, индуизме, по сути дела, основано на той же самой идее перерождения души, лишь получившей этико-философское осмысление в виде закона нравственного воздаяния за земные поступки. Будучи сложным само по себе и претерпев определенные изменения с ведических времен до наших дней¹⁰, понятие кармы в буддизме предопределяет направленность переселения душ. То, что в одних случаях люди перерождались в животных, а в других — в людей же, но иного ранга и даже в богов, объяснялось воздаянием за поступки в предыдущих перерождениях¹¹.

В чем же функциональное сходство представлений о перевоплощении душ в шаманстве и буддизме? И в том и в другом случае оно ведет к возникновению идеи, которую условно можно назвать «бессмертием души». Условно потому, что в буддизме отсутствует само понятие индивидуальной души в нашем понимании этого слова, а шаманство, хотя четко увязывает смерть одного обладателя индивидуальной души с рождением другого обладателя той же души¹², не поднялось до абстрактной идеи ее бессмертия как таковой. Тем не менее в обоих случаях вера в перерождение души снимала противопоставление жизни и смерти, поскольку вслед за смертью всегда наступала новая жизнь той же души, хотя и в новом облике. И если в шаманстве это было формой стирания грани между естественным и сверхъестественным, столь характерное для первобытной идеологии в целом, то в буддизме — религии классового общества — перевоплощение душ и определяющая их карма стали оправданием и призывом к социальному непротивлению.

Идею божественного избранничества можно проследить на разных этапах развития религии. Двойное осмысление приобретает она в развитии классовом обществе, где ею, с одной стороны, объясняются такие явления, как юродивые, пророки, а с другой стороны, обосновывается святость первосвященников. Представители высшей ламаистской иерархии (далай-лама, панчен-лама, а также ургинские хутухты, возглавлявшие ламаистскую церковь в Монголии) считались воплощениями либо высших божеств пантеона (далай-лама — бодисатвы Авалокитешвары, панчен-лама — будды Амидахи), либо различных буддийских деятелей, прославившихся при жизни своей святостью и деяниями на ниве распространения буддизма (ургинские хутухты считались воплощениями проповедника буддизма Джебцун Даранаты Гунга Нинбо). И в том и в другом случае это не просто люди, отмеченные божеством, но избранные в полном смысле этого слова, ибо их тела «избраны» для пребывания в них самих божеств.

⁹ Арья Шура, Гирлянда джатак... Джатаки о слоне, о рыбе, о птенце и т. д.

¹⁰ Об эволюции понятия кармы от пассивного принятия судьбы и отказа от всякой деятельности (Бхагаватита) до активного действия, изменяющего карму (в современной индуистской и буддийской философии) см.: G. Sasaki, Karma and Fata, «Indo-Asian culture», vol. XV, № 4, Oct. 1966; Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин, Древняя Индия, М., 1969, стр. 437. Специфические черты кармы в буддизме см.: А. М. Пятигорский, О психологическом содержании учения раннего буддизма, «Труды по востоковедению», I, Тарту, 1968, стр. 190, 191.

¹¹ Наличие в современном ламаистском похоронном обряде таких черт, которые стараются обеспечить душе умершего безбедное существование за гробом, отнюдь не означает непризнание закона кармы в качестве основного регулятора перерождений, а свидетельствует лишь о сохранении доламаистских черт в этом обряде. См.: К. М. Герасимова, Ламаистский похоронный обряд в Бурятии, сб. «Вопросы преодоления пережитков прошлого и становления новых обычаев и традиций», вып. 2, Улан-Удэ, 1969, стр. 114.

¹² В. Н. Чернецов, Представления о душе у обских угров, в сб. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LI, М., 1959, стр. 140.

Шаман — тоже избранник шаманского духа своего рода. В каждом поколении шаманского рода есть избранники этого духа, и успех их деятельности во многом зависит от того, в каких отношениях находится избранник со своим духом, четко ли выполняет его указания и т. д.

Идея божественного «избранничества» в шаманстве и буддизме тесно переплетается с представлением о сексуальной связи «избранника» с божеством. Подробно эта теория разработана Л. Я. Штернбергом в статье «Избранничество в религии»¹³. Согласно его теории, в шаманстве это выглядит следующим образом. У каждого шамана есть дух-покровитель женского пола, который принуждает его к занятию шаманством и к сожительству с собой. Эти женские духи являются небесными женами шаманов. У шаманок духи-покровители мужского пола, это их небесные мужья. Это подтверждается материалами по шаманству многих народов Сибири, Алтая, Средней Азии, Дальнего Востока. Представления о подобных небесных женах и мужьях отмечены у гольдов, юкагиров, якутов, чукчей, бурят, шорцев, телеутов, узбеков Хорезма и др.¹⁴ Религиозный травестизм, т. е. изменение внешнего облика с целью придания себе черт противоположного пола, встречавшийся иногда у шаманов (например, у чукчей, эскимосов), как правило, объяснялся тем, что этого требовали небесные жены или мужья шаманов и шаманок, если их пол совпадал с полом их избранника.

В религиях классового общества идея божественного избранничества и сексуальной связи с божеством выступает в следующей форме. Начавший применение в культовой практике буддизма и индуизма шактизм имеет в основе веру в то, что всякую сверхъестественную силу можно приобрести путем сексуального общения с женской энергией, разлитой в космосе¹⁵. Эта энергия и есть шакти, а женские божества — лишь конкретные формы ее проявления. Боги только тогда по-настоящему сильны, когда они имеют своих шакти. У Брахмы это Сарасвати, у Вишну — Лакшми, у Шивы — Парвати, известная также под именами Дурга, Кали, Ума и др. Для верующего становится обязательным такое приобщение к шакти, осуществляемое через земную женщину, в которую в тот момент воплощается эта шакти. В странах древнего Востока (Индии, Вавилоне) такие представления привели к возникновению института храмовой проституции, но в буддизме это вылилось в другую крайность — воздержание и аскетизм. Именно так тантрийский буддизм советует ламам избирать своих *идамов* (покровителей). Каждый посвящаемый предается аскезе, созерцанию и постепенно доходит до состояния крайней психической экзальтации, в котором ему и является образ *идама* с его шакти. Приобщение посвящаемого является чисто символическим. Оно происходит путем экстатического созерцания *идама* и его шакти. Это претворение в мистической практике одной из основных идей тантрийского буддизма: достижения высшей духовной силы *сиддха* путем соединения посвящаемого с женщиной не через акт физической близости, а путем галлюцинаций, порожденных длительным созерцанием и умерщвлением плоти¹⁶.

¹³ Л. Я. Штернберг, Избранничество в религии, в сб. «Первобытная религия в свете этнографии», Л., 1936.

¹⁴ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 143—160. По узбекам Хорезма: Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, стр. 44—47.

¹⁵ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 160, см. также: R. P. Aniruddha, An introduction into Lamaism. The mystical Buddhism of Tibet, Hoshiarpur, 1959; L. Jivaka, The philosophy of Tibetan Buddhism, «France-Asia», Tokyo, 1962, vol. 18, № 172.

¹⁶ См. R. P. Aniruddha, Указ. раб., стр. 118. Идею божественного избранничества можно проследить и в других религиях. Например, в исламе легенда о призвании Мухаммеда называет в числе прочих образов, которые принимал архангел Гавриил, девятилетнюю девочку Аиши. Дух этой девочки являлся Мухаммеду во сне и требовал, чтобы тот на ней женился. Соппротивление Мухаммеда неизменно влекло за собой бо-

Таковую же условную форму представления о сексуальной связи избранника с божеством имеет, например, обычай избрания духовного преемника в «династии» учителей эзотерических культов в Тибете. Разыгрывается интермедия его «духовного» рождения, для чего избранные «духовные» родители, вступив в «духовный» брак, удаляются в пустынь, где предаются созерцанию с целью установления между собой «духовной» общности и рождения «духовного» сына, после чего этот символический брак распадается. В ритуалах буддийской секты *марпа* к этому добавляется более древняя магическая деталь: учитель изготавливает из своего семени напиток и подносит его своему духовному сыну-преемнику в сосуде в виде человеческого черепа. Выпив этот напиток, ученик приобщается к силе и могуществу мысли, к знаниям своего учителя¹⁷.

Столь же символически тибетскими буддистами трактуются традиционные натуралистические изображения, воспроизводящие coitus. В тантрийском буддизме подобные изображения толкуются как слияние мудрости с состраданием¹⁸ или познания с методом¹⁹, в результате которого достигается просветление. Именно так следует трактовать скульптурные и иконописные тантрийские изображения, отнюдь не рассматривая их как проповедь крайней чувственности и неводержанности, которой, впрочем, придерживаются различные деградировавшие тантрийские секты²⁰.

Аналогичные примитивно-натуралистические изображения с антиподальным расположением фигур и нарочито подчеркнутыми половыми признаками известны многим народам земного шара: они найдены в Бельгийском Конго, Океании, у индейцев Северной Америки, у алтайских народов, встречаются на палеолитических рисунках во Франции и т. д. Е. Г. Кагаров полагает, что у первобытных народов эти изображения выступали магическими символами воспроизводства всего живого в природе: скота, растений, детей, что считается показателем изобилия и счастья²¹.

Таким образом, божественное избранничество и в шаманстве и в буддизме играет роль определяющего признака для выделения человека в касту жрецов. Но если шаман в подобном «партнерстве» с духом выступает как лицо пассивное, ибо не шаман избирает духа, а дух «избирает» его, то в буддизме, где жречество уже осознало все кастовые льготы своего положения, в подобном избранничестве уже активно заинтере-

лезненное состояние, которое прекратилось лишь тогда, когда он все-таки уступил настояниям духа, вступил во сне с ним в сексуальную связь, за что последний и наградил его даром пророчества. Автор подчеркивает, что вера в сексуальную связь духов с людьми была весьма распространена у арабов (см.: И. Н. Винников, Легенда о призвании Мухаммеда в свете этнографии, «Сборник работ, посвященный 50-летию научной деятельности С. Ф. Ольденбурга» Л., 1934, стр. 142—145). На идеи сексуальной связи с духами базировалось представление об инкубах и суккубах в средневековых демонологических культах в Европе. Обвинения в колдовстве часто включали в себя как составную часть обвинение в сожительстве с дьяволом и целью пыток было добиться от обвиняемого признания в этом. Пророчества в современных христианских сектах (например, в пятидесятничестве) основаны на вере в божественное избранничество пророка или пророчицы, на которых во время глоссолалии нисходит божественная благодать. Однако элемент сексуальной связи с божеством здесь уже отсутствует. Встречавшееся (но не обязательно) в хлыстовстве сожительство главы секты, называемого «христом», с женщинами той же секты, было не чем иным, как возрождением представлений о «благодати», якобы получаемой путем полового общения, если уже не с самим божеством, то хотя бы с его посредником (здесь в лице главы секты).

¹⁷ Al. David - Neel, Der Weg zur Erleuchtung, Stuttgart, 1960, S. 28.

¹⁸ L. Jivaka, Указ. раб., стр. 157.

¹⁹ Al. David - Neel, Указ. раб., стр. 28.

²⁰ Д. Чаттопадхьяя, Локаята даршана. История индийского материализма, М., 1961, стр. 74.

²¹ Е. Г. Кагаров, О двойных антиподально расположенных изображениях духов в примитивном искусстве, «Сборник МАЭ», т. IX, Л., 1930, стр. 214.

сован сам жрец. Иногда это активность не какой-то конкретной личности, а его окружения, что не меняет сути дела. Так, поиски нового даламы в случае смерти старого теоретически определяются только «истинностью» нового претендента, как правило еще маленького ребенка, на практике же социальный круг семей, внутри которых может быть найден тот, кто воплотит Авалокитешвару, очень ограничен. Та же картина наблюдалась при отыскании монгольских хутухт. И даже каждый родовый лама избирает сам своего идама. Функциональное сходство отдельных деталей практики эротических культов в шаманстве и буддизме лишь раз подчеркивает изначальную общность многих идей обеих религий.

Идея сверхъестественного зачатия также прослеживается и в шаманстве и в буддизме. На ранних этапах осмысления человеком взаимосвязей явлений в природе зачатие могло приписываться небу, ветру, любому животному, а также неодушевленным предметам, считавшимися обитателями духов. Представление о вселении духа в женщину и рождении ею ребенка именно от духа, принимающего различные оболочки, уходит корнями в древнейшие тотемические воззрения первобытных народов. Мифология многих народов дает по этому вопросу богатый фактический материал. Согласно монгольским сказаниям, душа основателя державы Чингисхана вошла в его мать через губы в виде градины, а мифический предок монголов родился от луча света, оплодотворившего его мать. В преданиях о Чингисхане, ставшем объектом самостоятельного культа у монголов, его настоящим отцом называется небо²². Легенда о переезде женщины-шаманки у бурят рассказывает, как орел встретил спящую женщину и передал ей через ухо шаманский дар. Она начала шаманить, а рожденный ею от этой встречи сын стал первым шаманом-мужчиной. Г. В. Ксенофонов приводит рассказ о том, как один якутский шаман перед тем, как «девять злых духов унесли его на небо» (т. е. перед смертью), понюхал свою жену, и от этого у нее родился сын — великий шаман²³.

В мировых религиях вера в возможность рождения от духа (или от того духа) была использована для обоснования божественного происхождения основателей этих религий. С непорочного зачатия начинаются биографии Христа и Будды. Но даже в этих религиях, достигших вершин богословской схоластики, «святой» дух выступает в виде привычных конкретных образов тех же животных. В христианстве это голубь, севший на голову Марии матерью Христа; в буддизме — это белый слон, согласно легенде вошедший в бок царицы Майи с тем, чтобы родить от нее уже как Будда.

К числу типологических следует отнести и ряд сходных явлений, наблюдаемых в буддийском и шаманском изобразительном искусстве. В этом плане интересна проведенная В. Н. Топоровым параллель между композицией произведений буддийской иконографии и рисунками на шаманских бубнах, где средствами одной и той же символики передаются соответственно разные буддийская и шаманская концепции мира. Это не локализованное конкретное заимствование буддизма из шаманизма, а типологическое явление, восходящее к общим космологическим религиозным представлениям древнейшего комплекса²⁴. В частности, соблюдение принципа троичности в построении буддийской иконы и шаманского бубна.

²² «The Mythology of all Races», t. IV, Finno-Ugrik. Siberian, Boston, 1927, p. 39.

²³ Г. В. Ксенофонов, Хрестос. Шаманизм и христианство, стр. 21.

²⁴ В. Н. Топоров, К реконструкции некоторых мифологических представлений (на материале буддийского изобразительного искусства), стр. 101—110; его же, Заметки о буддийском изобразительном искусстве в связи с вопросом о семиотике космологических представлений, в сб. «Труды по знаковым системам», II, Тарту, 1967, стр. 225, 226.

манского рисунка (т. е. членение на три части, соответствующее представлению о верхнем, среднем и нижнем мирах) отражает триаду как основной принцип моделирования вселенной во многих религиозных системах: христианстве, ведических религиях, шаманстве, буддизме, индуизме, греко-римском религиозном комплексе и т. д.²⁵

Интересный пример типологических элементов в религиозных представлениях приводит А. М. Пятигорский в заметке «О некоторых индийско-палеоазиатских культурных параллелях», где один и тот же момент — видение своего скелета — прослеживается как в обряде посвящения в шаманы у гренландских эскимосов, так и в эпизоде посвящения в буддизм царя Бхумираджи, описанном в средневековой тамильской поэме «Манимехалей»²⁶. Типологически сюда же относится изображение костей человеческого скелета в шаманском костюме, встречающееся у многих народов Сибири (восточных тувинцев, тофаларов, кетов, эвенков, якутов, селькупов, хамниган, нганасан и др.). Трактуются оно по-разному: то как изображение духа предков шамана (С. В. Иванов²⁷, М. Элиаде²⁸), то как скелет самого шамана (К. Доннер²⁹). Восточнотувинские шаманы приписывают этим изображениям защитное свойство, так как полагают, что во время камланий злые духи набрасываются на этот нарисованный скелет, а не на самого шамана³⁰. Вероятно, все эти объяснения являются более поздней интерпретацией того, что в шаманстве гренландских эскимосов, сохранившем архаические черты, является обязательным моментом, предшествующим посвящению в шаманы. Посвящаемый, сосредоточив всю свою волю, последовательно удаляет в своем воображении кожу, мышцы, внутренние органы до тех пор, пока не увидит себя со стороны в качестве скелета. Только при этом условии ему обеспечено получение шаманского дара³¹.

Получение шаманского дара у ряда народов Сибири (шорцев, якутов, тунгусов, телеутов и др.) включает в себя следующий момент: духи, наметившие очередную жертву для превращения ее в шамана, перебирают кости своего избранника, чтобы выяснить, есть ли среди них особая «шаманская» кость. Если такой кости не обнаруживалось, то кто-либо из близких родственников будущего шамана, а иногда и несколько человек должны были умереть и пожертвовать ему каждый свою кость, иначе посвящение в шаманы оказывалось невозможным³². Момент посвящения в шаманы включает в себя полное физическое и психическое перерождение посвящаемого, полное изменение его природы³³.

Шаманские инициации в тибетской добуддийской религии бон также включали в себя аналогичный момент: посвящаемый мысленно очищал себя, сбрасывая с себя все вплоть до скелета, а затем облакал себя в

²⁵ А. Я. Сыркин, В. Н. Топоров, О триаде и тетраде, в сб. «Семиотика. Тезисы и доклады на третьей летней школе по вторичным моделирующим системам», Тарту, 1968, стр. 111, 112.

²⁶ А. М. Пятигорский, О некоторых индийско-палеоазиатских культурных параллелях, «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», 1963, вып. LXI, стр. 7.

²⁷ С. В. Иванов, К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья, «Сборник МАЭ», т. XVI, М.—Л., 1955, стр. 251, 252.

²⁸ M. Eliade, *Schamanism und archaische Ekstasetechnik*, Stuttgart, 1957. S. 159—165.

²⁹ K. Donner, Beiträge zur Frage nach dem Ursprung der Jenissei-Ostjaken, «Journal de la Société Finno-Ougrienne», t. 38, 1928, № 1, S. 15.

³⁰ С. И. Байнштейн, Тувинцы-тоджинцы, М., 1961, стр. 184.

³¹ K. Rasmussen, Intellectual culture of the Igluclic Eskimos, «Report on the 5th Thule Expedition», vol. VII, København, 1929, № 1, pp. 111—114, (цит. по: А. М. Пятигорский, О некоторых индийско-палеоазиатских культурных параллелях..., стр. 7).

³² Н. П. Дыренкова, Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен, «Сборник МАЭ» т. IX, Л., 1930, стр. 274; Г. В. Ксенофонов, Легенды о шаманах, стр. 15, 57.

³³ Н. П. Дыренкова, Указ. раб., стр. 285.

новую плоть. Это означало смерть человека в его прежнем качестве — возрождение в новом — уже шаманском — облике³⁴.

Ту же цель преследуют мистерии посвящения в ламаистской секте карчжула. Замурованный в пещеру отшельник умерщвляет в себе «демон» плоти, одерживает победу над своим «я» и отрекается от него. Возрождение его в новом качестве, так называемом «над я», знаменуется собой окончание мистерии посвящения. Собственно это та же шаманская мистерия, но осмысляемая в более высоком, духовном плане³⁵.

А. Я. Сыркин рассматривает символику скелета в буддийской и шаманской догматике как форму снятия противопоставления «живое — неживое», свойственного как религиозному мировоззрению, так и другим сферам культуры, в частности изобразительному и поэтическому искусству³⁶. Действительно, скелет в шаманстве является не столько символом смерти («неживого»), сколько показателем перехода из одного качества в другое внутри «живого» состояния.

Интересные шаманско-буддийские параллели можно провести, анализируя одну из ранних буддийских легенд о владыке чувственного мира Маре и буддийском святом Упагупте, где Упагупта обращает Мару в буддизм³⁷. Этому обращению предшествует навешивание Упагуптой на шею Мары труп (не вымокающего, не высыхающего, не распадающегося). Попытка Мары избавиться от этого трупа кончается неудачей: он признает себя побежденным Упагуптой, выполняет его желание и вызывает перед Упагуптой образ Будды, после чего сам обращается в буддизм. Контакт с трупом можно рассматривать как аналогию к видению скелета, как символ перехода от одного мировоззрения к другому, что позволяет провести параллели с новым качественным состоянием шамана. Состояние *риддхи*³⁸, в котором Мара то взлетает на воздух, то вызывает дождь из жемчуга и золота и т. п., сродни экстатическому состоянию шамана во время камлания и тем видениям, которые он силой гипноза внушает присутствующим³⁹.

³⁴ S. Hummel, Die Heilige Höhle in Tibet, «Anthropos», vol. 52, fasc. 3—4, Wien 1957, S. 630.

³⁵ Там же, стр. 631.

³⁶ А. Я. Сыркин, Заметки о снятии противопоставления «живое — неживое», сб. «Семиотика. Тезисы и доклады на третьей летней школе по вторичным моделирующим системам», Тарту, 1968, стр. 8—10.

³⁷ См. интересный мифологический комментарий, приложенный к изданию этой легенды: Г. М. Бонгард-Левин, О. Ф. Волкова, А. М. Пятигорский, Легенда о Маре и Упагупте, в сб. «Идеологические течения современной Индии», М., 1966, стр. 185—195.

³⁸ Словарь Х. Хэмфри, определяет *риддхи* как качество, присущее состоянию совершенства и проявляющее себя в ясновидении, телепатии, способности вызывать события из собственной или чужих предшествующих жизней и т. д. (см. Ch. Humphrey, A popular dictionary of Buddhism, New York, 1963, p. 95). А. М. Пятигорский четко указывает место *риддхи* в системе психологии раннего буддизма. *Риддхи* — это одна из пяти сверхъестественных способностей, появляющихся вследствие совершенного овладения теорией, практикой и техникой йоги. Остальные четыре способности следующие: способность слышать все во вселенной с помощью «всеслышащего уха»; способность видеть все во вселенной с помощью «всевидающего глаза»; знание о своих прежних рождениях, знание о прежних рождениях других живых существ. *Риддхи* в свою очередь, включает в себя следующие три момента: способность из одного состояния становиться многими и из многих одним, становиться невидимым и делать таковым видимое; проходить беспрепятственно через твердые тела, ходить по воде не погружаясь, передвигаться по воздуху не падая; способность принимать любые облики, способность создавать физически воспринимаемые объекты из игры своего воображения. См. А. М. Пятигорский, О психологическом содержании учения раннего буддизма, стр. 208, 209.

³⁹ Авторы мифологического комментария к «Легенде о Маре и Упагупте» к числу шаманско-буддийских параллелей относят также удивившее Упагупту сильное изменение облика Будды и сопоставляют это изменение с ритуальным травестизмом лица, посвящаемого в шаманы. Но так как травестизм — это изменение облика с целью придания себе черт противоположного пола, а в данном случае речь о поле Будды не идет, то эту параллель приводить не следует (см. Указ. раб., стр. 195).

Риддхи Мары и приписываемая шаманам способность в различных обликах вызывать к себе подвластных духов — это явления одного порядка. И то и другое свидетельствует об относительности понятий времени и пространства в религиозных представлениях ⁴⁰. *Риддхи* — это сила, способная переносить вещи и события из одного времени в другое. Точно так же шаман во время своего транса успевает посетить несколько вселенных, сразиться с духами и вернуться обратно — на земле при этом проходит всего несколько секунд, а там, в потустороннем мире, где действовала душа шамана, совершенно иные измерения времени. И в том и в другом случае это сосуществование реального и вымышленного миров, их вневременное и внепространственное переплетение, неизбежное при любом религиозном восприятии мира.

Приведем еще примеры типологически сходных явлений в религиозной психологии. В шаманстве экстатическое состояние, вызываемое действиями шамана, испытывают в равной мере и сам шаман и зрители, присутствующие на сеансе камлания. То же самое можно обнаружить в буддийской и индуистской практике. Вот пример циркового фокуса, ритуально осмысляемого индуистами: иллюзионист забрасывает в воздух повисающий вертикально канат, после чего сам (или его помощник) взбирается по нему вверх и исчезает из глаз зрителей. Затем сверху падает окровавленные части тела, после чего исполнитель тут же предстает целым и невредимым ⁴¹. Этот фокус, занимающий свое место в истории иллюзионного искусства ⁴², рассматривается некоторыми учеными всего лишь как аллегорическое толкование некоторых философских положений веданты, т. е. как факт, не могущий иметь места в действительности ⁴³. А. М. Пятигорский, давая психологический комментарий этому факту и допуская его видимую реальность, отмечает в состоянии самого иллюзиониста и зрителей этого фокуса четыре гипнотических фазы, близкие к экстазу самого шамана и свидетелей его камлания ⁴⁴.

Так же интересны параллели в мировой мифологии в связи с образом дерева, растущего корнями вверх. У орочей и удэгейцев опрокинутые деревья, на которых вырезано изображение человеческого лица, играют роль антропоморфных духов, охраняющих жилище шамана, а при от них используются в качестве жертвенного стола для кормления духов ⁴⁵. В «Катха упанишаде» есть образ вечной смоковницы, ветви которой растут вниз, а корни вверх ⁴⁶. Она ассоциируется с *брахманом*, т. е. высшей субстанцией, из истечения (или уплотнения) которой возникла вселенная. В Бхагаватгите перевернутая смоковница рассматривается как символ *сансары* (мир чувств и желаний) ⁴⁷. В. Н. Топоров считает *брах-*

⁴⁰ В. Г. Богораз рассматривает такую относительность ранних религиозных представлений как типологически сходную категориям современной ему эйнштейновской физики. См. В. Г. Богораз, Эйнштейн и религия, М.—Пг., 1923. Современная буддология усматривает определенное сходство между построениями буддийских логиков (Дхармакирти) и идеями современных философов экзистенциалистов (Сартра, Хейдеггера). См. Вяч. Вс. Иванов, Об аналогии между буддийской логикой и новейшей европейской наукой, «Материалы по истории и филологии Центральной Азии», вып. 3, «Труды Бурятского института общественных наук», вып. 1, серия востоковедения, Улан-Удэ, 1968, стр. 143—147.

⁴¹ А. М. Пятигорский, Некоторые замечания об изучении индийских философских текстов и комментариев (опыт психологического исследования), сб. «Семиотика и восточные языки», М., 1967, стр. 178, 179.

⁴² А. А. Вадимов, М. А. Тривас, От магов древности до иллюзионистов наших дней, М., 1966, стр. 140—143.

⁴³ А. М. Пятигорский, Некоторые замечания об изучении индийских философских текстов..., стр. 179.

⁴⁴ Там же, стр. 181, 182.

⁴⁵ Е. Г. Кагаров, Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх, «Доклады Академии наук», Л., 1928, стр. 331.

⁴⁶ «Упанишады», М., 1967, стр. 100.

⁴⁷ «Махабхарата II, Бхагаватгита», Ашхабад, 1956, стр. 220; см. также комментарий, стр. 344, 345.

мана (как безликую сущность) и мировое дерево (включая его вернутый корнями вверх вариант) семантически родственными мозаменяемыми понятиями, используемыми на равных правах в ситуациях, где речь идет о сущности вселенной⁴⁸. Аналогичное понятие дерева, перевернутого корнями вверх, он видит в шаманских рисунках Эвенков, где этот образ используется явно в космологических целях, волизируя собою подземный мир, тогда как обычное дерево олицетворяет мир надземный⁴⁹.

Изложенный материал, не претендуя на полноту освещения проблемных вопросов, представляет интерес как иллюстрация возможных вариантов типологического сходства одних и тех же религиозных представлений в условиях социально и национально разнородных обществ, что, конечно, несколько не исключает возможности обрядового и мифологического синкретизма религий классового и феодального строя.

Возникновение типологически сходных явлений в различных религиозных системах — вопрос сложный, и решение его в задачу данной статьи не входило. Их определяет сложное переплетение законов развития религиозных форм сознания и социальной психологии в ее взаимодействии с религиозными явлениями.

Рассмотренные здесь религиозные представления являются общими элементами (или признаками) двух, а часто и большего количества религиозных систем. Типологическое их исследование, наряду со сравнительно-историческим, поможет полнее изучить сложное идеологическое явление, именуемое религиозной картиной мира.

ON THE PROBLEM OF TYPOLOGICALLY SIMILAR PHENOMENA IN SHAMANISM AND BUDDHISM

At the time Buddhism was spreading in Central Asia and Southern Siberia (Tibet, Mongolia, Buriatia, Tuva) the aboriginal population already possessed highly developed Shamanistic beliefs. Buddhism competed with Shamanism, influenced it, incorporated it. All these processes were facilitated by the presence in both these religious systems of a series of typologically similar ideas, genetically preceding the time of contact. These ideas originated quite independently in early Buddhism and in Central Asian Shamanism but nevertheless took very similar shapes. Among these ideas the following may be mentioned: metempsychosis, divine choice, supernatural conception, sexual intercourse as a way of contact with the divinity, the complex of skeleton rites and concepts,

⁴⁸ В. Н. Топоров, К предистории двух архаических концепций, сб. «Семиотики. Тезисы и доклады на третьей летней школе по вторичным моделирующим системам», Тарту, 1968, стр. 130.

⁴⁹ Там же, стр. 132, 133.

В. И. Козлов

ЭТНОС И ЭКОНОМИКА. ЭТНИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТИ

Вопрос о соотношении этноса и экономики, этнической и экономической общностей выступил в последнее время, как одна из наиболее важных, методологически заостренных проблем, активно разрабатываемой в последние годы теории этноса или этнической общности. Однако, по сравнению с другими, относящимися сюда проблемами, такими, например, как этнос и язык, этнос и культура, данный вопрос исследован явно слабо. Отставание в разработке этого вопроса объясняется рядом причин, прежде всего — запоздалым, а затем и поверхностным вниманием к нему. Первые, появившиеся в нашей научной литературе определения народа или этнической общности, вообще не учитывали признака экономической общности¹. Этот признак было принято прилагать лишь к одному из типов этноса — к нации, причем для нее он считался не только строго обязательным, но и главным, ведущим признаком, своего рода «качественной гранью», отделяющей нацию от предшествовавших ей типов этноса — народности и племени². Первые бреши в этой позиции появились примерно с середины 1950-х годов, по мере расширения и углубления научных исследований, связанных с анализом различных типов этнических (или — как их обычно именовали тогда в философской литературе — исторических) общностей людей; было отмечено, что экономическая общность в определенной степени свойственна и народности³, особенно — социалистическим народностям⁴. Обнаружилось, что определенная экономическая или точнее хозяйственная общность характерна и для многих племен. Но эти высказывания и факты еще не нарушали прежних дефиниций, а зачастую мирно сосуществовали рядом с ними.

Дальнейшее развитие теории этноса нуждалось в детальном анализе и обобщении фактического материала и всех высказываний по рассматриваемому нами вопросу. К сожалению, такая работа не была выполнена.

¹ Так, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров определяли народ как исторически сложившуюся группу людей, связанных общностью территории своего формирования, языка и культуры, см. М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Общие сведения (языки, расы, народы). В кн.: «Очерки общей этнографии. Австралии и Океания. Америка. Африка», М., 1957, стр. 10.

² Такой позиции придерживались не только философы, но и многие этнографы. См., например: И. И. Потехин. Формирование национальной общности южноафриканских банту, М., 1955, стр. 33, 187—188 и др.

³ См., например: С. С. Дмитриев, Образование русской нации, «Вопросы истории», 1955, № 7.

⁴ См., например, высказывания И. П. Цамеряна в сб. «Социалистические нации СССР», М., 1955, стр. 63.

С. А. Токарев, предпринявший первую за многие годы попытку вести понятие этнической общности, без особых доказательств влил «экономические связи» в число видов связей (языковых, территориальных и др.), каждая из которых может якобы лежать в основе этнической общности⁵. В прошедшей недавно на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссии по некоторым проблемам теории нации наиболее убедительно по этому вопросу высказался А. Г. Агаев, заявив: «То положение, что экономика является бесспорным этническим признаком того народа, не вызывает сомнений»⁶. Весьма показательно в этом отношении и выступление М. С. Иванова, который при обсуждении статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия», посвященной, как видно из ее названия, лишь одной из конкретных проблем теории этноса, усмотрел недостатки статьи именно в слабом, якобы, внимании к показу роли общественно-экономических факторов, в том, что там не упомянуто «значение экономических связей для развития этнической общности»⁷.

Анализ ситуации, сложившейся в рассматриваемой области, занятая тем, что здесь мы сталкиваемся не просто с недостаточно обоснованным переходом от прежней концепции, утверждавшей, что экономическая общность или общность экономической жизни присуща одному из типов этноса — нации, к концепции, утверждающей, что такая общность присуща всем типам этноса. Мы сталкиваемся и с наличием различных точек зрения, сосуществование которых в значительной степени обусловлено терминологическо-понятийной нечеткостью. Детальное противопоставление развернутых научных понятий, без которого немалым прогресс в познании общественных явлений, в данном случае — этноса, довольно часто уступает место простой замене одних терминов другими, причем содержание самих терминов может оставаться неясным. Мы можем лишь догадываться, например, какой смысл вкладывал А. Г. Агаев в примененный им термин «экономика», а С. А. Токарев — в примененный им термин «экономические связи», и можем надеяться, что у них были какие-то основания для отступления от известной формулировки «общность экономической жизни». Уместно отметить, что и применительно к нации «работоспособность» данной формулировки оказалась не вполне удовлетворительной; в ходе упомянутой дискуссии выдвигались предложения трактовать этот признак нации как «устойчивую общность хозяйственной жизни (при наличии рабочего класса)»⁸, то как «экономическую основу»⁹, то как «единство производственной экономики»¹⁰ и т. п. Все это заставляет нас уделить существенное место характеристике используемого терминологического инструментария и понятийного аппарата.

Рассмотрение вопроса о соотношении «этнического» и «экономического» и возможности применения «экономического» в качестве признака «этнического» целесообразно начать с более широкого из этих понятий — экономика. Термин «экономика», выставленный А. Г. Агаевым как «бесспорный этнический признак каждого народа», принято употреблять во-первых, при характеристике господствующего способа производства, т. е. определенного уровня развития производительных сил и совокупности производственных отношений (например, «экономика капитализма»

⁵ С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии), «Вопросы философии», 1964, № 11.

⁶ А. Г. Агаев, Нация, ее сущность и самосознание, «Вопросы истории», 1966, № 7.

⁷ См. «Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея „Этнос и эндогамия“», «Сов. этнография», 1970, № 3, стр. 89.

⁸ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, О понятии «нация», «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 45.

⁹ С. Т. Калтахчян, К вопросу о понятии нации, «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 42.

¹⁰ Т. Ю. Бурмистрова, Некоторые вопросы теории нации, «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 109.

и, во-вторых, для обозначения совокупности отраслей хозяйства какой-то территории (например, «экономика СССР»). В обоих этих случаях формулировка А. Г. Агаева представляется неточной и далеко не бесспорной. Постараемся пояснить этот вывод и сущность вопроса.

Придерживаясь первого из приведенных выше значений термина «экономика», следует подчеркнуть, что экономика является неперменным базовым условием существования самого человечества, а также всех социальных коллективов, включая, конечно, и этнические общности. Именно изменение экономики определяет в конечном счете историческое развитие всего общества, смену типов социально-экономических формаций, образующих как бы этажи исторического прогресса. Но признание этих основных положений исторического материализма не должно вести к какой-то абсолютизации экономических факторов, к концепциям так называемого экономического материализма, подменяющего марксистскую диалектическую методологию исследования историко-социальных явлений упрощенными схемами. Опасность такой вульгаризации марксизма выявилась еще при жизни Ф. Энгельса, который специально подчеркнул: «...Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу... К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. И в этом я могу упрекнуть многих из новых «марксистов»; ведь благодаря этому также возникла удивительная путаница»¹¹. К сожалению, должны отметить и мы, и сейчас находятся авторы, которые в любом случае непременно требуют абсолютизации роли экономических факторов, не замечая, что часто выступают с позиций вульгарного экономизма.

Экономика оказывает наиболее сильное, непосредственное влияние на те социальные образования, специфика которых обусловлена местом людей в процессе производства и распределения материальных или духовных благ, например, классы, профессиональные группы и т. п.; многие из этих образований связаны только с определенными социально-экономическими формациями (класс рабовладельцев — с рабовладельческой, ремесленно-цеховые организации — с феодальной, фермеры — с капиталистической и т. д.) и прекращают свое существование вместе с ними. Что же касается этнической, религиозной и других общностей, состоящих из различных классов и профессиональных групп и обычно продолжающих существовать (хотя и в модифицированном виде) и после смены тех или иных формаций, то на них экономика сама по себе оказывает чаще всего опосредствованное влияние и уже потому не может стать их определяющим признаком. Утверждать, что экономика является этническим признаком, на наш взгляд, столь же нелепо, как и утверждать, будто бы она является религиозным или, например, языковым признаком.

Разумеется, этносы, существуя в рамках определенных социально-экономических формаций, испытывают их влияние, которое проявляется, например, в особенностях классово-профессиональной структуры входящих в них групп людей, их занятиях, идеологии и т. п. На этих социально-экономических особенностях этносов основана ныне распространенная их типология, в которой каждый тип связывается с опре-

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 394, 396.

деленными формациями: племя — с первобытнообщинной, народность — с рабовладельческой и феодальной, нация — с капиталистической и социалистической. Нисколько не возражая против самой возможности такой классификации, следует сказать, что в теперешнем своем виде она нуждается в доработке. Рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашей статьи, но все же отметим, что недостатки существующей типологии проявляются уже в том, что один и тот же тип этноса (например, нация) связывается с различными социально-экономическими формациями, с различным экономическим базисом; применяемые для исправления этого недостатка дополнительные определители — «капиталистическая нация» и «социалистическая нация» не вносят в саму типологию должной ясности. Особенно слабо разработана проблема «народности»; считается, что такой тип этнической общности органически связан с рабовладельческой или феодальной формациями, вместе с тем признается существование его в капиталистической («капиталистическая народность» и «социалистическая» («социалистическая народность») формациях, т.е. совершенно различных экономических системах. Бросается в глаза, что типология этносов по существу заменена здесь их краткой социально-экономической характеристикой, которая в принципе может быть применена и ко многим другим общностям, например к государственным («рабовладельческое государство», «буржуазная республика» и т. п.), к религиозным общинам («католики феодального общества», «католики капиталистического общества» и т. п.) и прочим социальным категориям, которые при переходе из одной формации в другую изменяют классовую структуру и другие социально-экономические параметры.

Сравнительно небольшие возможности открываются для исследования сущности этноса и при использовании другого значения термина: «экономика», который обозначает, как уже отмечалось, территориальный комплекс отраслей хозяйства; показательно, что в обширной экономической литературе по существу нет работ, посвященных, например, экономике русского или, скажем, татарского этноса. Вместе с тем, почти каждая территория (страна, область и т. п.) отличается тем или иным своеобразием экономической или, точнее, хозяйственной деятельности живущего на ней населения, что определяется уровнем социально-экономического, а также особенностями исторического развития, природными условиями, традициями и другими факторами. Такая специфика хозяйственной деятельности может быть обнаружена и в пределах этнических территорий, у тех или иных народов мира. Эта специфика накладывает отпечаток на образ жизни, особенности культуры и быта народа (наглядно демонстрируя в ряде случаев примат «экономического») — постоянно учитывается в этнографических исследованиях.

Нетрудно заметить, что четкая хозяйственная специализация свойственна лишь сравнительно небольшим этносам, стоящим на ранних ступенях исторической эволюции, в основном родоплеменным обществам, которые обычно сплошь состоят либо из охотников-собирателей, либо — примитивных земледельцев или скотоводов¹². Впрочем, и в этом случае экономика не выступает в качестве «этнического признака», так как один и тот же вид хозяйства может бытовать у целого ряда этносов, значительно теряя свою этническую «специфику» и определяющие свойства. С развитием производительных сил и дифференциацией профессий, а также с укрупнением этносов и их территориальным распространением пределы иной природной и социальной среды, прежнее единообразие

¹² Резкое разделение народа на группы, каждая из которых занимается особым видом хозяйственной деятельности (например, у чукчей и коряков — группы кочевых оленеводов и группы оседлых морских рыболовов, каждая со своим названием, культурно-бытовыми и диалектальными особенностями) может свидетельствовать даже о незавершенности процессов этнической консолидации. Подробнее об этом см.: В. И. К о з л о в, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 285 и след.

сменяются все усложняющимся многообразием хозяйственной деятельности, все более пестрой картиной производства и потребления, требующей очень сложных комплексных характеристик. Этнические традиции хозяйственного быта все чаще отходят на задний план. В результате исследователю гораздо легче показать хозяйственное своеобразие отдельных областных групп одного и того же этноса (например, отличия русских Рязанской области от русских Вологодской области), чем своеобразие хозяйства всего русского этноса в отличие, скажем, от белорусского или от татарского этноса. Правда, материалы всеобщих переписей населения дают сочетание показателей национальной принадлежности с другими, в том числе и с экономическими показателями, позволяют вскрыть, например, различия в профессиональном составе тех или иных народов. Но все эти характеристики, как и характеристики по половозрастному составу, уровню образования и т. д., имеют, по существу, описательное значение, служат главным образом целям сравнения этносов между собой. Короче говоря, и здесь еще не видно признака, который можно было бы включить в научное определение этноса и который бы служил целям отделения этноса от других социальных образований.

Обратимся теперь к несколько более узкому и чаще применяемому в рассматриваемой нами области термину *экономическая общность* (или близких к нему формулировок — «общность экономической жизни», «общность экономических связей» и т. п.). По сравнению с термином «экономика», данные термины обладают большей «работоспособностью», так как, сохраняя значительную часть смысловой нагрузки первого, они вместе с тем характеризуют определенные принципы социального объединения людей. Не вдаваясь пока в тонкости различия формулировок, отметим, что до последнего времени в литературе наиболее часто встречался термин «общность экономической жизни», входящий в известное определение нации. Однако содержание этого, по мнению многих авторов, важнейшего признака нации, несмотря на его частое и давнее употребление, так и осталось недостаточно раскрытым, что привело к разноречию и понятийным недоразумениям, отчетливо выявившимся в ходе упомянутой дискуссии по теории нации.¹³ Это лишний раз говорит о необходимости пояснения исходных понятий.

Экономической общностью является общность людей, основанная на экономических (или хозяйственных) связях между ними. В свою очередь под экономическими связями понимается нечто иное, как связи между людьми, возникающие в процессе производства или распределения материальных благ. Наиболее надежной основой таких связей служит разделение труда, которое выступает в двух главных видах: в виде профессионального разделения труда по особенностям занятий отдельных людей и групп их и в виде порайонного разделения труда, обусловленного различной спецификой хозяйственной деятельности территориальных групп населения. То и другое связано с развитием общественного производства, причем первое во многом определяется наклонностями или традициями и может ограничиваться сравнительно узкими рамками (внутрисемейное разделение труда), а второе — особенностями природных условий тех или иных районов и требует для своего осуществления развития транспортных средств.

Среди факторов, препятствующих сложению экономической общности людей, следует отметить однородность их хозяйственной деятельности и натуральный тип хозяйства. На это обстоятельство обратил осо-

¹³ Один из последних участников этой дискуссии, М. Н. Росенко, после краткой сводки относящихся сюда высказываний справедливо отметила, что «... до сих пор, по существу, отсутствуют работы, где было бы дано развернутое понятие общности экономической жизни, проанализированы основные этапы ее формирования...» (М. Н. Росенко, Современная эпоха и некоторые вопросы теории нации, «Вопросы истории», 1968, № 7).

бое внимание Ф. Энгельс при анализе этно-социального развития ран средневекового общества. «Таким образом,— пишет он,— народ растерялся в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи, так как каждая марка удовлетворяла свои потребности собственным производством отдельных соседских марок производили к тому же почти в точности же самые продукты». Поскольку экономические интересы таких общин были *одинаковыми*, постольку, указывает Ф. Энгельс, они и не были *общинными*¹⁴. Отсутствие экономических связей не означает, конечно, отсутствия других видов связей, на основе которых могут возникать и существовать социальные группы. Так, между сельскими общинами могут существовать территориальные связи, усиливаемые сходством хозяйственных интересов, а нередко и обычаями взаимопомощи; внутри и подкаст, члены которых должны заниматься каким-то одним определенным видом деятельности (каста торговцев мясом, каста подметальщиков улиц и т. п.) существуют религиозные и брачные связи и т. д. В отличие, например, от языковой общности, которая тем сильнее, однороднее в языковом отношении составляющие ее группы людей, экономическая общность становится тем более прочной, чем дальше заходит разделение труда и чем экономически разнороднее входящие в группы людей. Поэтому встречающееся в одной фразе словосочетание «общность языка и экономической жизни» — таких противоположностей своей сущности «общностей» — выглядит, на наш взгляд, явно аллюзией.

Если не становиться на позиции экономического материализма, заслонять разнообразные виды социальных связей между людьми экономическими связями и не отождествлять, например, национальные религиозные отношения с отношениями людей в процессе материального производства, то следует признать, что экономические связи определяют в полной мере лишь экономическую общность людей, как государственные связи — государственную, а религиозные — религиозную общность. Поэтому возникающий иногда вопрос о возможности применения к этносу «признака экономической общности» должен быть заменен методологически более правильным вопросом о соотношении между экономической и этнической общностями людей. Анализ этнического материала приводит к выводу, что границы этнической и экономической общности людей по ряду рассматриваемых далее признаков часто совпадают, но они могут и не совпадать. Довольно часто экономические связи замыкаются таким образом, что разделяют этнос на отдельные более или менее самостоятельные экономические общности; напротив, объединяют его экономически с другими этносами; иногда следовательно приходится сталкиваться с очень сложным переплетением и пересечением этнических и экономических границ. Все это разнообразие возникло в результате специфических и не всегда совпадающих путей исторического развития, с одной стороны, экономических, с другой — этнических общностей людей.

Первая, половозрастная форма разделения труда возникла, как известно, на самых ранних стадиях развития человеческого общества; на базе ее сложились и первые примитивные формы экономической и хозяйственной общности. Элементы такой общности можно обнаружить даже у народов с наиболее отсталыми видами хозяйства, например внутри локальных групп австралийцев, где мужчины занимаются преимущественно охотой и рыбной ловлей, а женщины и дети — сбором съедобных растений, насекомых и т. п. Для более развитых народов первобытнообщинной эпохи, по-видимому, можно говорить о существовании родовой и племенной формы хозяйственной общности. А поскольку род уже из-за экзогамии не мог существовать без других родов, то имен-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 496.

племя, как основная для той эпохи форма коллективного существования людей, может рассматриваться не только как первый тип этноса, но и как первичный социально-экономический организм.

Из-за натурального типа хозяйства и слабого разделения труда по профессиям хозяйственная общность внутри племени была, конечно, очень слабой и поддерживалась главным образом общностью интересов, связанных с совместным владением всеми соплеменниками ресурсами племенной территории, совместным участием их в различных хозяйственных мероприятиях, обычаями взаимопомощи и т. п. Ф. Энгельс, давая обобщенную характеристику периода «дикости» и «варварства», писал, что производство здесь было «по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин»¹⁵.

Один из первых популяризаторов марксизма в России, Н. И. Зибер, исследуя этот вопрос в своем труде «Очерки первобытной экономической культуры», убедительно показал, что общинные формы хозяйства представляли собой почти универсальную форму экономической деятельности на ранних ступенях развития всех народов мира. Он привел огромный фактический материал по народам Азии, Африки, Америки и Океании, сохранивших родо-племенной строй, проследив развитие коллективного труда от простейших его форм (общая охота, рыбная ловля и пастушество) до более сложных (общинные работы по выжиганию лесов, орошению земель и т. п.). Н. И. Зибер приходит к выводу, что «простая кооперация в ловле рыбы, охоте, нападении и защите, уходе за скотом, очистке лесных участков под обработку, орошении, возделывании земли, построении домов и больших орудий, как лодки, сети и т. п., естественно обуславливает собой совместное потребление всего произведенного... Служа условием существования первобытного экономического строя, кооперация означенного рода в то же время является источником для зарождения и развития целого ряда нравственных и юридических воззрений, которые часто на много столетий переживают вызвавшую их к существованию общественно-экономическую организацию...»¹⁶.

Развитие производительных сил в недрах первобытнообщинной формации, появление частной собственности и рабовладения и связанная с этим классово-социальная дифференциация между родами и внутри родов, привели к разложению родо-племенного строя. Классическое описание этого процесса дано в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где подчеркнуты такие важные его факторы, как территориальное смешение родов и племен, возникновение новых потребностей и интересов, требовавших новой организации общественной жизни. «Родовой строй,— пишет Ф. Энгельс,— отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен *государством*»¹⁷.

В период перехода от первобытнообщинной к раннеклассовым формациям появились условия для развития новых форм экономических связей, основанных на товарном хозяйстве. Особенно существенное значение в этом отношении имело возникновение городов, выделение групп ремесленников, а также профессий, целиком направленных на поддержание и развитие экономических связей: торговцев, перевозчиков товаров и т. п. Распространению экономических связей, формированию широких экономических общностей способствовали и другие обстоятельства, в том числе падение прежней племенной замкнутости, однако это экономическое развитие растянулось на много столетий и развернулось

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 174.

¹⁶ Н. И. Зибер, Очерки первобытной экономической культуры, М., 1957, стр. 5—6.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 169.

в полную силу лишь в капиталистическую эпоху. Исчезновение племенной обособленности, территориальное взаимопроникновение различных всего родственных племен, наряду с другими условиями, способствовало и возникновению новых, более крупных по сравнению с племенем, этнических общностей. Этот процесс, подобно процессу формирования экономических общностей, долгое время, фактически до начала формирования наций, был тоже недостаточно отчетливым; при этом взаимосвязь этнических и экономических явлений чаще всего имела опосредованный характер, и посредником между ними обычно было государство.

Методологически важный вопрос о соотношении этнической и государственной общностей и вопрос о роли государственно-политического фактора в сложении этносов классовых формаций требуют для своего рассмотрения специальной работы. Остановливаясь лишь на некоторых необходимых для нашей темы моментах, подчеркнем тот, отмеченный Ф. Энгельсом факт, что на смену племенной организации приходит именно *государство*. Государство характеризуется, прежде всего, своей политической ролью, как организация экономически господствующего класса, как аппарат для подавления своих классовых противников.¹⁸ Вместе с тем, государство с самого начала своего существования выполняет определенные организационные социально-экономические функции. Граничные границы сменились государственными границами, еще более строго фиксируемыми и охраняемыми. Господствовавшая в первобытнообщинную эпоху кровнородственная структура населения уступила место структуре территориальной: по населенным пунктам, районам, областям, и т. п., причем установление территориального деления, как и раньше, входит в ведение государства. В ведении государства находилось чеканка монет и регулирование денежного обращения, определенный контроль за внутренней и особенно внешней торговлей (таможенные пошлины и ограничения), охрана торговых путей, прокладка новых дорог и другие мероприятия, способствующие формированию этнической общности среди входящего в это государство населения. И хотя государственные границы чаще всего устанавливались насильственным путем, например в результате завоеваний, со временем у вошедшего в государство населения неизбежно возникали элементы общности социально-экономической жизни, поддерживаемые единством государственной территории и общими интересами по ее использованию и охране, а также единой системой государственной организации, юридическими правами и обязанностями.

В течение длительного периода, когда почти повсеместно господствовало натуральное хозяйство, когда экономические, в данном случае, торгово-рыночные связи имели сравнительно узкие рамки, обычно охватывавшие город с прилегающей к нему округой, и не могли еще способствовать развитию языковых и культурных контактов и связанных с ними процессов этнической консолидации, государственные связи при этом играли немаловажное этническое значение. На это обстоятельство указывал Ф. Энгельс, когда, завершая упомянутый выше анализ социально-этнического развития средневековых общин (марок), писал: «Вследствие такого состава народа только из мелких общин, экономические интересы которых были, правда, одинаковыми, но именно поэтому и общие, условием дальнейшего существования наций становится государственная власть...»¹⁹.

Из числа авторов, уделивших значительное внимание оценке этнообразующей роли государства в средние века, следует отметить Н. Ф. Косицкого, который пишет: «Для слияния отдельных родственных и

¹⁸ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 64 и след.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 496.

более далеких между собой этнических групп в новую общность необходимо было их объединение на длительный период в рамках одного государственного целого. Разделение на долгий исторический период государственными границами даже самых близких между собой племенных общностей способствовало их обособлению и привело, в конце концов, к тому, что они становились компонентами разных народностей... Салические и частично рипуарские франки вошли в состав французской народности, восточные рипуарские франки стали составным элементом немецкой народности»²⁰. Приводимый Н. Ф. Колесницким фактический материал убедительно показывает, сколь сильно политическое раздробление Германии тормозило процесс сложения единой немецкой народности, контуры которой вплоть до XVII в. вырисовывались весьма нечетко.

Обозревая в целом развитие социальных образований в раннеклассовых формациях, приходится отметить, что консолидация языково-территориальных групп только еще начинала разворачиваться, этническое самосознание только еще пробуждалось и часто отступало на задний план перед более развитым чувством принадлежности к государству или к религиозной общине. Поэтому этнические общности выступали сравнительно четко лишь там, где этническая (языково-культурная) принадлежность в целом совпадала с государственной и религиозной, как это было у многих народов древности (финикийцы, египтяне, евреи и др.) и средневековья (испанцы, поляки и др.). В случаях такого совпадения к этническим общностям того времени, называемым обычно «народностями», может быть приложен признак экономической целостности в том его объеме, который был характерен для соответствующих государств. В случае же, если такого совпадения не было, развитие экономических связей могло не совпадать с развитием этнических связей и даже вступать в конфликт с ними. Так, длительная ожесточенная борьба между крупнейшими торгово-промышленными центрами средневековой Италии — Венецией и Генуей — тормозила этническую консолидацию итальянского народа, а существование межэтнического Ганзейского союза — консолидацию немецкого народа.

Процессы образования этнически однородных государств начались в Западной Европе еще в раннем средневековье. «Как только произошло разграничение на языковые группы, — пишет Ф. Энгельс, — стало естественным, что эти группы послужили основой образования государств, что национальности стали складываться в нации... Правда, в течение всего средневековья границы распространения языка далеко не совпадали с границами государств; но все же каждая национальность, за исключением, пожалуй, Италии, была представлена в Европе особым крупным государством...»²¹. Ведущую роль в создании и существовании таких государств играла централизованная королевская власть, которая была «представителем образующейся нации». Ф. Энгельс указывает, что именно «королевская власть, опираясь на горожан, сломила мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество»²². Ко второй половине XV в. «во всей Европе оставались еще только две страны, в которых не было ни королевской власти, ни немыслимого тогда без нее национального единства, или они существовали только на бумаге: этими странами были Италия и Германия»²³. Основной причиной задержавшегося процесса этнической консолидации немцев по Ф. Энгельсу было то, что «от-

²⁰ Н. Ф. Колесницкий, Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (XV—XVI вв.), «Средние века», вып. 23, М., 1963, стр. 183.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 410.

²² Там же, т. 20, стр. 345.

²³ Там же, т. 21, стр. 416.

дельные провинции и группы провинций были еще совершенно изолированы друг от друга: никаких сношений между ними и т. д... Во Франции и Испании тоже существовала экономическая раздробленность, но и она была преодолена с помощью насилия»²⁴.

В эпоху капитализма внутреннее сплочение национальных государств резко усилилось за счет развития новых, присущих капиталистической системе хозяйства, экономических связей. В связи с темой нашего исследования следует подчеркнуть, с одной стороны, возросшую роль языка для развития экономических связей, с другой стороны — необходимость государственного оформления этих связей. Классическая характеристика этого вопроса дана В. И. Лениным: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией... государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке... Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином и хозяйчиком, продавцом и покупателем. Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения»²⁵.

Характеризуя развитие экономических связей, сложение экономической общности в эпоху капитализма, обычно отмечают такие явления, как развитие товарного хозяйства, прежде всего в форме крупного промышленного производства, территориальное разделение труда, основанное на товарной специализации отдельных районов, развитие путей сообщения, особенно железных дорог, и слияние местных рынков в общий рынок. В подавляющем большинстве работ, посвященных описанию процесса формирования наций, все это развитие экономических связей отождествляется с развитием этнических связей, экономическая интеграция — с национальной консолидацией, а признак экономической общности полагается основным, ведущим признаком нации как типа этнической общности. Чтобы завершить рассмотрение нашей темы, кратко остановимся на этом вопросе.

По нашему мнению, уже отраженному в ряде опубликованных ранее работ²⁶, экономическая общность, как таковая, более свойственна государству, нежели нации; такая общность, как ясно из вышеизложенного, исторически формируется именно в государственных границах. Если перед нами национальное государство, то к живущей там нации, естественно, можно приложить и признак экономической общности, хотя и это часто нуждается в оговорках. Отмеченная В. И. Лениным связь экономических и национальных (языково-территориальных) моментов характерна лишь для эпохи раннего капитализма. По мере роста производительных сил формы национальных государств начинают тормозить экономическое развитие, в экономике все большую роль начинают играть межгосударственные экономические связи. «Торговые связи между различными государствами, — пишет В. И. Ленин, — становятся все теснее и обширнее, капитал переходит постоянно из одной страны в другую. Банки, эти громадные склады капиталов, собирающие его отовсюду и распре-

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 571—572.

²⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258—259.

²⁶ См. В. И. Козлов, Некоторые проблемы теории нации, «Вопросы истории» 1967, № 1; его же, Динамика численности народов, стр. 32 и след.

деляющие его в ссуду капиталистам, становятся из национальных междуна-
родными, собирают капиталы из всех стран, распределяют их капита-
листам Европы и Америки. Громадные акционерные компании устраи-
ваются уже для заведения капиталистических предприятий не в одной
стране, а в нескольких сразу; появляются международные общества ка-
питалистов»²⁷. Одним из примеров межгосударственной (и меж-
национальной) экономической интеграции является возникновение так
называемого Европейского экономического сообщества, внутри которо-
го существует довольно свободное передвижение товаров, капитала и
рабочей силы. В этих условиях применение к французской или, скажем,
итальянской нации признака экономической общности уже требует не-
которых оговорок.

Опосредствованная — через государство — связь этнической и эконо-
мической общности очень наглядно выступает в тех случаях, когда еди-
ный этнос оказывается разделенным государственными границами. Ник-
то, кажется, не сомневается в том, что в конце XIX в. существовал укра-
инский народ, хотя австро-венгерские западные и закарпатские украин-
цы в течение нескольких столетий не имели никакой экономической свя-
зи с восточными — российскими украинцами. Разделение политическими
границами курдов, бенгальцев, корейцев и многих других народов мира
ослабляет их этническую целостность, но не уничтожает ее, хотя между
частями этих народов нет экономической общности.

Обратимся теперь к многонациональным государствам, памятуя, что
теория национального вопроса и теория нации разрабатывались и раз-
рабатываются, главным образом, применительно к таким государствам.
Совпадение экономической общности с этнической и, как следствие это-
го, возможность применения для определения наций в этих государст-
вах признака экономической общности, были бы возможны в том слу-
чае, если бы именно национальная принадлежность играла решающую
роль в установлении и развитии экономических связей. По отношению к
России это означало бы, что, например, украинцы вступали в экономи-
ческие связи, как правило, с украинцами и образовывали особый укра-
инский национальный рынок, татары вступали в экономические связи с
татарами и образовывали татарский национальный рынок и т. п. Однако
в действительности было далеко не так. Не оспаривая общепризнанного
факта существования украинской нации в конце XIX в., заметим, что
подавляющее большинство ее составляли крестьяне, хозяйственные ин-
тересы которых были, пользуясь словами Энгельса, по существу одина-
ковые, но именно поэтому и не общие. Экономическое единство, форми-
рование национального рынка могло быть достигнуто только через го-
рода, но исторически сложилось так, что в крупнейших промышленно-
торговых центрах этой области: Одессе, Киеве и Харькове украинцы
составляли незначительную часть населения: по первой советской пе-
реписи 1920 г. в Одессе — 3% (русские и евреи примерно по 45%), в
Киеве — 14% (русские — 47%, евреи — 32%). То же самое относится
и к татарам, составлявшим в Казани всего 19% населения²⁸. Короче го-
воря, экономические связи в России развивались в «национальных» об-
ластях чаще всего не на национальной, а на межнациональной основе.

Не имея возможности опереться на фактический материал, сторон-
ники концепции, представляющей экономическую общность в качестве
ведущего, обязательного признака нации, пытаются укрепить свои пози-
ции ссылкой на В. И. Ленина, который писал, что образование нации
«вызывалось усиливающимся обменом между областями, ... концентриро-
ванием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»²⁹. Од-

²⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 98.

²⁸ В. П. Шибанов, Этнический состав Европейской части Союза ССР, «Труды
КИПС», вып. 20, Л., 1930, стр. 225, 203.

²⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 154.

нако следовало бы учесть, что В. И. Ленин пишет здесь о начале этапа сложения русской нации, которая формировалась в пределах русского государства с небольшими в то время включениями других народов. Таким образом, как и в странах Западной Европы, связь между экономической и национальной консолидацией имела здесь по существу опосредствованный — через государство — характер³⁰.

Тесная связь между экономическим развитием и политико-государственным обособлением имеет по В. И. Ленину исторически переходящий характер и в основном присуща лишь ранней стадии капитализма. Для зрелого капитализма, идущего к своему превращению в социалистическое общество, характерно, прежде всего, развитие и учащение всяких сношений между нациями, ломка национальных перегородок, здание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.³¹ В. И. Ленин в своих работах уделял значительное внимание критике идеи экономического сепаратизма наций, постоянно подчеркивая экономические связи между нациями живущими в одном государстве, и необходимость интернационального сплочения трудящихся против противостоящих им сплоченных сил империализма различных национальностей. «...Национальный состав населения, — пишет он, — один из важнейших экономических факторов, но единственный и не важнейший среди других. Города, например, играют важнейшую экономическую роль при капитализме, а города есть и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великороссии и т. д. — отличаются наиболее пестрым национальным составом населения»³². Растущая национальная буржуазия в России стремилась, конечно, в конкурентной борьбе опереться на «свою» национальность, однако это не приводило к возникновению национально раздельных экономических общностей. «Именно экономическая и политическая жизнь капиталистической страны заставляет на каждом шагу ломать нелепые и устарелые национальные перегородки и предрассудки... В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. В фабриках работают вместе рабочие разных наций. При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям»³³. Следует подчеркнуть, что основные воды В. И. Ленина об экономической взаимосвязанности наций в империалистических капиталистических государствах, еще в большей степени приложимы к социалистическим государствам, где уничтожение эксплуатации и национального неравенства, дальнейшее разделение труда и, наконец, дальнейшее территориальное смешение наций, приводят не к ослаблению экономических связей между ними, а к их укреплению³⁴.

Как известно, в основу административно-территориальной структуры

³⁰ Иногда ссылки на В. И. Ленина даются по недоразумению. Так, П. М. Рогачев и М. А. Свердлов, подчеркивая первостепенное значение для нации признака экономической общности (общности хозяйственной жизни) мотивируют это тем, что В. И. Ленин в одном из своих конспектов по национальному вопросу, «дважды назвал „экономический признак“» (см. П. М. Рогачев, М. А. Свердлов, Указ. раб., стр. 35). Автор указанного ими источника («Ленинский сборник», XXX, стр. 53) приводит к выводу, что В. И. Ленин характеризует здесь национальную теорию К. Каутского, который считал основными признаками нации язык и территорию и показал исторически изменяющееся экономическое значение этих признаков. Именно поэтому В. И. Ленин называл данную теорию «историко-экономической» (там же, стр. 64) и именно поэтому «экономический признак» следует относить к характеристике В. И. Лениным сущности этой теории, а не к взглядам его на сущность нации.

³¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

³² Там же, стр. 149.

³³ Там же, стр. 134.

³⁴ Об экономической интеграции советских наций более подробно см.: Ю. В. Бродский, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР «Сов. этнография», 1970, № 1.

СССР положен национальный принцип. Несомненно, что внутри союзных и автономных республик имеется определенная экономическая общность. Но во-первых, эта общность, связанная, к стати сказать, с определенными формами государственности, явно уступает по своему значению экономическим связям, экономической общности всесоюзного масштаба. Во-вторых, в основе экономического районирования СССР лежит не этнический, а территориальный принцип, и имеющаяся внутри союзных и автономных республик экономическая общность охватывает все живущие там национальные группы, т. е. имеет не национальный, а межнациональный характер. Поэтому нередко встречающиеся попытки характеризовать, например, упрочение и развитие экономической общности русской нации статистическими данными, относящимися к развитию экономики РСФСР, а экономическую общность казахской нации — данными по Казахской ССР³⁵, — выглядят по меньшей мере странно. Уместно напомнить, что казахи составляют в пределах своей республики примерно 30% всего населения (а в основных промышленных центрах и того меньше), что экономика Казахстана развивалась и развивается на основе трудового содружества и экономических связей различных национальностей — русских, украинцев, казахов и др. В своей речи на торжествах в Алма-Ате Л. И. Брежнев подробно остановился на этом содружестве, отметив, в частности: «Русские и казахи, украинцы и белорусы, представители всех советских народов строили Турксиб и шахты Караганды, нефтепромыслы Эмбы и промышленные предприятия рудного Алтая, Чимкента, Балхаша... Весь многонациональный рабочий класс принимал активное участие в обеспечении целинных совхозов первоклассной техникой... Представители всех народов страны общими усилиями поднимали целину»³⁶. Следует отметить также, что сильное территориальное смешение народов внутри союзных и автономных республик сочетается с их еще более сильным смешением за пределами своих республик. За пределами Татарской АССР живет, например, свыше 70% всего татарского населения страны, за пределами Мордовской АССР — свыше 72% всей мордвы и т. п. В подобных случаях выделение особых национальных экономических связей и конструирование особых национальных экономических общностей приобретает явные черты иррационального³⁷.

Переходя к кратким выводам нашего исследования, подчеркнем еще раз, что, согласно материалистическому пониманию истории, именно производство создает экономическую основу для возникновения и развития всех форм социальной жизни людей. Однако связи экономики с этносом, как и связи ее со многими другими социальными группами чаще всего носят сложный, опосредствованный характер. Поэтому применение различных экономических показателей, например, исторически изменяющихся особенностей экономического строя для целей типологии этнических общностей требует осторожности и детального анализа всех связывающих их элементов. Экономическая общность людей, основанная на разделении труда в процессе общественного производства, и этническая общность, основанная на языково-культурных и других связях, отражающихся в этническом самосознании, могут совпадать, но могут и не совпадать, причем и здесь связь между ними обычно имеет опосредствованный характер — через племенную организацию или государ-

³⁵ См., например, М. Н. Росенко, Указ. раб., стр. 97.

³⁶ «Правда» от 29 августа 1970 г.

³⁷ О неприменимости к советским нациям признака особой экономической общности каждой нации писал Е. М. Жуков в статье «XXII съезд КПСС и задачи советских историков» («Вопросы истории», 1961, № 12). В прошедшей дискуссии вокруг лозунга нации многие авторы решительно выступили против идей экономического сепаратизма наций и подчеркивали экономическую связанность всех наций в пределах СССР, но лишь немногие из них поставили под вопрос целесообразность признака экономической общности каждой нации.

ство³⁸. Поэтому введение в научное понятие этноса обязательного признака общности экономических связей (экономической жизни) представляется неоправданным. Недостаточно оправданным представляется применение его в качестве главного, ведущего признака одного из типов этнической общности — нации, особенно для наций, живущих в пределах многонациональных государств и находящихся в значительном территориальном смешении друг с другом. Отметим, вместе с тем, что исторически разделение труда усиливается, а основанные на нем экономические общности людей упрочиваются с переходом от феодализма к капитализму; именно в это время обычно разворачиваются и процессы национальной консолидации. Хотя такое хронологическое совпадение этапов экономической и этнической эволюции само по себе еще не говорит о прямой зависимости второй от первой, однако, как показывает приведенный нами материал, оно далеко не случайно. Нации, как особые типы этнической общности, возникают на определенной экономической основе, в ходе сложных процессов социально-экономического и языково-культурного развития, познание которых невозможно, конечно, без детального анализа роли экономических факторов.

ETHNOS AND ECONOMICS: ETHNIC AND ECONOMIC COMMUNITIES

The problem of correlation between ethnos and economics, the ethnic and the economic community is one of the methodologically important problems in the theory of ethnos which is at present in the course of elaboration. According to the materialistic conception of history it is production that creates the material base for the rise and development of all forms of human social life. However the links between economics and ethnos are usually complex and indirect in character. Therefore the application of specific features of social-economic systems to the typology of the ethnos demands a detailed analysis of all connecting links. The economic community based upon the division of labour and the ethnic community based on linguistic, cultural and other ties reflected in ethnic consciousness may coincide but do not necessarily do so since the connection between them is also usually indirect in character; it is realized through the tribal organization or the state. Consequently the introduction of economic ties (community of economic life) as an integral feature characterizing «ethnos» and included in its scientific definition appears unjustified. It is also insufficiently justified when used as the basic leading feature of one special type of ethnos — the nation, especially as to nations within multinational states.

³⁸ Для обозначения этносов, имеющих свою социальную или государственную организацию, а вместе с ними и определенную экономическую общность, уместно применять предложенный Ю. В. Бромлеем термин «этно-социальный организм» (см. Ю. В. Бромлей. Этнос и этно-социальный организм, «Вестник АН СССР», 1970, № 8).

С. М. Абрамзон

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ

В последние годы снова оживился интерес к различным сторонам социальной структуры и общественного строя кочевых обществ. Одни авторы развивают и дополняют уже утвердившиеся в советской исторической науке положения, другие предлагают новые решения¹.

Цель настоящей статьи — проанализировать некоторые черты социального строя кочевых народов и в особенности судьбы патриархально-родового уклада в условиях сложения и развития классовых отношений.

Исходя из основных положений марксистско-ленинского учения об обществе и из тщательного анализа исторических и этнографических источников, отдельные советские историки уделили особое внимание последнему этапу истории первобытного общества, который Ф. Энгельс назвал периодом военной демократии.

С. П. Толстов одним из первых показал важное историческое значение эпохи военной демократии². Его точка зрения была поддержана рядом советских историков и этнографов, занимавшихся древними кочевыми обществами и первобытным обществом в целом³.

Дальнейшая разработка этой проблемы привела к выделению периода военной демократии как особого этапа первобытной истории. В предложенной С. П. Толстовым новой, уточненной в свете работ Ф. Энгельса и В. И. Ленина периодизации первобытной истории⁴, было подчеркнуто своеобразие этого периода по сравнению с низшим и средним периодами варварства⁵.

Из этой периодизации «выпал» столь привычно конструируемый в качестве обязательного и самостоятельного этапа в развитии первобыт-

¹ См., например, Л. П. Лашук, О характере классовобразования в обществах ранних кочевников, «Вопросы истории», 1967, № 7; его же, Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников, «Сов. этнография», 1967, № 4; Г. Е. Марков, Кочевники Азии (Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества), Автореферат докт. дис., М., 1967; С. М. Абрамзон, Киргизы в их этногенетических и историко-культурных связях с народами сопредельных стран, Автореферат докт. дис., Л., 1968, стр. 17—24; Л. П. Потапов, Очерки народного быта тувинцев, М., 1969, гл. «Аальная община», стр. 105—146; С. И. Вайнштейн, Происхождение и историческая этнография тувинского народа, Автореферат докт. дис., М., 1969, стр. 34—36.

² С. П. Толстов, Военная демократия и проблема «генетической революции», «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8.

³ См., например: М. И. Артамонов, Общественный строй скифов, «Вестник Ленинградского ун-та», 1947, № 9; А. Н. Бернштам, Из истории гуннов I в. до н. э., «Сов. востоковедение», 1940, № 1; А. И. Першиц, О «военной демократии» (К вопросу о периодизации первобытного общества), «Сов. этнография», 1953, № 2; М. О. Косвен, К вопросу о военной демократии, сб. «Проблемы истории первобытного общества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. LIV, М.—Л., 1960.

⁴ С. П. Толстов, К вопросу о периодизации первобытного общества, «Сов. этнография», 1946, № 1.

⁵ Там же, стр. 26.

ного общества оцковский род. Если вдуматься в соответствующие строки классического труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и сопоставить их с ходом исторического развития, мы увидим, что у автора новой периодизации были для этого известные основания. Тем не менее выделение военной демократии как одного из этапов истории первобытного общества вызывало известные возражения и этот вопрос фактически продолжает оставаться открытым.

В 1968 г. А. М. Хазанов высказал сомнение в правильности определения последнего этапа первобытного общества как «военной демократии». Его статья содержит ряд интересных соображений, но не отличается последовательностью, и в ней немало противоречий. С одной стороны автор не выдвигает принципиальных возражений против вводимых в науку стадийальных понятий «дофеодальный период», «предклассовое общество». Он энергично поддерживает такое понятие, как «варварское государство», допускает возможность того, что и на Востоке некогда имела место «военная демократия» и т. п. Доводы Б. Д. Грекова, А. И. Неусыхина в пользу существования переходного «дофеодального периода» кажутся А. М. Хазанову убедительными⁷. Но в той же статье он затем пишет: «понятие „дофеодальный период“ нам представляется неудачным, ибо имеет негативный оттенок»⁸.

С другой стороны, А. М. Хазанов стремится ограничить место «военной демократии» в истории общества, доказать, что «как форма складывающейся политической организации общества „военная демократия“ не была универсальной»⁹. В этой связи следует признать неправомерным тот акцент на «политической структуре» и «политической организации», который делают А. М. Хазанов и некоторые другие при рассмотрении периода военной демократии. Военная демократия должна рассматриваться и изучаться и как социальная организация. По мнению А. М. Хазанова, скифское общество VI—IV вв. до н. э. или гуннское время Модэ-шаньюя и его ближайших преемников трудно отнести к военной демократии ввиду наличия там значительной социальной дифференциации и довольно сильной центральной власти¹⁰. Но, во-первых, военная демократия отнюдь не исключает социальной дифференциации, для противопоставления здесь нет оснований; во-вторых, «довольно сильная центральная власть» в ту эпоху часто не имела устойчивого характера, она и была временами сильной только потому, что являлась властью военных вождей и опиралась на военную организацию (что, как известно, считается существенным признаком военной демократии). Если общество, как признает автор, еще не было классовым, то едва ли уместно говорить о существовании в нем «государственных институтов». По этому аргументу, которые А. М. Хазанов выдвигает против применения понятия «военной демократии» к названным обществам, нельзя признать убедительными, хотя в настоящее время и нет необходимости настаивать на абсолютной универсальности военной демократии.

Последний период в истории первобытного общества А. М. Хазанов предлагает назвать «эпохой классообразования». Расплывчатость, нечеткость и неопределенность этого термина, трактовку которого и сам автор допускает в зависимости от «угла зрения», слишком очевидны, чтобы считать его заслуживающим всеобщего признания. В рассуждениях же А. М. Хазанова о социальном строе кочевых обществ не содержится ничего нового, если не считать вызывающего лишь недоумение утверждение,

⁶ А. М. Хазанов, «Военная демократия» и эпоха классообразования, «Вопросы истории», 1968, № 12.

⁷ Там же, стр. 94.

⁸ Там же, стр. 96.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 94.

дения о том, что понятие «варварское государство» помогает (?) и при изучении кочевых обществ, в частности ранних кочевников¹¹.

В то же время мысль автора о том, что «через „военную демократию“ прошли именно те общества, у которых война стала регулярной функцией народной жизни»¹², представляется мне вполне справедливой, если иметь в виду прежде всего кочевые общества древности и средневековья.

Приняв это ограничение, можно прийти к выводу, что в кочевых обществах, особенно на ранних стадиях их развития, период военной демократии был одновременно периодом максимального расцвета отцовского или патриархального рода, приобретшего свои существенные черты уже в предшествующую эпоху. Так же, как и сам период военной демократии, развитый патриархально-родовой строй был качественно (несмотря на сохранение многих черт архаического рода) совершенно новым явлением.

Отцовский род (так же, как и племя новой «формации») уже потому представляет собою «скачок» в новое качество, что объединяемый им коллектив людей владел «методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности» (разрядка мая. — С. А.)¹³. Этот род стремился к интеграции с другими родственными или дружественными коллективами. Но нередко он был вынужден вступать в борьбу с чужими родами и племенами. Смысл этой борьбы (а в других случаях — мира) состоял у скотоводческих племен прежде всего в охране своих все увеличивавшихся стад, в защите от покушений на них извне. Эти стада составляли богатство племени. С другой стороны, целью борьбы был захват у других племен скота, охраняющих его людей (обращаемых в рабов) и новых материальных ценностей, воплощенных в металле, украшениях и т. п.

Но патриархальный (отцовский) род (как и более широкое объединение — племя и, наконец, союз племен) являлся уже не только естественно выросшим объединением, связанным кровным родством. На определенной ступени развития он уже представлял собой союз собственников, в котором преобладающую роль стали играть имущественные интересы его членов. Эти интересы, разрушая первобытный коллектив, становятся цементирующим началом нового союза. Однако общество это еще нельзя назвать классовым. В нем лишь шел процесс вызревания тех элементов, из которых в будущем возникли классы.

Поскольку важнейшими социальными функциями рода и племени становилась защита своих сочленов и их имущества, или, наоборот, нападение на другие племена, потребовалась военная организация, способная обеспечить выполнение этих функций. Само племя стало главным звеном этой организации. Патриархальный род и племя, как объединение таких родов, превращаются в своего рода «самодействующую вооруженную организацию» (Энгельс). Именно в ней новый род и воплотил всю свою способность к существованию в изменившихся экономических условиях. Таким образом, племенная организация в эпоху военной демократии становится смыслом и сутью самого общества. Доводы тех исследователей, которые рассматривают военную демократию всего лишь как «политическую надстройку», лишены достаточной убедительности прежде всего потому, что они оставляют без должного внимания социальную структуру самого общества.

Ф. Энгельс указывал, что «на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей, совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши, и, наконец, людской скот — ра-

¹¹ А. М. Хазанов, Указ. раб., стр. 95.

¹² Там же, стр. 97.

¹³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 33.

бов»¹⁴. Речь идет в данном случае, конечно, не о парных семьях, а патриархальных семьях, само возникновение и укрепление которых было связано с появлением «стадного» скотоводства.

Мы считаем, что патриархальная семья не обязательно является продуктом «распада» или «разложения» отцовского рода, как утверждают некоторые этнографы¹⁵. Возникновение патриархальных семей (или патриархальных семейных общин) могло идти параллельно процессом развития такой же новой в качественном отношении общины — отцовского рода. Отцовский род у кочевников в своей развитой форме, пока он окончательно не разложился, и был, по нашему мнению, суммой все более обособлявшихся патриархальных семейных общин. Постепенно последние становились основными экономическими единицами общества. Возникшее в результате этого непримиримое противоречие привело в конце концов к распаду отцовского рода как общественной ячейки: «Отдельная семья сделалась силой, которая угрожает противостояла роду»¹⁶. Это замечание Ф. Энгельса относится, надо думать, не к малой, а именно к большой патриархальной семье, которая по отношению к роду была уже отдельной семьей.

Главными функциями отцовского рода у кочевников были коллективное использование пастбищ, охрана стад и добывание новых богатств насильственным путем. Однако следует отметить, что важное значение в этом обществе имел и обмен с другими, не скотоводческими племенами. С возникновением патриархального рода началась полоса постепенного усиления имущественного неравенства, стимулируемого учащающимися случаями грабительских набегов на соседние племена. Таким образом, общество вступает уже в период зарождения первых предпосылок классообразования. Первая ступень, первая форма общественного неравенства еще не приобрела на своем раннем этапе антагонистического характера. Общество вступало в своеобразный переходный период, характеризовавшийся господством военной демократии. Вместе с тем это был период сложения раннерабовладельческих и раннефеодальных отношений.

Здесь еще не было места особому этапу общественного развития, к которому нередко признают отцовский род. Сложение и развитие патриархального рода было лишь одной стороной становления и оформления уклада военной демократии, зародившегося в недрах первобытного общества и лежавшего на рубеже между материнским родом и классовым обществом.

В период развитой военной демократии патриархальный род выпал, видимо, как объединение ряда большесемейных, а позднее семейно-родственных общин (к ним можно условно применить термин «патронимия»). Каждая из последних представляла группу наиболее близких между собой патриархальных семей. В этот период отношения родства сохраняли еще большое значение во всех проявлениях племенной и родовой жизни. Однако они уже начали терять ту решающую роль, какую они играли, как пишет Энгельс, «в общественном строе у всех диких и варварских народов»¹⁷.

Эту определяющую роль стали приобретать отношения имущественные, тесно связанные с возникшей военной организацией, имевшей в целом (в пределах племени) демократический характер. Однако развивавшиеся имущественные связи еще в течение очень длительного времени не могли вытеснить уз родства, глубоко проникавших во поры внутриплеменной жизни; они продолжали сохраняться и оказывали

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 58.

¹⁵ См., например, Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у тюрков Вахио-боло, Л., 1936, стр. 76.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 162.

¹⁷ Там же, стр. 35.

свое влияние и на более поздних этапах (в ослабленной форме — в течение целых тысячелетий в классовых обществах кочевников). Это происходило не только потому, что родственные узы сами превращались в «оболочку» для возникавших видов эксплуатации, но и потому, что отношения родства, со всем вытекающим из них комплексом внутривременных связей, заостривались и не успевали (как, впрочем, и системы родства, а также политические, юридические, религиозные, философские системы вообще) регистрировать прогресс, проделанный обществом¹⁸.

Такое «закостенение», в свою очередь, может быть объяснено в значительной степени тем, что в кочевых обществах крайне медленно вызревал принцип территориальных связей; когда же эти связи становились реальностью, они нередко сами облекались в привычные формы отношений по родству¹⁹.

Несмотря на возникшие новые экономические отношения, племенное сознание, выросшее на почве господства уз кровного родства, продолжало прочно сохраняться и передавалось из поколения в поколение.

Патриархальную семейную общину мы застаем и в условиях классового общества, где род, как «основа общественного порядка», либо исчез, либо подвергся глубокой деформации. В связи с этим мы можем утверждать, что патриархальный род не был самостоятельным этапом общественного развития и потому в целом быстрее подвергался разрушению под влиянием экономических факторов, чем патриархальная семейная община, дериваты которой в различных формах дожили до наших дней. Последняя, как «микроячейка» патриархально-родовой организации, оказалась жизнеспособной и в новых условиях. Это было следствием того, что ее экономическим базисом вначале служила отдельная или обособленная семейная собственность, развившаяся позднее в частную собственность главы семейной общины, или глав малых семей, составлявших семейную общину. Таким образом, патриархальная семейная община постепенно приобретала те самые признаки, которые были свойственны и складывавшемуся классовому обществу в целом. Она стала основной экономической единицей общества и в течение длительного времени не вступала в противоречие с принципами, господствовавшими в классовом обществе. Возникшая частная собственность, стремление к закреплению имущества за отдельной моногамной семьей, все более обособлявшейся внутри патриархальной семейной общины, тем не менее привели к распаду и этой общины, к окончательному укреплению самостоятельных малых семей.

Все сказанное дает основание считать, что отцовский (патриархальный) род в целом являлся такой же переходной формой развития общества, как и патриархальная семья.

Первобытный, т. е. материнский род — коллективная организация, в основе которой лежит определенная система производственных отношений, имеющая четко выраженную общественную структуру, для которой характерно единство формы и содержания. Патриархальный же, т. е. отцовский род уже не создает присущей лишь ему системы производственных отношений. Однако развитие патриархального рода отражает процесс зарождения производственных отношений нового типа, возникавших на новом уровне развития производительных сил. Они еще переплетались с обломками прежних производственных отношений, но уже реально существовали и определяли появление иного способа производства.

Этот последний этап развития первобытного общества, на котором патриархально-родовые отношения еще имели значение живого фактора

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 36.

¹⁹ Это явление, названное «территориальным родством», прослеживалось, в частности, у бурят. См.: Б. Э. Петри, Территориальное родство у северных бурят, Иркутск, 1924.

общественной жизни, но не образовали каких-либо особых, специфических производственных отношений, и составляла эпоха военной демократии.

В обществе, где социальной ячейкой являлись уже патриархальный род и патриархальное племя, возникло и развивалось одно из неразрешимых противоречий — противоречие между общественной формой бытия богатств (скота, рабов, драгоценностей) и индивидуальной формой их присвоения и владения ими. Для эпохи военной демократии это противоречие, как нам представляется, было весьма существенным и все возрастающим.

Эта эпоха «патриархальности» характеризуется постепенно углубляющейся противоположностью социальных сил, переходящей в дальнейшем в новое и уже решающее противоречие общественного развития: классовую борьбу.

В целом эпоха военной демократии — это эпоха напряженной борьбы обреченного на гибель первобытнообщинного строя с новым типом общественных отношений, основанных, в противоположность предыдущим, на имущественном и социальном неравенстве.

Эта мысль очень четко выражена С. П. Толстовым в его этюде о военной демократии: «Сама эпоха военной демократии лежит историческим рубежом, периодом революционной перестройки общества между первобытным коммунизмом и первой антагонистической формацией общества. И, если с точки зрения истории доклассового общества мы все же говорить о военной демократии, как о последней стадии родового строя, то с точки зрения общества классового — перед нами первая и последняя стадия рабовладельческой формации»²⁰.

Патриархально-родовая организация, являясь промежуточным звеном в общественном развитии кочевых племен, принимала у этих племен форму пастбищно-кочевых общин разной величины²¹, в которых еще сохраняли свое значение отношения родства. Но постепенно, хотя и очень медленно, в кочевых общинах формировались и территориальные связи. Они выступали в качестве существенного, но далеко не всегда решающего фактора. Более важное значение в развитии этих общин приобретали частнособственнические отношения.

Такие общины объединялись в более крупные союзы, совпадавшие по форме с родами и племенами и постепенно перераставшие в более сложные объединения. Они основывались уже не столько на кровных связях в их патрилинейном облике, сколько на общности политических интересах, естественно вытекавших из экономических условий.

Пастбищно-кочевые общины, являвшиеся мелкими родовыми подразделениями, могли состоять из групп больших патриархальных или родовых семей. Стадиально они соответствовали сельским общинам у земледельческих племен. Описанная недавно Л. П. Потаниной ааловая община у тувинцев²² сходна с исследованными нами у кочевников полукочевых в прошлом народов Средней Азии и Казахстана семейно-родственными группами²³, которые, как и тувинский аал, можно рассматривать как небольшие общины. Правда, в хозяйственном смысле эти группы скорее были небольшими кочевыми объединениями (адами), входившими в состав пастбищно-кочевой общины. Однако, по

²⁰ С. П. Толстов, Военная демократия и проблема «генетической революции», стр. 207.

²¹ Опыт анализа такой общины позднего типа (в котором, однако, встречается много спорных положений) см. в кн.: В. Ф. Шахматов, Казахская пастбищно-кочевая община, Алма-Ата, 1964.

²² Л. П. Потанина, Указ. раб., стр. 105—146.

²³ С. М. Абрамзон, К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVIII, М., 1958.

ей внутренней структуре они, конечно, однотипны с тувинской аальной общиной.

Представляет интерес относящаяся к кануну Октябрьской революции характеристика киргизского кочевого аила (аула) и кочевой общины, которая содержится в материалах переписи 1917 г. Там сообщается, что одиночный киргизский аил представлял собой чисто хозяйственную единицу. Входившие в его состав кибитковладельцы были связаны между собой происхождением от одного родоначальника, совместно кочевали на пастбищах и имели обособленные от других аилов пашни и покосы. В среднем в один хозяйственный аил входило от 10—12 до 50—60 хозяйств. Группа соседних аилов, связанных друг с другом родством и совместно пользующихся весенними, летними и осенними пастбищами, составляла киргизскую общину. Главные признаки общины определены следующим образом: 1) происхождение от одного родоначальника; 2) общий кочевой путь на джайлау (летние пастбища) и обратно; 3) общее пользование и фактическое владение важнейшими угодьями и в особенности пастбищами; 4) смежность или близкое соседство зимовок (зимних стойбищ). В высокогорных районах Южной Ферганы и в Алайской долине общины большей частью совпадали с хозяйственными аилами. В остальных местностях общины обыкновенно состояли из 2—4 аилов, но встречались и такие, которые включали в себя от 5 до 7 аилов²⁴.

Следует подчеркнуть, что пастбищно-кочевая община, нередко полностью совпадавшая с такой структурной единицей, как семейно-родственная группа, или включавшая в себя несколько этих групп, была не только формой семейной организации, но и простейшим производственным объединением, ближе всего подходившим под понятие «хозяйственная единица общества». Такая община была формой организации кочевого скотоводческого хозяйства, самостоятельно вести которое отдельной, индивидуальной семье среднего скотовода было тяжело.

Патриархальный же «род» кочевников постепенно приобрел многие черты политической организации.

* * *

В условиях разложения первобытнообщинного строя (в период военной демократии), а тем более в классовом обществе, племя представляло собою новую социальную организацию, имевшую некоторые черты чисто внешнего сходства с племенем доклассового общества. Наиболее важной особенностью этого племени позднего типа является существование внутри него сложившихся социальных противоречий, связанных с появлением и укреплением частной собственности. Особенно важно подчеркнуть, что из фактора, разложившего и «взорвавшего» первобытное племя, частная собственность (вначале на скот, а в дальнейшем и на пастбища, пахотные земли и т. д.) постепенно превратилась в фактор развития и укрепления племени нового типа. Эта диалектически противоречивая роль частной собственности объясняет нам живучесть племенных отношений и их способность к непрерывному «воспроизводству» в кочевых обществах.

Рассматривая в этом свете родо-племенную организацию кочевников в тех ее формах, в которых она дошла до нас²⁵, мы должны отметить,

²⁴ «Материалы всероссийских переписей», вып. IV, «Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 года», Ташкент, 1924, стр. 14, 19, 20.

²⁵ Судьба родо-племенной организации в условиях классового общества исследована в книге: А. И. Першиц, Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. (Историко-этнографические очерки), ТИЭ, т. LXIX, М., 1961, стр. 67—97, 153—168; В. Тардов, Основные черты производственных отношений у племен Персии, сб. «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., 1933, № 3 (9), стр. 138—141, 155—161; см. также: С. М. Абрамзон, Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии, сб. «Родовое общество», ТИЭ, т. XIV, М., 1951.

что тщательное изучение фактов не позволяет говорить о ней как самостоятельном социальном организме. Родовой или племенной организации в точном значении этого слова фактически уже не было, вместе с тем была организация военная (особенно рельефно выступавшая в период военной демократии и на некоторых этапах писаной истории либо организация административно-территориальная и социально-политическая (в государствах раннефеодального и феодального типа). Это конечно, не исключает того, что в какой-то мере племенная верхушка выступала и в качестве организатора хозяйственной и социальной жизни внутри племени. Характерно, что все эти формы организации общества дополнялись определенной идеологической надстройкой в виде системы генеалогических преданий и схем, выраставших в своеобразную племенную «историческую науку».

Однако ряд черт, обычаев, обрядов, воззрений, характерных для доклассового рода, продолжал в видоизмененном, деформированном, модернизированном виде прочно сохраняться в мельчайших клеточках этих «племенных» обществ — семейно-родственных группах (ближайшие по характеру к «патронимиям», описанным М. О. Косвенем на материалах Кавказа, древних германцев и др.²⁶).

В связи с этим следует сказать, что процесс развития отцовского рода (от наиболее ранних этапов и через все классовое общество) можно представить себе как непрерывное количественное уменьшение реальной «родовой» структуры, сокращение круга лиц, объединяемых фактическими кровнородственными связями и определенными видами экономических отношений. Это был одновременно процесс возникновения развития и постепенного распада патриархальной семьи, возникновения и обособления моногамной семьи.

Как же конкретно происходило развитие племенной организации? Уже в период военной демократии параллельно действовали две противоположные тенденции: центробежная и центростремительная. Преобладание той или иной из этих тенденций определялось сочетанием конкретных исторических условий. С одной стороны, действовала тенденция сохранения племенной обособленности, обеспечивавшей за каждым племенем целостность его территории, неприкосновенность принадлежащего ему богатств, независимость его членов, право на самостоятельное управление общественными и религиозными обычаями, в целом — его «суверенитет». Вместе с тем возникала и усиливалась противоположная тенденция — тенденция объединения племен в крупные союзы и конфедерации. Она была вызвана усложнением общественных отношений, связанным с ростом частной собственности и имущественного неравенства, все более усиливающимся стремлением к захвату чужих богатств и чужих территорий. Эта тенденция особенно усиливалась при соприкосновении кочевых племен с такими крупными очагами цивилизации, как Китай, Хорезм, Иран, Индия и др., когда давление рабовладельческих и феодальных государств толкало эти племена на путь объединения своих усилий, прежде всего военных.

Конечно, племя не было качественно стабильной категорией на протяжении развития классовых отношений в кочевых обществах, оно претерпевало определенные изменения. Насколько об этом можно судить по чрезвычайно скудным данным (мы имеем в виду кочевые общества на Востоке), развитие племени прошло через несколько этапов, определявшихся степенью экономического развития общества, формами сосуществования родо-племенных (патриархальных) отношений с классовыми.

²⁶ М. О. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа, «Сов. этнография», 1946, № 1; его же, Патронимия у древних германцев, «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1949, т. VI, вып. 4; его же, Семейная община и патронимия, М., 1963.

Последовательную смену различных типов родо-племенных отношений в условиях классового общества (прежде всего для кочевых племен) мы можем представить себе схематически следующим образом:

1. Эпоха разложения первобытнообщинного строя. В эту эпоху племенная организация стала формой и содержанием ранних ступеней военной демократии. Тогда же завершился процесс формирования племени нового типа. Оно сменило классическое племя первобытности в качественно измененном виде, мы сказали бы в виде «патриархального» племени. Уже в этот период само племя приобрело черты военной организации. Внутри племени начала все более усиливаться роль знати из числа военных вождей и богатых соплеменников.

2. Эпоха вызревания рабовладельческих и раннефеодальных отношений. Эта эпоха возникновения постепенно углубляющихся классовых противоречий, появления и обострения классовых конфликтов была непосредственным продолжением предыдущей. Переход к ней сопровождался резкими качественными скачками и сдвигами в развитии общества. Иногда военная демократия перерастала в общества с рабовладельческими отношениями. В эту же эпоху поздних военных демократий складываются и раннефеодальные государства.

Племя в эту пору стало формой классовой организации общества и представляло собой уже вполне сложившуюся военно-административную организацию. Оно подвергалось новым пресбразованиям, поскольку углубление классовых противоречий привело к возникновению различных форм зависимости от племенной верхушки как отдельных соплеменников и групп иноплеменных рабов, так и целых чужих племен. В эту эпоху получили развитие союзы и конфедерации племен.

3. Эпоха укрепления и развития феодальных отношений. Она нашла свое отражение в глубоких и разносторонних классовых конфликтах, непримиримость которых привела к возникновению крупных кочевых и полукочевых феодальных «империй» типа монгольской, тимуридской и др. Эта эпоха была ознаменована оформлением и укреплением патриархально-феодальных отношений, особенно характерных для кочевых обществ.

В последнее время некоторые авторы берут под сомнение само понятие «патриархально-феодальные отношения», применяемое в нашей науке для длительного этапа общественного развития в условиях преимущественно раннефеодальных отношений. Так, Л. П. Лашук предложил отказаться от определения «патриархально-феодальный» и заменить его термином «прафеодальный» или просто «феодальный», в зависимости от степени развития феодальных отношений²⁷. Аргументация Л. П. Лашука представляется нам малоубедительной.

В самом деле, могут ли служить основанием для отказа от утвердившегося в советской исторической науке определения специфической формы феодальных отношений только расхождения отдельных авторов в толковании этого определения? Как бы ни различались взгляды авторов, участвовавших в дискуссии, проводившейся в 1954—1955 гг. на страницах журнала «Вопросы истории», никто из них не подвергал сомнению особый характер общественных отношений, обусловленных тесным переплетением остатков патриархально-родовых традиций и обычаев с феодальными институтами на их более ранней стадии. Предложение Л. П. Лашука начисто снимает специфику феодальных отношений не только у кочевников, но и у многих групп оседлого земледельческого населения. Так, Н. А. Кисляков убедительно доказал, что патриархально-феодальные отношения были характерны и для оседлого населения

²⁷ Л. П. Лашук, О характере классового образования в обществах ранних кочевников, стр. 106.

бывшего Бухарского ханства²⁸. Нивелируя понятие «феодальные отношения» для всей эпохи существования этих отношений, Л. П. Лашук как бы отмечает весь тот обширный историко-этнографический материал, который был добыт советскими этнографами в результате кропотливого изучения общественной структуры у народов СССР. Как известно, термин «патриархально-феодальные отношения» был впервые введен науку в резолюции X съезда РКП(б), проходившего при участии В. И. Ленина. Именно применение этого очень точного и емкого понятия позволило советским историкам и этнографам раскрыть своеобразные общественные отношения у многих народов нашей страны.

Другой исследователь, Г. Е. Марков (см. названную выше его работу «Кочевники Азии») не просто отвергает понятие «патриархально-феодальные отношения» применительно к кочевым обществам, но и предпринимает попытку обосновать существование нового способа производства, названного им «кочевническим». При этом Г. Е. Марков ссылается на отдельные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, которые якобы в совокупности дают представление об этом особом способе производства. Создается впечатление, что советским этнографам и историкам как будто бы остались неизвестными взгляды основоположников марксизма о «кочевническом способе производства». Но этому трудно поверить. Дело заключается в том, что Г. Е. Марков по-своему истолковал некоторые известные положения об особенностях хозяйства кочевников, содержащиеся в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Но такое толкование вызывает много недоуменных вопросов. Как соотносить «кочевнический способ производства» с первобытнообщинной формацией, с феодальным способом производства и феодальной формацией, с капиталистическим способом производства? Сопутствует ли «кочевнический способ производства» уже известным в марксистской социологии способам производства или заменяет какой-либо из них? При таком толковании любой способ специфичной хозяйственной деятельности можно назвать «способом производства». Но ведь «способ производства» — одна из категорий исторического материализма, и в нее вкладывается точное содержание. Субъективные толкования таких категорий не приводят к положительным результатам. Следует отметить, что Л. П. Лашук подверг вполне обоснованной критике предлагаемый Г. Е. Марковым новый способ производства²⁹.

В эпоху развития патриархально-феодальных отношений племя выступало часто уже не только как военная организация, но и как форма развития классовых отношений. Его основу составляли производственные отношения, базирующиеся на эксплуатации непосредственных производителей, патриархальной по своей форме, полуфеодальной и феодальной по существу. В этот период племя становилось в ряде случаев вполне оформленной частью государственной организации, превращаясь в административно-политическую (территориальную) единицу.

Под влиянием роста территориальных связей, классовых antagonизмов и классовой борьбы племя иногда разрушалось вовсе или сохраняло только внешние черты, свою форму и в этом виде успешно служило интересам господствовавших классов.

Мы видим, таким образом, что племенной строй имел свою собственную историю, будучи органически связан с развитием кочевых обществ в целом. Различные этапы развития племенного строя хорошо прослеживаются в рамках даже одной народности. Так, несомненно, два (если не больше) этапа развития племени представляли собою племенные от-

²⁸ Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., ТИЭ, т. LXXIV, Л., 1962.

²⁹ Л. П. Лашук, О характере классовобразования в обществах ранних кочевников, стр. 106—108.

ношения, характерные для восточной и западной групп афганских племен³⁰.

Мы видим также, что «патриархальное» племя (как и поздний отцовский род) есть специфическая форма общественной организации, в которой уже не может быть и речи о «чистых» первобытнообщинных отношениях и которая в своем развитии идет по пути все большего углубления социального неравенства.

Обнаруживая в каком-либо обществе комплекс явлений, которые мы можем характеризовать как элементы племенного строя, патриархально-родового уклада, мы не должны противопоставлять этот комплекс классовым отношениям в данном обществе или рассматривать его в искусственной изоляции от всей социально-экономической структуры данного общества.

По своей сущности некоторые из патриархально-родовых пережитков представляют собою лишь пережившие тысячелетия рудименты ранней стадии тех же патриархальных и классовых отношений.

В этой связи я хотел бы попутно коснуться той дискуссии, которая развернулась на страницах нашего журнала по вопросу о соотношении рода, общины и семьи. Мне представляется по меньшей мере странным, что, говоря о роде, родовом обществе вообще и даже ссылаясь при этом на авторитет классиков марксизма, некоторые исследователи не уточняют, о каком роде — материнском или отцовском, о какой стадии развития того или другого рода идет речь. В этом смысле наибольшую ясность, пожалуй, вносит статья С. Я. Козлова³¹. Вызывают также недоумение попытки изобразить отцовский род как социальную организацию, в которой основной формой семьи была, по-видимому, парная семья. Это противоречит не только логике развития форм семьи в зависимости от изменений общественной структуры, но и фактическому содержанию отношений в родовой патриархальной общине. Касаясь поздней формы рода — отцовского рода — мы вправе говорить о том, что он состоял из большесемейных общин или семейно-родственных групп, вовсе не пытаясь при этом пересматривать понимание сущности классического рода. Но из этого вовсе не следует вывод о необходимости выделения «третьего типа социальной организации», как это делает М. В. Крюков в своей статье «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации» («Сов. этнография», 1967, № 4). Нет достаточных оснований резко различать и противопоставлять род и «патронимическую организацию». В последней следует видеть завершающий этап развития рода, одну из форм его разложения.

В этом вопросе я не могу согласиться с А. И. Робакидзе, который поддерживает М. В. Крюкова, отрицающего возможность понимания патронимии в качестве подразделения рода или сужения последнего и утверждающего наличие принципиальной разницы между патронимией и родом³². Возможно, что кавказский этнографический материал дает основания А. И. Робакидзе поддерживать М. В. Крюкова. Однако весь конкретный материал, относящийся к поздним кочевникам, свидетельствует о том, что семейно-родственные группы (которые мы считаем более точным отражением сути «патронимии», с учетом корректив, внесенных Ю. И. Семеновым³³) были одновременно и живыми разветвлениями

³⁰ И. М. Рейснер, Афганистан, М., 1929; его же, Роль афганцев в Индии в XVIII веке, «Уч. зап. Тихоокеанского ин-та», 1949, т. II.

³¹ С. Я. Козлов, К характеристике некоторых социальных структур (Заметки в связи с дискуссией), «Сов. этнография», 1970, № 5.

³² А. И. Робакидзе, Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (В связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи), «Сов. этнография», 1968, № 5, стр. 103.

³³ Ю. И. Семенов, О некоторых теоретических проблемах истории первобытности, «Сов. этнография», 1968, № 4, стр. 80—83.

рода или его подразделениями, и продуктом разложения большесемейных общин. Отсюда и обманчивое представление о «сосуществовании» родовой и «патронимической» организации. Род становится со времени преимущественно генеалогической, экзогамной единицей, а реальной в том числе и хозяйственной, — родовая община (под оболочкой которой складываются территориальные, соседские связи), большесемейная община и, наконец, семейно-родственная группа, которая тоже обладает многими чертами общины. Таким образом, семейно-родственная группа (или, условно, «патронимия») — это тоже форма и родовой, и общинной организации, она возникает и развивается в рамках рода, и основной «патронимической организации», которой неоправданно придано такое самостоятельное значение, является все-таки род, хотя бы и в ее поздней форме. Выделять «патронимическую организацию» как особую «третий тип социальной организации», нет достаточных оснований. В пользу такого выделения М. В. Крюков не привел убедительных аргументов. Следует напомнить, что многие явления, о которых идет речь, имеют глубоко пережиточный характер, и обобщения, основанные на таком материале, требуют известной осторожности.

В условиях классового общества племя — это прежде всего социально-политическое образование, имеющее лишь некоторые внешние черты сходства с тем племенем, которое было основой общества при первобытнообщинном строе. Обычно это — объединение, «ядром» которого является известный круг людей, действительно происходящих от одного предка. Именно эта группа («род») является, как правило, господствующей в данном племени, и к ней чаще всего принадлежит вождь племени и вся остальная племенная верхушка. Многие остальные «роды» (иногда даже их большинство) не были связаны генетически с главным «родом», а включались в состав племени добровольно или насильственно, в разное время и по разным поводам. Факторами, вызвавшими к жизни то или иное племенное объединение, были главным образом факторы политические, связанные с необходимостью защиты от других племен (или захвата их территории и богатства), а также с интересами правящей племенной верхушки. В общем же племя в той форме, в которой мы его застаем в кочевых обществах Средней, Передней и Центральной Азии, есть прямой продукт развития того нового типа племени, которое сложилось как основной компонент строя военной демократии.

Для процесса образования и утверждения племени эпохи разложения первобытнообщинного строя и затем эпохи классового общества характерен ряд явлений, неизвестных классическому племени первобытного общества:

1) принцип политической организации племенной жизни (племя как военная организация; племя как административно-территориальная организация; и в том и в другом своем качестве племя выступало как один из важнейших устоев военной демократии и возникавших на ее основе раннеклассовых государств);

2) частная собственность и классовая борьба (эти факторы в своей зародышевой форме привели к разрушению первобытнообщинного строя; в своем дальнейшем развитии они выступали в диалектически новой функции — скрепляющего начала племенной организации, так как господствующий класс утверждал племя как источник и форму своего классового существования);

3) формирование более широких этнических общностей (происходило включение в состав племени разнородных этнических элементов, шел процесс бурных этнических скрещений; появились новые этнические образования, давшие начало древним и современным народам).

В связи со всем этим при анализе исторических или современных племен необходимо учитывать следующее: а) племя являлось категорией, находившейся в движении и развитии; б) определение его типа должно

связываться с конкретной социально-экономической историей того или иного кочевого общества; в) сущность племени может быть понята лишь в том случае, если мы будем исходить из классового строения данного общества и условий классовой борьбы в нем.

SOME PROBLEMS OF SOCIAL STRUCTURE OF NOMADIC SOCIETIES

Problems pertaining to the period of military democracy in the history of nomadic societies are examined in the article. In the author's opinion military democracy was accompanied by a flourishing patrilineal (patriarchal) gens which had been formed in its main features in the preceding period. The mature patriarchal gens was an absolutely new phenomenon compared to the archaic gens. It was not merely a naturally evolved community knit together by patrilineal blood kinship but had been gradually transformed into a union of property owners; property interests had begun to play a predominant role. This was primarily due to the rise of patriarchal family communities which occurred simultaneously with the development of the late patriarchal gens. Among nomadic peoples the patriarchal gens in its mature form before its final desintegration was just such a union of extended family communities which gradually became more and more detached.

These in the course of their development broke up into family kinship groups similar to «patronymic» organizations. The patriarchal gens organization was an intermediate link in the social evolution of nomadic tribes; among them it took the shape of pastoral-nomadic communities. In the period of military democracy, and still more in class society, the tribe presented a new social organization characterized mainly by certain outward features of resemblance to the tribe of pre-class society. It was either a military or a territorial-administrative and social-political organization (in states of the early feudal and the feudal type); it had become a form of development of class relations.

Г. Е. Марков

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
КОЧЕВНИКОВ АЗИИ**

Проблемы места кочевничества в истории человечества, путей его становления и развития были впервые исследованы с материалистических позиций в трудах классиков марксизма. Ф. Энгельс придавал большое значение возникновению подвижного скотоводства, рассматривая этот процесс как важный исторический этап: «Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров — это было первое крупное общественное разделение труда»¹. Возникновение пастушеских племен сопровождалось значительными изменениями в социально-экономическом строе и оказало существенное влияние на соседние народы. Как указывал Энгельс, «на средней ступени варварства.. мы находим также разделение труда между пастушескими народами и отставшими племенами, следовательно, две рядом стоящие различные ступени производства, значит, условия для регулярного обмена»². Очевидно, уже в ходе первого крупного общественного разделения труда происходило сложение частной собственности на одно из главных средств производства — скот. Энгельс писал по этому поводу: «И несомненно... что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей...»³. Глубокие изменения, происходившие в социально-экономических отношениях племен, переходивших к пастушескому, имели следствием интенсивное разложение первобытнообщинных родовых отношений и складывание новых форм общественной организации. Как отмечал Энгельс, «чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользования чужой рабочей силой...»⁴.

На рубеже II и I тысячелетий до н. э. часть пастушеских племен горных и степных областей Азии стала переходить к кочевому скотоводству и начало складываться кочевничество, основанное на специфическом способе добывания жизненных благ, при котором были необходимы неограниченные пастбищные просторы⁵. Сложение кочевничества привело к окончательному разложению первобытнообщинных отношений, чему способствовали тесные и разносторонние связи с населением оседло-земледельческих областей. Вместе с тем вследствие специфики экстенсивного

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 160.

² Там же, стр. 165.

³ Там же, стр. 58.

⁴ Там же, стр. 26.

⁵ К. Маркс, Введение (из экономических рукописей 1857—1958 гг.), К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 724.

скотоводческого хозяйства кочевничество имело на всем протяжении своей истории довольно примитивную производственную базу. Приемы ведения хозяйства, орудия производства, качественный состав стад, материальная культура и т. п. отличались застойностью и совершенствовались медленно. Разделение труда не получило в среде кочевников большого развития. Не выделилось в самостоятельную отрасль ремесло. Большая часть кочевников не создавала городов. Резкие изменения наступали лишь тогда, когда кочевники насильственно переводились на оседлость или оказывались втянутыми в социально-экономические отношения развитых оседло-земледельческих народов, особенно в эпоху капитализма. Но это приводило к разложению кочевничества, так как массы непосредственных производителей, лишившихся скота, не могли найти применения своему труду и переходили от кочевничества к иным занятиям. Как отмечал Маркс, в «...животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота...»⁶.

Развивая труды классиков марксизма, советские ученые установили, что возникновение кочевого скотоводства привело к окончательному разложению первобытнообщинных отношений в среде кочевничества и складыванию общественной структуры, основанной на имущественном и социальном неравенстве⁷. Пути возникновения этого неравенства четко определил еще Энгельс: «Появлявшаяся частная собственность на стада и предметы роскоши вела к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в товары»⁸, «...скот сделался товаром... приобрел функцию денег и служил деньгами уже на этой ступени»⁹.

Сходясь в оценке кочевничества как не первобытного, не родового, а социально и имущественно дифференцированного общества, исследователи расходятся в определении сущности этого строя. В нашей литературе широко распространено мнение о феодальном характере социально-экономических отношений у кочевников, но понимается это разными авторами по-разному. Одни находят уже у древних кочевников развитый феодализм, другие считают, что существовал специфический «кочевой феодализм», третьи утверждают, что феодальные отношения сочетались у кочевников с сильными патриархальными пережитками, и характеризуют их общественный строй как «патриархально-феодальный»¹⁰. При этом отдельные исследователи весьма по-разному толкуют основу феодализма у кочевников. Одни полагают, что основу этого строя составляет феодальная собственность на скот¹¹, другие считают, что базой является собственность на землю¹². Каждая из сторон убедительно критикует основные положения другой стороны, что в конечном счете ставит под сомнение позитивные выводы обеих сторон. Серьезной критике была подвергнута и гипотеза патриархально-феодальных отношений¹³. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «...главной формой собственности в феодальную

⁶ К. Маркс, Капитал, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. 2, стр. 327.

⁷ См., например: Л. П. Потапов, Из истории кочевничества, «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 4.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 113.

⁹ Там же, стр. 160.

¹⁰ См., например: Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, «Вопросы истории», 1954, № 6.

¹¹ С. Е. Толыбеков, О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов, «Вопросы истории», 1955, № 1; его же, Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв., Алма-Ата, 1959; В. Ф. Шахматов, К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане, «Вестник АН КазССР», 1951, № 7.

¹² З. А. Еренов, К вопросам права феодальной собственности в дореволюционном Казахстане, «Вестник АН КазССР», 1953, № 5; Л. П. Потапов, Указ. раб.

¹³ Л. П. Лашук, О характере классовобразования в обществах ранних кочевников, «Вопросы истории», 1967, № 7.

эпоху были, с одной стороны, земельная собственность, вместе с привнесенным к ней трудом крепостных, а с другой — собственный труд в условиях наличия мелкого капитала, господствующего над трудом подмастерья. Как говорилось выше, Энгельс указывал, что частная собственность на скот сложилась в ходе возникновения пастушества. Маркс считал, что скот у кочевников следует рассматривать как капитал¹⁵. По поводу собственности на землю у кочевников Маркс писал, что пастбища «... на каждом месте стоянки временно используются сообща», и при этом «присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля...»¹⁶. Или: «при овцеводстве и вообще животноводстве, когда они являются самостоятельными отраслями производства, земля эксплуатируется более или менее сообща, причем эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер»¹⁷.

Следует подчеркнуть, что вся совокупность фактов, накопленных на протяжении всей истории в отношении кочевничества, полностью подтверждает выводы классиков марксизма о характере собственности на основные средства производства у кочевых скотоводов и не дает оснований подвергать их пересмотру. Нельзя не отметить также, что, неоднократно останавливаясь на проблемах кочевничества, классики марксизма ни разу не называли его подпадающее у кочевников социальные отношения феодальными, что особенно наглядно видно из слов Маркса об институте тарханов у монголов: «... этот вид *феодалных прав* возникает у всех полукцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни»¹⁸. Таким образом, даже у монголов эпохи Чингисхана Маркс находит только отдельные элементы феодальных отношений, причем связывает их происхождение не с производственными отношениями, а с условиями военной жизни.

Анализ фактического материала показывает, что у кочевников отсутствовала сословная монополия собственности на землю, о чем свидетельствуют памятники обычного права и этнографические данные; существовала, за очень редкими исключениями, внеэкономическая эксплуатация труда крепостных¹⁹. Вся военная сила кочевников представляла собой вооруженное ополчение народа, что затрудняло и исключало возможность внеэкономической эксплуатации. Неубедительным выглядит стремление некоторых авторов обосновать наличие у кочевников феодальной земельной собственности существовавшим якобы правом предводителей безоговорочно распоряжаться перекочевками и распределением пастбищ. Как показывают факты, функции предводителей были организаторскими и вожди, не располагавшие вооруженной силой, отделенной от народа, не могли обычно навязать соплеменникам свою волю²⁰. Попутно можно заметить, что с таким же основанием «феодалные» права можно найти у предводителей групп охотников в первобытном обществе. Не могут рассматриваться как феодальная собственность и участки пастбищ, захватываемые предводителями и богатыми скотоводами в личное пользование для нужд своих хозяйств. J

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, Соч., т. 3, стр. 23.

¹⁵ К. Маркс, *Капитал*, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 24, стр. 181.

¹⁶ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 24.

¹⁷ К. Маркс, *Капитал*, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. 2, стр. 224.

¹⁸ К. Маркс, *Хронологические выписки*, «Архив Маркса и Энгельса», т. 5, стр. 224.

¹⁹ По маньчжурскому законодательству предводители монголов, в зависимости от служебного положения, получали для личных услуг по несколько семей крепостных. На массу непосредственных производителей это законодательное установление не распространялось.

²⁰ Предводители узурпировали право распоряжения пастбищами обычно только в тех случаях, когда они являлись чиновниками государства, подчинившего себе кочевников. Но эта узурпация не была юридически оформленным правом, а являлась произволом и имела место главным образом в новое время, когда кочевничество уже разлагалось.

бой разбогатевший скотовод мог присвоить посредством капитала (скота) необходимые участки пастбищ. Это противоречит нашим представлениям о путях сложения частной монопольной сословной собственности в условиях феодализма. У кочевников эксплуатация носила свободный экономический характер в виде найма или прикрывалась племенными традициями.

Вместе с тем нельзя не отметить, что общественные отношения у кочевников на разных этапах их истории отличались значительной сложностью, многоукладностью, что было следствием тесных и разносторонних связей с оседлыми народами. Эти связи могли в определенных случаях способствовать значительному развитию феодального уклада в среде кочевничества. Особенно заметно проявлялся этот процесс, когда кочевников подчиняли себе земледельческие государства или когда кочевники покоряли оседло-земледельческие области. Однако не следует и преувеличивать степень феодализации, основываясь лишь на некоторых внешних признаках, свойственных, кстати, не только обществам, стоявшим на уровне феодального развития, но и всем народам, у которых имущественная и социальная дифференциация развивалась в рамках военной организации и постоянной военной жизни.

В связи со сказанным самого серьезного внимания заслуживает критика Марксом взглядов о наличии феодальных отношений у народов Центральной и Южной Америки: «Испанцы (писатели) оставили нам по вопросу о землевладении у южных племен неимоверную путаницу. В неотчуждаемой общей земле, принадлежавшей общине, они видели феодальное владение, в вожде — феодального сеньера, в людях — его вассалов...»²¹.

Чрезвычайно важная характеристика общественных отношений у кочевых или в недавнее время кочевых народов Средней Азии и Южной Сибири содержится в партийных документах X съезда РКП(б). В резолюции съезда по национальному вопросу говорится: «...остается около 25 миллионов, по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ), или не вполне еще ушедших дальше полупатриархального-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития»²². Из содержания резолюции видно, что наличие патриархально-феодальных отношений констатировалось лишь у некоторых земледельческих народов, скотоводы же не относились к этой стадии общественного развития.

В научном наследии классиков марксизма содержатся ценные указания, открывающие пути для выяснения общественных отношений и общественной организации у кочевников. Речь идет о «военной демократии». Это была эпоха, когда родовые отношения разлагались или уже разложились, когда существовали отношения имущественной и социальной дифференциации и происходило сложение классов. Подобные общественные отношения Энгельс находил у греков в героическую эпоху и у римлян в период «...так называемых царей...»²³. Как писал Маркс, «греческие тирании были деспотиями, основанными на узурпации, представлявшими зародыши, из которого развились позднейшие монархии;

²¹ К. Маркс, Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество», «Архив Маркса и Энгельса», т. 9, стр. 49.

²² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7, 1964, стр. 559.

²³ Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 127.

так называемые *монархии гомеровского* периода были не чем иным, как *военными демократиями*»²⁴. Общества, определяемые классиками марксизма как «военные демократии», во многом сходны с обществами кочевников. Весьма интересными представляются в свете рассматриваемой проблемы мысли А. И. Неусыхина об общественном строе германцев и сложения у них феодальных отношений: «...это тот политический строй племени, который Ф. Энгельс обозначил термином «военная демократия»²⁵. «Дофеодальный период» А. И. Неусыхин рассматривает как понятие не хронологическое, а стадияльное, и не выделяет его в самостоятельную общественную формацию²⁶. Представляется, что по наиболее существенным признакам общественные отношения у кочевников сходны со структурой общества в «дофеодальный период». Но по мере окончательного оседания германцев и складывания у них феодальных отношений это сходство начинало постепенно исчезать. Связано это в известной мере с тем, что имущественное и социальное расслоение не достигло внутри кочевничества уровня развитых классовых отношений, так как большая часть непосредственных производителей-скотоводов, лишённых средств производства, вынуждена была искать занятия вне скотоводства. Когда в среде кочевничества начинались процессы формирования классовых отношений — в феодальной или капиталистической форме, кочевничество разлагалось, и скотоводы превращались в оседлое население.

Политическая организация кочевников возникла в ходе выделения скотоводческих народов из среды прочих варваров, в ходе разложения в них первобытнородовых отношений и отвечала специфике кочевого скотоводческого хозяйства. При этом общественная организация кочевников не была ни повторением, ни прямым продолжением организационной структуры обществ, стоящих на первобытнообщинном уровне развития. Как отмечал Маркс, определенной форме материального производства соответствует определенная структура общества²⁷. В. И. Ленин показывал, что общественная организация, характер общественных связей принципиально различны на разных этапах социально-экономического развития общества. Ссылаясь на Маркса, Ленин отмечал, что «...глубокий анализ показывает, что социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как организмы животных и растений»²⁸. Ленин высмеивал догадку о том, «...что сначала была семья, эта ячейка всякого общества, тем — дескать — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство»²⁹.

При анализе социальной организации и ее признаков на разных этапах развития Ленин придавал особое значение общественным связям, лежащим в ее основе. Он устанавливает, что при родовом строе господствовали родовые, при феодальном — территориальные, при капиталистическом — национальные связи³⁰.

Социальная организация любого общества имеет в своей основе различные явления и связи. Однако часть их второстепенна и определяет характера общественной структуры, и только строго определенные явления и связи составляют ее сущность.

В обществах кочевников существовали кровные, семейно-родственные, хозяйственные, племенные-генеалогические, военные, политические, культурные, языковые и другие связи. Значение этих связей для общества

²⁴ К. Маркс, Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество», стр. 89.

²⁵ А. И. Неусыхин, Дофеодальный период как переходная стадия развития родо-племенного строя к раннефеодальному, «Вопросы истории», 1967, № 1, стр.

²⁶ Там же, стр. 86.

²⁷ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 26, ч. 1, стр. 279.

²⁸ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Соч., т. 1, стр. 150.

²⁹ Там же, стр. 137.

³⁰ Там же, стр. 137, 138.

ной организации кочевников неравноценно, и задача исследователя состоит в выявлении среди них тех, которые лежат в основе общественной структуры³¹.

Данные, которыми располагает наука относительно общественной организации древних кочевников Азии, очень ограничены. Как свидетельствуют восточные хроники «Шицзы» и «Цяньханьшу», в ходе войн и междоусобиц, у хунну сложилась своеобразная военно-племенная организация: 24 племени возглавлял верховный вождь — *шаньюй*, который управлял с помощью ближайших родственников и старейшин. Каждому из них подчинялись тысячники, сотники, десятники. Кочевали хунну племенными подразделениями, состоявшими из семей, владельцев скота³². Можно полагать, что особенности исторического развития хунну привели к сложению у них военной структуры на основе общинно-племенной организации. Известно, что многие народы, осколки хуннского племенного объединения, еще долгие века сохраняли племенную структуру.

Некоторые данные об общественной организации древних тюрков можно почерпнуть в письменных источниках³³. Существуют предположения, что основной ячейкой их общества была патриархальная семья, включавшая иногда дочерей с их мужьями. Собственность на скот была семейной. Семьи группировались в небольшие племенные подразделения (*огу*), а те, в свою очередь, в отдели или племена (*будун*). Совокупность племенных групп составляла «*эль*» (союз племен или народ)³⁴. Существовала прослойка предводителей, однако установить их функции довольно трудно³⁵. Можно полагать, что в основе военной структуры древних тюрков лежала племенная организация. Общество их не было полностью централизованным, стабильным, что видно из некоторых текстов, где предводители призывают народ к единству³⁶.

Больше данных имеется об общественной организации скотоводов эпохи развитого кочевничества.

Немного известно об общественной организации монголов в столетия, предшествовавшие возникновению империи Чингисхана. И то, что известно, не всегда достоверно. Следует отметить, что об этой организации сообщают сравнительно поздние источники, чьи свидетельства могли отражать политические тенденции и литературную традицию эпохи империи. К тому же хронисты происходили из земледельческих оазисов и могли освещать положение кочевников с позиций привычных им в оазисах социально-экономических отношений.

Источники сообщают, что еще в XII в. монголы подразделялись на лесных и степных³⁷ в зависимости от их хозяйственной специализации. Кочевые племена — керейты, меркиты, джалаиры и др., — занимали определенные пастбищные области: «Их обиталища (*йурт*) и становища (*ма-*

³¹ В связи с ограниченностью размера статьи ниже будут рассмотрены только некоторые, наиболее изученные кочевые народы из разных областей Азии.

³² Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 48, 49.

³³ См. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951; его же, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952; И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя енисейка, Фрунзе, 1962; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, М., 1964.

³⁴ Относительно общественной организации тюрков, проблемы эля, существует большая литература (см., например: «Древние памятники в Коше-Цайдаме», «Сб. трудов Орхонской экспедиции», IV, СПб, 1897; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 503; С. Г. Кляшторный, Указ. раб. стр. 23, сноска 34; Л. П. Лашук, Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников, «Сов. этнография», 1967, № 4, и др.). Однако ограниченность фактических данных, что отмечается всеми указанными авторами, позволяет определять сущность этих явлений только предположительно.

³⁵ И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Указ. раб., стр. 98, 99.

³⁶ Перевод текста см.: С. Г. Кляшторный, Указ. раб., стр. 62.

³⁷ «Сокровенное сказание», I, М.—Л., 1941, стр. 205; Б. Я. Владимирцев, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 33, 34.

кам) были в определенных местах»³⁸. Вместе с тем имеются известные частые изменения в расселении тех или иных племен, в первую очередь вследствие войн³⁹. До XIII в. монгольские племена и их подразделения (*обок*), кочевые группы (*курень*) были до известной степени независимыми и часто между ними происходили междоусобицы. Курени состояли нередко из целых племенных подразделений⁴⁰. Их предводители вели войны с соседями, заключали союзы с другими кочевыми группами племенами⁴¹. Состав племенных подразделений не был строго постоянным. Отдельные семьи и группы кочевников могли выходить из их состава и присоединяться к другим, что находило отражение в объединенных генеалогических схем. Происходила своего рода «генеалогическая ассимиляция» слабых групп.

Сложение империи, дальние завоевательные походы внесли большие изменения в условия жизни монголов. Вся Монголия превратилась в военный лагерь. Одни группы монголов оказались в покоренных оазисах, другие — в степях Восточной Европы. Часть осталась в Монголии. Объединение Чингисханом монгольских племен и осуществление грандиозных завоевательных походов требовали создания централизованной военной административной системы. Племена и их подразделения, в одних случаях целиком, в других — частями были включены в военную организацию, построенную по десятичному признаку. Каждая кочевая группа должна была выставить ополчение из десяти, ста или тысячи воинов в зависимости от ее численности. Родственные и дружеские племена составляли обычно целиком *тысячу* или *тьму*. Завоеванные распределялись по различным войсковым частям⁴². Сохраняя в одних случаях старые племена в целости, разбрасывая другие по воинским соединениям, Чингисхан лишь несколько изменил прежнее распределение куреней и айлов по племенам, но не коснулся самого принципа племенной организации. Племенные связи сохранялись. Это видно из того, что после распада империи большинство покоренных монголами кочевников, а также части самих монголов оказалась вновь организованной по племенному признаку.

Общественная организация монголов в эпоху, следовавшую после первых преемников Чингисхана (когда началось разложение империи и вплоть до XVIII в., почти не освещена источниками⁴³. В процессе разложения империи стала рушиться военная структура, и уже после XIII исчезли объединения, выставляющие тысячу воинов⁴⁴. По словам Б. Я. Владимирцева, монголы после смерти Чингисхана либо растворились среди народов завоеванных культурных стран, «... или опять впали в то состояние, в котором они пребывали до рождения их гениального вождя», так как «...цивилизацию нельзя совместить с кочевым бытом». С XV в. основной ячейкой общественной организации скотоводов стали группы айлов (*оток*). Их ополчение составляло соединение (*хошуу*). Несколько отоков составляли *аймак*. И те и другие были объединениями связанными в первую очередь хозяйственными интересами⁴⁵. Отоки и аймаки объединялись в племенные группы (*улус, тюмен*)⁴⁷. Но, судя по частым междоусобицам, эта система была далека от централизации.

В XVII в. Монголию захватил Китай. Маньчжурская династия ввела там новую административную систему, превратила предводителей

³⁸ Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. 1, кн. 1, М.—Л., 1952, стр.

³⁹ Там же, стр. 78, 92 и сл.

⁴⁰ См. сопоставление племени и куреня в «Сокровенном сказании», стр. 129.

⁴¹ См., например, там же, стр. 133.

⁴² Там же, стр. 186, 218.

⁴³ Б. Я. Владимирцев, Общественный строй монголов, стр. 123.

⁴⁴ Там же, стр. 131.

⁴⁵ Б. Я. Владимирцев, Чингисхан, Берлин — Петербург — Москва, 1913, стр. 160.

⁴⁶ Б. Я. Владимирцев, Общественный строй монголов, стр. 136, 140.

⁴⁷ Там же, стр. 132, 133.

иков в своих чиновников, жестоко эксплуатировала население. Это оказало значительное влияние на общественные отношения и естественную организацию. С конца XVII и начала XVIII в. в Монголии начинает распространяться земледелие, возникают постоянные поселения вокруг монастырей и ставок предводителей⁴⁸. Военно-административная территориальная система делала ненужными высшие ступени племенной организации, и генеалогические связи стали вытесняться административно-территориальными. В связи с этим у монголов под властью Китая исчезали высшие ступени племенной организации и продолжали функционировать лишь ее низшие звенья, основанные на хозяйственных связях. Однако у монголов, не попавших под иго Китая, особенно в западных, племенная структура и генеалогические связи сохранялись до недавнего времени. Это показывает, что изменения в общественной организации монголов под властью Китая были в значительной мере результатом навязанной извне политической системы. До революции в областях Монголии, временно захваченных Китаем, сохранялась военно-административная система. Основной хозяйственной ячейкой остался аил. Обычно айлы не кочевали по одиночке, а объединялись в улусные группы (*улус*)⁴⁹, которые авторы XX в. называли *хотон*⁵⁰. Улус мог быть по составу как родственным, так и неродственным. Вплоть до революции улусы объединялись в военном отношении в военно-административные группы (*сомон*), а те, в свою очередь, в хошуны. Нескольким хошунам (иногда один) образовывали аймак⁵¹. Хошунами управляли лица китайского правительства наследственные монгольские князья, имени которых назывались подчиненные им объединения⁵². Хотя хошуны были военно-административными единицами, их организация сохранила в известной степени племенной облик. Так, хошун Тюмен-Баира подразделялся на шесть «костей»: цирос — белая, княжеская, из нее исходили все дербетские и баитские князья; булгудур, хасчут, цамхад, акгут, тонгоруд⁵³. И еще в начале XX в. среди монголов сохранялись некоторые воспоминания о былой племенной организации и племенной иерархии⁵⁴.

Интересны для рассматриваемой проблемы данные о туркменах, как об известиях средневековых авторов об их общественной организации. Они могут быть сопоставлены с позднейшими этнографическими наблюдениями⁵⁵. Следует отметить, что действительное состояние общественной организации туркмен уже издавна не соответствовало стройной схеме, сообщаемой

⁴⁸ Б. Я. Владимирцев, Общественный строй монголов, стр. 189, 191.

⁴⁹ М. В. Певцов, Путешествия по Китаю и Монголии в 1847 и 1859 гг., «Записки Географического общества», т. 22, 1.

⁵⁰ Н. Б. Балодон, К вопросу о хотонах, «Современная Монголия», 1938, № 2, стр. 77, 78, 80.

⁵¹ М. В. Певцов, Указ. раб., стр. 109, 110.

⁵² Н. Пржевальский, Монголия и страна тангутов, т. I, СПб., 1875, стр. 59.

⁵³ Л. Бурдуков, Очерк Баитского хошуна князя Тюмы Баир-Гуна, Томск, 1915, стр. 7.

⁵⁴ Г. Д. Санджеев, Дархаты, Л., 1930, стр. 35.

⁵⁵ Легенды о происхождении туркмен, перечень их племен, носивших имена внуков легендарного прародителя Огуз-хана, племенные знаки-тамги сообщаются в трудах автора XI в. Махмуда Кашгарского («Диван лугат ат-турк», «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1938), в летописи XIV в. Рашид ад-Дина, в сочинениях хивинского историка хана Абу-л-Гази (А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского, М.—Л., 1958). См. также: Я. Р. Виноградов, Родо-племенной и этнический состав населения Чарджоуской обл. ТССР и его расселение, «Труды Ин-та истории, археологии, этнографии АН Туркм. ССР», т. XI, Ашхабад, 1962; К. Овезбердыев, Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пензинского оазиса, там же; Г. Е. Марков, Очерк истории формирования северных туркмен, М., 1966; W. Köpfig, Die Achal-Teke, Berlin, 1962; А. Джекеев, Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, Ашхабад, 1961; его же, К истории расселения туркмен-салыров в XVI—начале XX в., «Исследования по этнографии туркмен», Ашхабад, 1965.

щаемой письменными источниками⁵⁶. К началу XX в. среди них насчитывалось около 19 более или менее значительных племен, не считая кочевых, из них только четыре были весьма крупными (теке, юмуты, сары-эрсари). В течение всего позднего средневековья туркмены были территориально, политически и хозяйственно разобщены, и почти ни один из их крупных племен не представляло собой компактного целого. Племенная структура туркмен была довольно аморфной, номенклатура и терминология племен и их подразделений — неопределенной. Даже в начале XIX века члены каждого племени считали туркменами только себя, называя прочих по их племенной принадлежности. Существовало много терминов для обозначения племени (*халк*, *тайпа* и др.). Племена, во всяком случае большие, имели крупные подразделения, называемые в литературе «отделами». Им соответствовали туркменские термины *тайпа*, *у* и др. В отличие от племенных отделов были относительно более едиными в XVIII — XIX вв. приобретали иногда вид территориальных объединений. Отделы, в свою очередь, подразделялись на более мелкие группы, называемые чаще всего «тире». Крупные тире делились на более мелкие тире, состоявшие в конечном счете из родственных групп (*лакам*, *латопарлар* и др.), объединявших хозяйственно самостоятельные большие и малые семьи⁵⁷. Вся эта структура в целом выглядела как разветвленное генеалогическое дерево. Состав племенных подразделений постоянно изменялся и развивался. По мере сегментации семейных групп тире возникали новые тире. К ним примыкали чужеродные группы, водившие свое происхождение к их генеалогии.

Параллельно с племенной существовала организация скотоводческих кочевых поселений-общинам (*оба*). Они могли состоять из групп родственных семей, из членов одного тире, связанных более или менее близким генеалогическим родством⁵⁸. У туркмен существовали также хозяйственные объединения в рамках *оба* и *тире*. Эти объединения давались для удобства выпаса скота, так как целесообразнее всего пастись стада из 400—800 голов мелкого скота. Такое стадо не слишком было поедало траву на пастбище, поэтому не было нужды в непрерывном выпасе. Обслуживал его один пастух с подпаском. Размеры тире групп зависели от зажиточности входивших в них хозяйств.

Рассматривая общественную организацию туркмен в ее историческом развитии, можно заметить, что она существенно различается в эпохи войн и переселений и в относительно мирные времена. В первом случае происходила военная и политическая консолидация племен или их крупных отделов, и племенная структура обеспечивала функционирование военной организации. Племенное ополчение формировалось из конных и пеших воинов отдельных тире, и военная структура отражала генеалогически-племенную организацию. Ополчение каждого небольшого племенного подразделения возглавлялось выборным предводителем. Во время войн они объединялись общим племенным, также выборным командованием. Такова была, например, военная организация текинцев во время завоевания ими Южной Туркмении и перед приходом туда царских войск.

⁵⁶ Такое положение существовало уже в XVII в. (А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 76). Возможно, что традиционная генеалогическая схема туркменских племен и общин вообще никогда полностью не соответствовала реальной структуре общественной организации, отражая исторические предания и мифы.

⁵⁷ Г. П. Васильева, Итоги работ туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г., «Труды Хорезмской экспедиции», I, 1952; Г. Е. Марков, Очерк истории формирования северных туркмен; W. König, Указ. раб.

⁵⁸ Г. Е. Марков, Очерк истории формирования северных туркмен; его же; Скотоводческое хозяйство и общественная организация северобалханских туркмен в конце XIX и начале XX в., «Вестник МГУ», 1958, № 4; Ю. Э. Брегель, Хивинские туркмены в XIX в., М., 1961; W. König, Указ. раб.

⁵⁹ Н. И. Гродеков, Война в Туркмении в 1880—1881 г., тт. 1—4, СПб., 1881; П. П. Лессар, Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах, СПб., 1882.

енные, политические и хозяйственные вопросы решались на советах *юнеш, маслахат* и др.)⁶⁰.

В пору относительно мирного существования усиливалась самостоятельность небольших племенных групп, объединяемых в первую очередь хозяйственными и территориальными связями. В периоды длительного мира постепенно теряли значение как реально функционирующие элементы большие тире, не говоря уже об отделах племен. Так было, например, северобалханских туркмен, у туркмен правого берега Амударьи и др.⁶¹ Наиболее существенными ячейками общественной организации становились оба и хозяйственные объединения (*кошоунт, чекене* и пр.), хотя и значение ослаблялось усилением имущественного и социального расслоения, приводившего к обособлению отдельных богатых семей⁶². Но и изменения не уничтожали представлений о генеалогически-племенной структуре, и в случае необходимости она вновь начинала функционировать как военно-политическая организация.

По общественной организации казахов до XVII в. имеется мало источников. Известно лишь, что, как и в позднейшие времена, отдельные захские племена и их подразделения объединялись в орды (*жуз*)⁶³. Недостатком больше сведений можно найти и об общественной организации казахов в XVIII и в начале XIX в. По сообщениям источников того времени, орды-жузы делились на племена, колена, роды, которые состояли из аулов или групп аулов (*аймаки*)⁶⁴. По мнению некоторых исследователей, вся экономическая и социальная жизнь сосредотачивалась в племенных подразделениях, обозначаемых «родом». Его члены считались родственниками и возводили свое происхождение к единому предку, ковали на общих пастбищах, совместно защищали свою жизнь и имущество⁶⁵. Аймаки состояли из близких родственников, совместно выпасавших скот⁶⁶. По традиции управляли жузами и племенами ханы и султаны, «потомки» дома Чингисхана, составлявшие сословие (белая кость), обособленное от прочей массы кочевников (черная кость, букара)⁶⁷. Уже к XVIII в. в связи с глубокими социально-экономическими и политическими изменениями в обществе казахов их общественная организация утеряла характер единой военной организации. Вследствие этого группировки высшего порядка не имели большого практического значения и поддерживались искусственно, как единицы введенного царским правительством административного деления, чуждого интересам кочевников. Иначе обстояло дело с племенными подразделениями низшего порядка, объединяемыми вполне реальными хозяйственными интересами, совместным использованием пастбищ и более или менее близким родством⁶⁸.

Примерно так же выглядела общественная организация казахов согласно источникам первой половины XIX в. При этом кочевые группы становились со временем все более смешанными по составу и родствен-

⁶⁰ Там же; Г. Е. Марков, Очерки истории формирования северных туркмен.

⁶¹ Г. Е. Марков, Очерк истории формирования северных туркмен; его же, Скотоводческое хозяйство и общественная организация.

⁶² Г. Е. Марков, Скотоводческое хозяйство и общественная организация.

⁶³ Первые сообщения о жузах появляются в литературе 1730-х годов (см. В. Востров, М. С. Муканов, Родо-племенной состав и расселение казахов в конце XIX — начале XX в.), Алма-Ата, 1968, стр. 10.

⁶⁴ И. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, СПб., 1799, ч. 1, стр. 124; «Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь», «Вестник Европы», № 14, 17, 18, ч. 87—89, 1816.

⁶⁵ П. П. Румянцев, Киргизский народ в прошлом и настоящем, СПб., 1910, стр. 3, 52.

⁶⁶ И. Георги, Указ. раб., стр. 131 и др.

⁶⁷ Н. П. Рычков, Дневные записки путешественника капитана Н. Рычкова в Киргизско-казацкие степи 1771 г., СПб., 1772, стр. 20; Бланкенгель, Путевые заметки о киргизах, «Вестник РГО», 1858, стр. 92, 93.

⁶⁸ Н. П. Рычков, Указ. раб., стр. 23.

ный принцип их организации нарушался все чаще⁶⁹. Ослабление племенных связей происходило как по отмеченным выше причинам, так и вследствие углубления социально-экономического расслоения общества. Укреплялась байская верхушка, часть беднейших скотоводов оказывалась вынужденной переходить к оседлости⁷⁰.

Многочисленные свидетельства второй половины XIX в. говорят о окончательной утере значения племенной организации высшего порядка. Этому способствовали законодательные акты царского правительства: «Устав о сибирских киргизах 1822 г.» и введенная в конце 1860-х годов новая административная система. Ханы и султаны лишались наследственной власти, и господствующее положение в обществе приобретали богатые скотоводы — байы и тесно с ними связанные чины местной выборной администрации. Устанавливалась территориально-выборная система управления по волостям. Эти акты лишь узаконили давний процесс разложения высших ступеней общественной организации казахов: жузов и племен. Племенные подразделения, называемые в источниках «род», часто еще кочевали совместно, разбиваясь на каждой долговременной стоянке на кочевые группы. Эти группы совместно выпасали скот и имели общие зимники⁷¹. Вместе с тем вследствие обострения имущественной неравенства начали намечаться процессы разложения даже низших элементов племенной структуры. Хозяйства богачей-баев, сопровождаемые семьями наемных пастухов-бедняков, кочевали отдельными аулами. Расслоение средних по зажиточности хозяйств приводило к тому, что только наиболее обеспеченные скотом семьи имели возможность кочевать на дальние расстояния. Менее состоятельные ограничивались кочеванием в окрестностях зимников, где они находили корм для своих малочисленных стад⁷². Значительные социально-экономические сдвиги, происходившие в рассматриваемое время в казахском обществе вследствие колониальной политики царизма, усилившееся оседание на землю приводило к тому, что не только административные единицы — волости, но и аулы становились смешанными по составу⁷³. Родственные аулы оказывались разбросанными по разным волостям, что, впрочем, нисколько не мешало нормальному ведению хозяйства. Только у наиболее подвижных групп, например у адаевцев, племенные подразделения («род») оставались реально действующими объединениями. У остальных они теряли организационное значение, превращаясь в надстроечные институты, связанные главным образом с обычаями и обрядами.

Еще стремительнее эти процессы стали развиваться в конце XIX и начале XX в., когда массовое разорение скотоводов заставило их искать новые занятия, оседать на землю, что, в свою очередь, приводило к вытеснению на первый план уже не общинно-кочевых, а территориальных связей⁷⁴.

У арабов племенная организация сохранилась до настоящего времени не только среди кочевых и полукочевых скотоводов, но и у осевшего на землю населения⁷⁵. Как и у многих других кочевников, племенные

⁶⁹ А. И. Левшин, Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, СПб., 1832, ч. 3, стр. 24.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ И. Ф. Бларамберг, Земли киргиз-кайсаков Оренбургского ведомства, «Военно-статистическое обозрение Российской империи», 1848, т. XIV, ч. 3, стр. 8, 10, 74—81, 92, 93; С. С. Болотов, С Сыр-Дарьи, «Русский вестник», т. 62, кн. 1, М., 1863, стр. 186; А. К. Гейнс, Собрание литературных трудов, т. 1, СПб., 1897, стр. 164, 257 и др.

⁷² См. С. С. Болотов, Указ. раб., стр. 186; А. К. Гейнс, Указ. раб., стр. 64.

⁷³ А. К. Гейнс, Указ. раб., стр. 67, 229 и др.

⁷⁴ А. Н. Букейхан, Казаки Адаевского уезда, сб. «Казаки», вып. 3, Л., 1927; Ф. А. Фиельструп, Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана, сб. «Казаки», вып. 11, Л., 1927; И. С. Руденко, Очерк быта казаков рек Улытау и Сагыз, сб. «Казаки», вып. 3, Л., 1927.

⁷⁵ R. Stein, Die Sammar — Gerba, Berlin, 1967, S. 146.

ная структура арабов, ее номенклатура, терминология не единообразны у разных групп, и практическое значение отдельных ее элементов не равноценно. По сообщению одних авторов, самый крупный элемент общественной организации арабов — племя (*бени*), которое включает в себя несколько более мелких племен или отделов (*кабиле*). Кабиле состоят, в свою очередь, из племенных подразделений (*фенде*), объединяющих несколько более мелких племенных подразделений (*таифе*), которые возводят свое происхождение к более или менее реальному предку. Таифе состоят из мелких кочевых групп (*товайеф*), каждая из которых насчитывает некоторое число больших семей или сегментированных больших семей. Параллельно с такими группами, как кабиле, фенде, существовали небольшие племенные подразделения (*ашире*), объединявшие выходцев из разных племен — чужаков. Подобные объединения считались не вполне полноправными⁷⁶. По другим наблюдениям, племя и его отделы назывались не только *кабиле*, но и *бедиде*. Они подразделялись на группы *ашире*, *хамуле*, состоявшие из семейных групп (*аиле*). Параллельно с аиле существовали родственные группы «хамсе» (пять), в которые входили потомки одного прародителя до пятого колена. В отличие от аиле, которые кочевали одной группой и были реальными хозяйственными единицами, хамсе не объединялись совместным кочеванием и хозяйственными интересами. Члены хамсе были связаны кровной мстостью, родственной взаимопомощью и т. п.⁷⁷ В литературе можно найти описания и других видов племенной номенклатуры арабов⁷⁸. Внимания заслуживают данные о группе Шаммар-Джерба, основанные на новейших полевых материалах. Это объединение называется конфедерацией (*кабиле*) племен (*ашира*). Последние подразделяются на отделы (*фахед*), а отделы — на племенные подразделения (*фирка*), в которые группируются семьи (*аила*)⁷⁹. По мнению многих исследователей, для конфедераций племен и больших племен характерны в первую очередь общее название, полная или относительная самостоятельность, единое, хотя обычно лишь номинальное управление в виде верховного шейха, общая генеалогия рода, как правило фиктивная, так как большая часть арабских племен имела сложный этнический состав⁸⁰. Это было связано, в частности, с обычаями, согласно которым отдельные семьи или целые кочевые группы могли искать себе покровительства другого племени (таниб, касир и др.) и присоединялись к нему как временно, так и постоянно. Причем в последнем случае могла происходить адаптация и объединение генеалогий⁸¹.

Общественную структуру арабов можно подразделить по функциям ее элементов на две части. К первой относятся объединения высшего порядка: конфедерации — кабила и племена — ашира. Они представляют собой политические группировки, объединяемые главным образом военно-административными связями. В обычных условиях они почти не функционировали. Их значение резко возрастало в военное время, при переселениях⁸². Ко второй группе могут быть отнесены семьи, группы семей и племенные подразделения низшего порядка. Основной общественной и экономической ячейкой является малая или большая семья (*аила*), чле-

⁷⁶ J. Burckhardt, Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby, Weimar, 1831, S. 7 (сноска 27).

⁷⁷ E. Bräunlich, Beiträge zur Gesellschaftsordnung der arabischen Beduinenstämme, «Islamika», Bd. 6, 1933/34, S. 78, 80, 81.

⁷⁸ См. например: Aref El-Aref, De Beduinen von Beerseba, Luzern, 1938; P. K. A. Hitti, History of the Arabs, London, 1960; А. П. Першиц, Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой половине XX в., «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 69, 1961.

⁷⁹ L. Stein, Указ. раб., стр. 142.

⁸⁰ E. Bräunlich, Указ. раб., стр. 79, 80; L. Stein, Указ. раб., стр. 142, 144.

⁸¹ E. Bräunlich, Указ. раб., стр. 191, 192, 195—201.

⁸² J. Burckhardt, Указ. раб., сноска к стр. 27; E. Bräunlich, Указ. раб., стр. 78, 79; L. Stein, Указ. раб., стр. 145.

ны которой живут в одной палатке, за исключением случаев полигамии, когда семья может иметь несколько палаток. Всеми делами семьи руководит старейший ее член. Несколько родственных семей объединяются совместно кочующую группу. Скот в ней является частной собственностью каждой отдельной семьи, но выпасается обычно совместно. Несколько кочевых групп, связанных более или менее близким родством, составляли **племенное подразделение (фирка)**, управляемое «**раисами**». Совокупность фирка, составляющая отделы племени, управляется шейхами⁸³.

Различными были связи, лежавшие в основе объединений высшего и низшего порядка. Семьи и небольшие племенные группы объединялись, первую очередь, общими хозяйственными интересами, совместным кочеванием, родством. Уже на уровне племен эти связи были слабее, хотя конечно на счете лежали в основе организации и этих объединений, связанных идеологически обычно фиктивными представлениями о генеалогическом родстве и «общности» происхождения. В эпохи войн и больших переселений, когда появлялась необходимость в сплочении сил кочевых групп, их ополчение объединялось в общее войско племен и конфедераций, и племенная структура обеспечивала функционирование военной организации. С наступлением мира организационные связи внутри конфедераций и племен ослаблялись, хотя полностью своего значения не теряли.

* * *

Анализ рассмотренного выше материала и данные по прочим скотоводческим водам Азии показывают большое сходство в принципах общественной организации различных групп кочевников. При этом оно прослеживается как между соседними, так и отдаленными народами, что позволяет предполагать наличие общих закономерностей в развитии рассматриваемых явлений. Общественная структура кочевничества начала складываться в ходе выделения скотоводства в самостоятельную отрасль хозяйства в эпоху разложения первобытнообщинных отношений. Становление кочевничества сопровождалось большими изменениями в производственной базе. А как известно, подобные процессы влекут за собой значительные изменения и в области общественной организации⁸⁴. Взаимосвязь первобытнообщинной организации племен, ведущих комплексное оседлое и полуседлое хозяйство, формировалась кочевническая организация на основе которой были хозяйственно-самостоятельные семьи, имевшие в частной собственности скот (капитал). Но семьи не могли существовать изолированно, и по хозяйственным, военным и другим соображениям они объединялись в кочевые группы, к чему приводила также сегментация семей, объединение неродственных семей и групп. По тем же соображениям кочевые группы объединялись в более крупные племенные подразделения и племена. Как небольшая группа семей, так и племена рассматривались самими кочевниками как следствие сегментации одной пер-

⁸³ J. Burckhardt, Указ. раб., стр. 93—95; E. Bräunlich, Указ. раб., стр. 85; L. Stein, Указ. раб., стр. 145.

В источниках отмечается при этом, что власть шейхов отделов и племен опиралась на их авторитет, богатство, щедрость, поддержку родственников. Распоряжения шейхов могли соплеменниками и не выполняться, если они не были с ними согласны («К его (шейха.— Г. М.) приказам отнеслись бы с презрением, но его советам следуют, если он слышит опытным в общественных и личных делах человеком». J. L. Burckhardt, Указ. раб., стр. 93) См. также: J. Burckhardt, Указ. раб., стр. 94, 95, 118, 228, 229; J. Wellhausen, Ein Gemeinwesen ohne Obrigkeit, Göttingen, 1900, S. 7; P. W. Harrison, The Arab at home, New York, 1924, p. 128 и сл. Значение шейхов усиливалось при подчинении кочевников владельцами земледельческих государств по мере усиления имущественного неравенства, что отмечалось еще источниками первой половины XIX в. (см. J. Burckhardt, Указ. раб., стр. 197 и др.). В более поздних сообщениях (например, А. Г. Щербатов, С. А. Строганов, Книга об арабской лошади, СПб., 1900, стр. 54 и др.).

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. 1, стр. 279.

воначальной семьи, что давало идеологическое обоснование племенной общности в виде генеалогического родства, единства происхождения.⁸⁵ Племена и их подразделения носили имена своих действительных или вымышленных прародителей. Однако в действительности часто они являлись сложными этническими образованиями, которые складывались исторически, иногда в течение длительного времени. Объединявшиеся разнородные группы искусственно возводили свою генеалогию к единому предку, что служило достаточным основанием для того, чтобы возникло представление о единстве и «родстве». Подобные явления происходили постоянно в истории кочевничества и известны как из сообщений письменных источников, так и из этнографических наблюдений⁸⁶. При этом практически кочевники достаточно ясно представляли себе различия между кровным и генеалогическим родством, что нашло отражение в их терминологии⁸⁷.

Племенная структура и принципы ее организации были наиболее целесообразными и, пожалуй, единственно возможными в условиях подвижной жизни, частых войн, когда одни племена распадались, другие возникали вновь, оформляясь идеологически как формально-генеалогические общности. На уровне низших ступеней общественной организации (скотоводческих групп, небольших племенных подразделений) генеалогически объединялись родственные и неродственные группы, связанные конкретными хозяйственными интересами. Высшие ее ступени (конфедерации, племена и их крупные отделы) были помимо этого общностями военными и политическими, идеологически скрепляемыми генеалогическим родством и довольно распространенной среди кочевников эндогамией. Действительное родство имело практическое значение только в рамках семей. Генеалогическое родство имело значение до тех пор, пока оно служило идеологическим оформлением реальных политических, военных, хозяйственных и прочих связей. Их нарушение и возникновение новых кочевых образований приводило к появлению новых генеалогических структур.

Характер функционирования элементов общественной организации кочевников и соотношение этих элементов заметно различались в различных социально-экономических и политических условиях. В относительно мирное время, особенно когда кочевники оказывались в подчинении у земледельческих государств, их общественная организация отвечала, в первую очередь, интересам скотоводческого хозяйства, и подчинялась порядкам, установленным законодательством. При этом увеличивалась самостоятельность кочевых групп, семей, усиливалось значение территориальных связей. Организационные связи внутри племен и их отделов ослабевали. Ослабевали или даже исчезали племенные институты власти и управления. Текущие вопросы решались наиболее влиятельными членами кочевых групп при участии глав семей.

Отношения между семьями, входившими в совместно кочующие группы, несмотря на наличие истинного или вымышленного родства, выступали в действительности как соседские. Очень точно выразил сущность кочевнической организации Маркс: «У кочевых пастушеских племен община на деле собрана вместе; это общество спутников (*Reisegesellschaft*), караван, жорда, и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни»⁸⁸. Условно такую общественную организацию скотово-

⁸⁵ Ср. «генеалогический род»: С. М. Абрамзон, *Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии, «Родовое общество», «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. XIV, М., 1951.*

⁸⁶ Об этом см., например: Н. А. Аристов, *Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и Кара-киргизов*, СПб., 1895, стр. 87 и др.

⁸⁷ У некоторых туркменских групп дальше «родство» — «даш гарындаш», более близкое — «якын гарындаш». Родство по крови — «ган душер».

⁸⁸ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М., 1940, стр. 24.

дов можно назвать «общинно-кочевой». Значительное воздействие племенную организацию скотоводов оказывали их социально-экономические отношения с соседними государствами, особенно в эпоху развития капитализма. Этот процесс приводил к разложению кочевничества и племенной структуры.

В годы войн и больших переселений общественная организация кочевников приобретала новые черты. На первый план выдвигались военные и политические интересы, а интересы скотоводческого хозяйства уходили временно на второй план. В бурные для кочевой степи времена семьи, скотоводческие группы и объединения начинали выступать в подразделения военной организации, составлявшие определенный контингент ополчения. Возрастало единство племен и кочевого народа в целом. Упорядочивались высшие звенья племенной структуры, превращавшиеся из отвлеченных генеалогических понятий в реальные военные соединения и политические образования. Появлялась более или менее централизованная власть, аппарат управления, элементы которого издавна существовали у оседлых народов. В отдельных случаях племенная номенклатура временно заменялась военной структурой, построенной по десятичному принципу. Значительно усиливалась власть вождей — военных предводителей. Не следует, однако, полагать, что военная, даже десятичная структура противоречила кочевнической племенной организации. Например, десятки тысяч, тысячи и т. д. в монгольском войске соответствовали большей частью прежним большим и малым племенам, сотни — более мелким их подразделениям. Десятичная система усилила смешанность племенного состава, но поскольку родственные связи в организации кочевников играли лишь идеологическую, формальную роль, временная замена его централизованной организацией, при сохранении скотоводческого экономического базиса, ничего в принципе не меняла. Описанное состояние организации скотоводов можно условно назвать «военно-кочевым».

Крайним следствием усиления военной организации было возникновение кочевых империй как законченного выражения идеи военной централизации подвижных скотоводов. Централизация кочевников и обращение военной силы империи на грабеж и завоевание соседних народов происходили в первую очередь в интересах верхушки кочевого общества — военных и племенных предводителей. Из новых условий жизни развивались новые формы субординации и власть предводителей усиливалась. Но после распада империй и децентрализации племен, по мере того, как увеличивалась самостоятельность кочевых групп, власть и влияние военно-племенных предводителей ослабевали. Этому способствовало поголовное вооружение кочевников и другие факторы. Одновременно происходило усиление влияния зажиточной прослойки общества, которая, совместно с племенными старейшинами, образовывала его верхушку. Кочевые империи, временные, эфемерные образования, не имели прочного специфического экономического базиса, и по многим чертам отличались от государств оседло-земледельческих областей.

Государства в оседло-земледельческих областях первоначально возникали как формы общественной организации, складывающиеся на территориальной основе при разложении первобытнообщинных отношений. Эти государства возникали в процессе становления нового способа производства как следствие появления непримиримых классовых противоречий между группами населения, наделенными и лишенными средствами производства⁸⁹.

В ходе дальнейшего исторического развития раннеклассовые государства сменялись рабовладельческими, феодальными и т. д. С гибелью населения государство могло временно исчезнуть, но если природные

⁸⁹ Ср. В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29, стр. 436.

ловия позволяли, новое население опять создавало на этом месте государство. Таким образом, до определенного исторического этапа земледельческое государство представляет собой явление не обратимое. Оно может видоизменяться, но не может исчезнуть, пока живы антагонистические классовые противоречия.

Что касается кочевников, то, как показывают факты, переход их общественной организации из «общинно-кочевого» состояния в «военно-кочевое» и обратно — явления обратимые. После распада кочевых империй в подвластных им земледельческих областях складывались новые государства, тогда как в местах обитания подвижных скотоводов возрождались в том или ином виде общинно-кочевая организация. Это объясняет, почему на месте многих древних кочевых империй впоследствии обнаруживались аморфные племенные образования. Характерно при этом, что племенная и уж во всяком случае общинно-кочевая структура не разлагалась в империях кочевников, а функционировала до тех пор, пока существовало кочевничество.

Рассматриваемые процессы находили отражение и в формировании этнических общностей. Как справедливо отмечалось, своеобразие социально-экономических отношений и общественной структуры кочевников привело к довольно позднему оформлению их в народности⁹⁰.

В заключение следует отметить, что как общинно-кочевое, так и военно-кочевое состояние общественной жизни кочевников соответствует признакам, установленным классиками марксизма для военной демократии. Вместе с тем общественная организация кочевых скотоводов содержит и некоторые специфические признаки, обусловленные особенностями их хозяйственного и общественного развития на разных исторических этапах, развитием и взаимодействием различных укладов, связями с населением оседло-земледельческих областей. Все эти сложные проблемы не могут быть рассмотрены и решены в рамках одной статьи и являются задачей дальнейших исследований.

SOME PROBLEMS OF THE SOCIAL ORGANIZATION OF ASIATIC NOMADS

The evolution of the social organization of nomadic peoples is examined in the article. The conclusion is reached in accordance with source material that the emergence of pastoral economy in the course of the first great division of labour led to the disintegration of the primitive community organization. The development of nomadic society was accompanied by further social-economic changes: cattle became privately owned, differentiation according to property and social status was intensified. At the same time the tribal organization was being formed as the only possible organization under conditions of a nomadic pastoral way of life. In comparatively peaceful times the social organization of nomadic peoples had a «communal-nomadic» aspect, in wartime — a «military-nomadic» one. Extremes of military-nomadic organization were reached by the nomadic empires of the Hunnu, Türks, Mongols, etc.

The development of feudal and capitalist class relations among the nomads led to the disintegration of nomadic cattle herding as an independent branch of economy, to the increase of sedentary agriculture. Simultaneously the nomadic tribal structure was gradually falling apart and being supplanted by a territorial-administrative organization.

⁹⁰ См. Л. П. Лашук, Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов, «Сов. этнография», 1968, № 1, стр. 105.

С. И. Брук

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ ИСТОРИКО - ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС

(ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ
В ХЕЛЬСИНКИ)

В середине 30-х годов XX в. в некоторых странах Центральной Восточной Европы развернулась работа по составлению историко-этнографических атласов, обобщающих накопившийся материал по истории народной культуры¹. В послевоенное время эта работа заметно активизировалась, что связано со стремлением ученых поскорее зафиксировать исчезающие все ускоряющимися темпами элементы народной культуры.

Работа по составлению историко-этнографических атласов с очень большим количеством сюжетов весьма трудоемка и обычно длится многие годы и даже десятилетия. Об этом наглядно свидетельствует примечательный пример тех стран, где этнографическое картографирование достигло наибольших успехов.

В СССР работа по историко-этнографическому картографированию началась в конце 1940-х годов. В отличие от других европейских стран, где имеются специальные учреждения или хотя бы специальные группы в этнографических учреждениях, занимающиеся подготовкой подобных атласов, у нас работа по картографированию организационно не выделена и сосредоточена в самих этнографических институтах и музеях. Создание сводного историко-этнографического атласа для такой огромной и необычайно сложной в национальном отношении страны, как Советский Союз — дело будущего. Поэтому сейчас усилия советских этнографов сконцентрированы на подготовке региональных атласов. Уже вышли в свет два капитальных труда — «Атлас Сибири» (1961 г.) и атлас «Русские» (1967 г.), а также большое число монографий, сборников и отдельных статей, подготовленных в процессе работы над атласами. В настоящее время силами сотрудников Института этнографии АН СССР и этнографических учреждений союзных и автономных республик ведется большая работа по составлению региональных этнографических атласов Прибалтики; Украины, Белоруссии и Молдавии; Кавказа; Средней Азии и Казахстана. В большинстве атласов освещаются три основные темы: 1) сельскохозяйственные орудия, 2) жилища

¹ Первым сводным трудом такого типа, если не считать весьма схематичный атлас народной культуры Германии (G. Gerland, Atlas der Völkerrunde, Gotha, 1892), является атлас К. Мошиньского (K. Moszyński, Atlas kultury ludowej w Polsce, I—II, Kraków, 1934—1936). До войны вышло также шесть выпусков этнографического атласа Германии (H. Harmjan und E. Röhr, Atlas der Deutschen Volkskunde, Lieferung I—6, Leipzig, 1937—1939).

3) одежда. В атласах Кавказа, Средней Азии и Казахстана первая тема разрабатывается в более широком плане — картографируются не только сами орудия, но и сельское хозяйство в целом. В ближайшие годы намечается продолжить работу по картографированию других элементов народной культуры у русских Европейской части СССР и коренных народов Сибири, а также начать глубокое этнокартографическое изучение неславянских народов Поволжья и Севера Европейской части СССР, русских Сибири и Дальнего Востока.

Среди других стран наиболее интересная работа по историко-этнографическому картографированию ведется в Австрии. На первом этапе работы были составлены атласы отдельных австрийских провинций (с 1941 г. по 1958 г. вышло в свет 8 таких атласов), а с 1955 г. началась подготовка к составлению общевстрийского атласа. В специально выбранные села (их более 2000) были разосланы анкеты 6 форм, которые заполняются преимущественно учителями. Сбор материала, картографирование и издательская работа осуществляются параллельно. До настоящего времени вышло в свет 3 выпуска общевстрийского атласа с 54 картами². Каждый выпуск содержит несколько основных карт, необходимых для понимания связей различных явлений народной культуры; за ними следуют карты, посвященные характеристике отдельных элементов культуры. Выпуски не носят тематического характера. В каждом из них имеются карты, посвященные материальной и духовной культуре, общественным и семейным отношениям. Так, например, во втором выпуске помещены карты, посвященные интерьеру жилища, печам, приспособлениям для хранения зерна, способам изготовления алкогольных напитков, крестьянскому наследственному праву. На каждой карте спецнагрузка дается на фоне рельефа и других физико-географических объектов, что в ряде случаев позволяет выявить связь между отдельными элементами культуры и физико-географическими условиями. На полях карты помещаются многоцветные типологические таблицы и текстовый комментарий, что делает возможным непосредственное сравнение основных типов явлений; здесь же расположены и врезки, причем одни из них даны в большем чем основная карта масштабе (для детальной характеристики тех или иных районов), другие — в меньшем (для показа связей австрийской культуры с культурой соседних стран).

Работа над этнографическим атласом Венгрии началась в 1930-х годах под руководством Бела Гунды. До войны венгерским этнографам удалось составить лишь вопросники, по которым должен был производиться сбор материалов. Собрать же материал специалисты-этнографы начали только в 1959 г. в 420 специально выбранных населенных пунктах. Попутно отметим, что на места вопросники почти не рассылаются и корреспондентская сеть используется в небольшой мере. Атлас, охватывающий широкий круг тем (земледелие, скотоводство, типы поселений, жилище, транспортные средства, пища, одежда, социальная организация, нравы и обычаи, народные верования), будет состоять примерно из 500 карт (400 из них уже готовы к печати) в масштабе 1 : 2 000 000. Первая группа карт будет опубликована в 1972 г. До настоящего же времени печатались лишь материалы к атласу — программы, вопросники, методические статьи и т. д.

В Югославии систематическая работа над этнографическим атласом была начата в 1958 г. Сбор материалов для него производится на основе развернутой анкеты, образующей четыре тематических сборника и включающей 157 тем, которые охватывают все области традиционной народной культуры (общее число вопросов в этой анкете превышает 13 тыс.). Исследования ведутся более чем в 3 тыс. населенных пунктов. Метод

² «Österreichischer Volkskundeatlas» (1 Lieferung, Linz, 1959; 2 Lieferung, Wien, 1965; 3 Lieferung, Wien, 1968).

сбора материалов — смешанный: с одной стороны, широко используется корреспондентская сеть, с другой — работает большое число специалистов-этнографов, собирающих и обрабатывающих материал по наиболее сложным темам. Большое внимание уделяется изготовлению рисунков и фото. Работу по сбору материала планируется закончить к концу 1972 г. На 1973—1977 гг. намечается картографическая обработка собранных материалов. В 1963 г. опубликован пробный выпуск атласа из 8 карт: сельскохозяйственным орудиям и сельским праздникам. Сейчас в работе находятся еще несколько карт (ритуальные огни, типы пахотных орудий, материал, используемый для сооружения стен жилого дома, орудия уборки зерновых и кормовых трав, бороны, ульи, рождественское поле и зелень), которые будут публиковаться в особой серии «Материалы этнологического атласа Югославии». Атлас в целом начнет выходить отдельными выпусками лишь после сбора и обработки материалов по всем темам и всем областям, т. е. ориентировочно с 1978 г.

Материал для швейцарского атласа начали собирать еще в 1937 г. Были разработаны анкеты, содержащие 150 вопросов. Для этнографического обследования выбрано около 400 населенных пунктов (один пункт приходится примерно на 100 кв км территории, такая же пропорция соблюдается и в других небольших странах; в более крупных странах один пункт обычно приходится на 200 или 400 кв км). Намечается опубликовать до полутора десятков выпусков, в которые войдет свыше 300 карт. К настоящему времени опубликовано несколько более 200 карт и 1300 страниц комментариев к ним. Всю работу предполагается завершить через 8—10 лет. Содержание швейцарского атласа отличается своеобразием. В нем очень мало карт по материальной культуре, и в то же время много карт, посвященных социальной проблематике и духовной культуре. Например, последний из изданных выпусков атласа посвящен проблемам правовой этнографии, а в следующих будут опубликованы фольклорные материалы (рассказы о сильных мужчинах, исторических личностях, древних народах, великанах и карликах и т. д.) и материалы о времени совершения различных действий и значении некоторых дат: даты ярмарок, время уплаты налогов и аренды, срок освобождения жилья при отказе от договора по съему и аренде, значение исторических памятных дней и т. д.

Научная ценность атласов возрастет во много раз, если они будут содержать сопоставимые материалы и если на основе их можно будет составить карты, показывающие распространенность какого-либо явления на территории нескольких смежных стран. Для этого национальные атласы необходимо составлять по единой программе, которая, однако, должна быть достаточно гибкой, так как структура национальных атласов не может, конечно, не отражать особенностей конкретных стран. В первую очередь ученым разных стран следует согласовать первоочередные объекты картографирования, определить хронологические рубежи атласов и т. д.

Для координации работ по составлению национальных атласов и для руководства подготовкой сводных картографических трудов по всей Европе в 1953 г. в Намюре (Бельгия) была создана Постоянная международная комиссия по этнологическому атласу Европы и сопредельных стран. Активная работа этой комиссии началась, однако, лишь после VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, состоявшегося в Москве в 1964 г. Постоянная комиссия регулярно раз в два года, созывает конференции этнографов из всех стран Европы. Целью этих конференций является обмен опытом этнографического картографирования, согласование программ атласов, сведение воедино материалов по отдельным темам для общеевропейских карт. Комиссии созданы два координационных центра — в Загребе (Югославия) и Бонне (ФРГ), которые разрабатывают вопросники по тем или иным темам этно-

графического картографирования, собирают материалы, составляют инструкции по составлению карт и будут издавать подготовительные материалы к этнологическому атласу Европы.

* * *

10—16 мая 1970 г. в Хельсинки (Финляндия) проходила 3-я Международная конференция по историко-этнографическому атласу Европы и сопредельных стран; первая подобная конференция состоялась 7—10 февраля 1966 г. в Загребе, вторая—12—15 марта 1968 г. в Бонне³. Хельсинкская конференция была подготовлена Постоянной международной комиссией по этнологическому атласу (председатель проф. Б. Братанич, Югославия). Организатор конференции и принимающая сторона—Институт атласа народной культуры, входящий в Финское литературное общество, которое возглавляет известный ученый и общественный деятель Финляндии проф. К. Вилкуна.

Конференция была хорошо подготовлена и прошла на высоком научном уровне. Постоянная комиссия заранее разослала во все страны Европы подробно разработанные вопросники (которые одновременно являются и легендами к картам) для трех первых тем общеевропейского атласа (пахотные орудия; ритуальные огни; материалы, применяемые для сооружения жилых построек, и конструкция стен). По этим темам почти из всех стран Европы были представлены материалы (в первую очередь карты), подвергшиеся на конференции внимательному обсуждению. Очень полезными оказались письменные сообщения-справки о ходе работы над национальными атласами, присланные заблаговременно в оргкомитет из разных европейских стран.

На конференции присутствовали 34 делегата из 20 стран Европы и США, т. е. примерно столько, сколько на предыдущих конференциях⁴. Отсутствовали представители Италии, Франции, Испании, Норвегии, Албании, т. е. стран, где работа по составлению историко-этнографических атласов пока еще не получила большого развития, а также представители Польши (хотя в этой стране работа над атласом продвинулась довольно далеко).

На конференции были заслушаны и обсуждены научные доклады по двум подготовленным темам общеевропейского атласа (о пахотных орудиях — Б. Братанича и о ритуальных огнях — М. Цендера). Все остальное время было использовано для дискуссии по некоторым важным проблемам, требующим быстрого решения.

Больше всего споров вызвал вопрос о периоде, на который должны быть составлены карты. Принятое ранее Постоянной комиссией решение о том, что все элементы народной культуры должны быть показаны по состоянию на конец так называемого доиндустриального периода, представлялось многим участникам конференции неопределенным и распылчатым: в Англии это время относится к XVIII в., в Восточной Европе — к концу XIX в. При подобном подходе не будет также отражено изменение

³ См. С. И. Брук, С. А. Токарев, Проблемы составления европейского историко-этнографического атласа, «Сов. этнография», 1966, № 5; и х же, Международная конференция по этнографическому атласу Европы и сопредельных стран, «Сов. этнография», 1968, № 5.

⁴ Из Австрии прибыли Р. Вольфрам, И. Кречмер, Э. Кленк; Англии — М. А. Сандерсон; Болгарии — Б. Тумангелов, В. Мариноз, Х. Вакарельский; Венгрии — Е. Барабаш; ГДР — П. Вайсель, Р. Пеш; Голландии — П. Меертенс, Й. Воскуил; Греции — Г. Мегас; Дании — О. Хёруп; Люксембурга — Г. Клеес; Португалии — Ж. Диаш, Ф. Гальяно; Румынии — И. Влэдуцу; СССР — С. И. Брук; США — П. Лезер; ФРГ — М. Цендер, Г. Вигельман, Г. Гробер; Финляндии — К. Вилкуна, Т. Вуорела, М. Сармела; Чехословакии — Я. Подолак, С. Ковачевичева; Швейцарии — В. Эшер; Швеции — Х. Хварфнер, А. Ниманс; Шотландия — А. Фентон; Югославии — Б. Братанич, Б. Русич.

элементов культуры во времени (т. е. будет отсутствовать динамика показе явлений). Было решено дополнительно изучить этот вопрос в отдельных случаях составлять карты на ряд периодов (в Советском Союзе одним из важнейших принципов картографирования считается показ явлений в динамике и составление карт на несколько периодов).

Остро дискутировался и вопрос о выборе основной территориальной единицы, на которой будет вестись учет и картографирование явлений. В СССР и в некоторых странах Восточной Европы в качестве такой единицы приняты мелкие административные подразделения, существующие в стране в период, выбранный для картографирования; в этом случае можно весьма продуктивно использовать обширные архивные и литературные материалы. В большинстве же стран Европы для целей этнографического картографирования территория делится на так называемые квадраты; примерно в середине квадрата выбирается населенный пункт наиболее типичный для данной местности; этот пункт изучается экспедиционным путем или с помощью сети корреспондентов. Было признано, что данные административных единиц несложно перенести на «квадраты», если стороны этих «квадратов» образованы меридианами и параллелями⁵ (в зависимости от принятой картографической проекции: «квадраты» на карте могут иметь форму трапеций, криволинейных трапеций, прямоугольников и т. д.).

Большое внимание участники конференции уделили вопросу о разграничении работ по национальным атласам и сводному общеевропейскому атласу. Многие делегаты высказали мнение, что при огромном объеме работ по национальным атласам и наличии ряда стран, где работа только еще начинается, составление общеевропейского атласа — дело весьма отдаленного будущего. После длительного обсуждения вопроса было решено, что в ближайшие годы основной упор следует делать на подготовку национальных атласов; их материалы могут быть использованы для запланированного издания «Подготовительные материалы этнолого-географическому атласу Европы и сопредельных стран»; последние, свою очередь, лягут в основу будущего общеевропейского атласа (подробнее о решениях конференции см. ниже).

Остановимся кратко на представленных нами на конференцию материалах для составления пробных карт.

Еще на конференции в Загребе (1966 г.) было принято решение составить общеевропейскую карту распространения обычая зажигать ритуальный огонь. В Западной Европе этот обычай недавно был широко распространен, и его изучение может дать ключ к решению ряда историко-культурных проблем. В Восточной же Европе аналогичный обычай имел сравнительно ограниченное распространение. Имеющиеся по этому вопросу в научной литературе сведения весьма неопределенны и часто не содержат точных указаний о месте бытования обычая. Вследствие всего этого карту распространения данного обычая в Европейской части СССР составленную на основе скудных литературных материалов и отдельных сообщений, а также непосредственных наблюдений, пришлось заполнить лишь частично, главным образом для западных и юго-западных районов страны⁶. На ней показано распространение следующих наиболее известных обычаев:

1. Зажигание огня на зимние «святки» (между 25 декабря и 6 января) у южных великорусов и украинцев.
2. Сжигание чучела «масленицы» в конце масленичной недели в среднерусской полосе и у некоторых народов Среднего Поволжья.

⁵ Если же квадраты строятся независимо от градусной сетки (как это имеет место в Югославском атласе), то перенести данные карт атласа на карты в других проекциях и других масштабах весьма затруднительно.

⁶ Карта эта подготовлена С. А. Токаревым.

3. Зажигание костров под вечер или в ночь на Ивана Купала (24 июня). Этот обычай был распространен в западных областях Европейской части СССР: Молдавии, Украине, Белоруссии, Прибалтике (русским этот обычай неизвестен).

Отмечены на карте также обычаи, распространение которых территориально ограничено. Так, у молдаван зажигали огонь на Крещение (6 января); у чувашей — в четверг на Страстной неделе; у грузин и южных абхазов — на Успенье (15 августа); у армян до XVIII в. сходный обычай был приурочен к 11 августа; этот день считался у них началом нового года. Армяне зажигали обрядовый огонь на Сретение (2 февраля); азербайджанцы и лезгины — в день весеннего равноденствия, т. е. в день мусульманского нового года (22 марта). Интересно отметить, что именно при составлении сводной карты обычаев зажигать ритуальный огонь отчетливее всего обнаружились недостатки, связанные с отказом от показа явлений в динамике. Поскольку эти обычаи непрерывно меняются, выяснить какие-либо закономерности в их распространении и взаимовлиянии можно лишь в том случае, если мы составим несколько карт на строго установленные даты.

Изучение пахотных орудий находится едва ли не в центре внимания европейских этнографов; относительно хорошо разработана и классификация этих орудий. За несколько месяцев до начала конференции Б. Братанича был разослан проект легенды к карте, в котором нашли отражение свыше 60 типов орудий.

Нами была представлена карта «Виды пахотных орудий Европейской части СССР»⁷, где показано распространение этих орудий на конец XIX в.

При составлении карты пахотных орудий встретились серьезные трудности, связанные с тем, что по некоторым областям недоставало источников. Если изучение пахотных орудий русских, белорусов и прибалтийских народов началось еще в досоветский период, то к исследованию пахотных орудий украинцев и молдаван по существу приступили только в конце 1950-х годов, когда начали готовиться региональные атласы. Что же касается изучения пахотных орудий народов Северного Кавказа, то оно было начато лишь в последние 2—3 года. Специальные исследования, посвященные пахотным орудиям народов Поволжья и Карелии, не проводились вплоть до настоящего времени. Для нанесения на сводную карту ареалов распространения различных типов пахотных орудий у русских была использована серия карт в атласе «Русские». Однако, поскольку в этом атласе дана более обобщенная классификация орудий, чем у Б. Братанича, то появилась необходимость в привлечении ряда дополнительных материалов. Особенно много ценных сведений было почерпнуто из работы Д. К. Зеленина⁸. Для уточнения данных по другим районам использованы статьи или рукописные карты, подготовленные к региональным атласам. По Эстонии эти материалы подготовлены А. Моора и Л. Х. Феоктистовой, по Латвии — И. Лейнаса, Литве — П. Дундуле, Белоруссии — Л. А. Молчановой, Украине — В. Ф. Горленко, Молдавии — Н. А. Демченко. Сведения (весьма отрывочные) о пахотных орудиях народов Поволжья и Карелии взяты из этнографических работ общего характера.

Несмотря на то, что классификация Б. Братанича разработана весьма детально, она могла быть использована для нашей карты частично, так как в основном касается рал и плугов, традиционных пахотных орудий Западной Европы; типология же сох — орудий, наиболее распространенных в России, проведена Б. Братаничем довольно поверхностно.

⁷ Авторы карты: Т. Д. Филимонова (русские, белорусы, молдаване, карелы; народы Поволжья и Приуралья — при участии Ф. Ф. Илимбетова и Т. П. Федянович), Л. Х. Феоктистова (народы Прибалтики), В. Ф. Горленко (украинцы). В редактировании карты принимал участие М. Г. Рабинович.

⁸ Д. К. Зеленин, Русская соха, ее история и виды, Вятка, 1908.

В связи с этим классификация, предложенная югославским ученым, была уточнена и расширена. Так, если в классификации Б. Братанича соха перекладной полицей дается в качестве единого типа, то на карте Европейской части СССР она дана в семи разновидностях. Детализирована классификация и других видов сох. Например, выделено шесть разновидностей двузубой сохи-односторонки, четыре разновидности косули и т. д. Кроме того выделены многозубые сохи без полицы, различные варианты однозубых и многозубых бесподошвенных рал.

При обсуждении на конференции карт пахотных орудий было признано, что классификация Б. Братанича исчерпывающая только по Западной и Центральной Европе и что она должна быть дополнена типами орудий, бытующими в Восточной Европе. Было также отмечено, что карты, на которых показано такое большое количество типов пахотных сельскохозяйственных орудий, чрезвычайно сложны и трудно читаются. По-видимому, распространение типов пахотных орудий следует показать на двух-трех дополняющих друг друга картах.

Нами была представлена также карта материалов, применяемых при сооружении стен жилого дома⁹. Полученный из координационного центра в Бонне вопросник по этой теме предполагает показ на одной карте многих явлений (материал, используемый при возведении стен, конструкция стен, штукатурка, обмазка, побелка стен снаружи, виды фундамента), что вряд ли целесообразно, так как карта оказывается очень перегруженной. Поэтому на ней пришлось не отмечать явлений, которые в начале XX в. встречались редко. При дальнейшей работе представляется целесообразным составить по этой теме три карты: 1) материал, применяемый при сооружении стен жилого дома; 2) обмазка, штукатурка, обшивка стен; 3) фундамент. Учитывая исключительно важное значение, которое имеют для типологии жилого дома форма и материал крыши, придется, вероятно, дать по этой теме и четвертую карту.

При составлении карты авторами были использованы разнообразные источники: литература, архивные документы и особенно полевые этнографические материалы, собранные в 1947—1969 гг. сотрудниками Института этнографии АН СССР и этнографических учреждений союзных республик. Сравнительно хорошо изучено жилище русских, украинцев (за исключением населения западных областей Украины), белорусов, народов Прибалтики и Северного Кавказа (в изданном атласе «Русские» и подготавливаемых региональных атласах имеются многие десятки карт по различным элементам жилища этих народов). В то же время жилище народов Поволжья, западных украинцев и народов Европейского севера СССР исследовано еще недостаточно.

К сожалению, карта материалов, применяемых для сооружения стен жилого дома, не стала предметом обсуждения на конференции. Следует отметить, что исследователи многих стран встретились при составлении этой карты с большими трудностями, так как на нее пришлось нанести большое число самых разнообразных элементов жилища. Необходимо также помнить, что в ряде стран Западной Европы народное жилище изучено пока несравненно слабее, чем, например, земледельческие орудия. Все это привело к тому, что карты по жилищу были представлены на конференцию лишь немногими странами. Недостаточно подготовленным оказался и вопросник по этой теме. В связи с таким положением на конференции было принято решение продолжить исследовательскую работу в данном направлении.

⁹ Авторы карты: Л. Н. Чижикова (русские, калмыки, частично украинцы), Г. Е. Стельмах (украинцы), Э. Р. Соболенко, Д. Г. Супрун (белорусы), М. Я. Саломович (молдаване), Л. Н. Терентьева (латыши, литовцы), Н. В. Шлыгина (эстонцы), Т. В. Лукьянченко (карелы, лопари, ненцы), Ф. Ф. Илимбетов (казанские татары, башкиры, чувашы), Т. П. Федянович (коми), В. П. Кобычев (народы Северного Кавказа). В редактировании карты принимал участие М. Г. Рабинович.

На заключительном заседании конференции была принята резолюция, в которой отмечалось следующее:

1. Конкретная совместная работа, проводимая на основе утвержденных в Загребе (Югославия) в 1966 г. теоретических, методических и организационных принципов, продвинулась весьма далеко и в большинстве стран Европы составлены региональные карты (вместе с подробными комментариями к ним) по первым двум темам (пахотные орудия и ритуальные огни). Необходимо с удовлетворением констатировать, что собран богатый по содержанию, в ряде случаев прежде неизвестный материал. Совместная работа содействовала развитию этнологических исследований в тех странах, где они ранее были слабо развиты. Это убедительным образом подтвердило, что начатая совместная работа в области этнографического картографирования, несмотря на большие различия в современном состоянии традиционной народной культуры в отдельных странах, не только возможна, но и в высшей степени плодотворна.

2. Представленные большинством стран материалы по первым двум темам будут окончательно обработаны в 1970—1971 гг. в координационных центрах в Загребе и Бонне и подготовлены к публикации.

3. Необходимо возможно скорее изготовить определенные картографические основы и рабочие карты для европейского этнологического атласа. Карты должны быть разбиты на «квадраты», стороны которых представляют собой отрезки меридианов и параллелей. Каждый из таких «квадратов», размер которого будет зависеть от детальности исследования, должен быть заполнен соответствующими значками спецнагрузки.

4. Предполагается издавать серию «Подготовительные материалы к этнологическому атласу Европы и сопредельных стран». Заглавия на титульном листе этой серии будут даны на четырех языках, материалы же будут печататься на одном из этих языков. Каждый выпуск должен готовиться под руководством лиц, выделенных для этой цели Постоянной Комиссией по атласам, и издаваться в той стране, где эти лица работают. В каждом выпуске будет рассматриваться конкретная тема (пахотные орудия, молотьба и т. д.) и будут помещены одна или несколько карт по всей территории Европы. Выпуск будет состоять из вводной части, где будет сообщено о состоянии исследования и целях работы, и комментариев, написанных специалистами по каждой стране. Эти комментарии должны содержать сведения об источниках и единице картографирования, а также краткое описание типов, характерных для данного региона; к ним могут быть приложены, в случае необходимости, небольшие карты и фотографии. В заключительном разделе выпуска должна быть дана научная оценка проделанной работы. Работа по каждой из разрабатываемых тем ведется не во всех странах. Поэтому на некоторых картах могут оказаться «белые пятна», которые в отдельных случаях могут быть заполнены с помощью использования литературного материала. Наличие таких «белых пятен» не должно служить препятствием для издания соответствующего выпуска.

5. На предыдущей конференции был разработан рекомендательный список тем для национальных атласов. Он содержит более 50 тем по различным элементам хозяйства и традиционной культуры¹⁰. Многие из этих тем пока еще не разрабатываются или же разрабатываются лишь в немногих странах. Поэтому для намечаемой серии выбрано девять первоочередных тем более или менее обеспеченных материалами. Темы эти следующие (в скобках указаны руководители тем): 1) пахотные орудия (Б. Братанич); 2) ритуальные огни (М. Цендер); 3) орудия уборки урожая (О. Хёруп, К. Вилкуна); 4) молотьба (Р. Пеш); 5) материал,

¹⁰ См. С. И. Брук и С. А. Токарев, Международная конференция по этнографическому атласу Европы и сопредельных стран, «Сов. этнография», 1968, № 5.

применяемый для сооружения стен жилых построек (Е. Бара С. И. Брук); 6) рождественская зелень и рождественское полено (Б. танич, Ж. Диаш); 7) жир, употребляемый в пищу; 8) детские колыб 9) способы переноски грузов людьми (для последних трех тем руководители еще не намечены). По каждой из тем (кроме первых двух, ырые близки к завершению) намечается создать группу из наиболее ыритетных специалистов разных стран, которая будет разрабатывать просники и легенды к картам, заниматься проблемами типологии, срать и обобщать материалы, готовить к печати соответствующие пуски «Подготовительных работ...» и т. д.

6. Следующую конференцию намечено провести в начале июля 19 в г. Лулео (Швеция). Официальное приглашение провести конференцию именно в этом городе прислал директор местного этнографического м доктор Хварфнер.

Все делегаты подчеркивали в своих выступлениях, что значение ференции не ограничивается успешным решением некоторых научных научно-организационных вопросов. Не менее ценен сам факт плодотного научного сотрудничества, так как сейчас лишь в немногих нау областях удастся вести совместную работу в общеевропейском масш

В заключение нам хочется отметить весьма четкую организацию ференции и дружеское отношение со стороны финских ученых и, в вую очередь, К. Вилкуна.¹¹

¹¹ Несмотря на большую насыщенность программы конференции, ее организ все же смогли организовать для делегатов две этнографические экскурсии. Одна чих была посвящена ознакомлению с небольшим городом Порвоо, расположенным 60 км к западу от Хельсинки. В этом городе сохранились необычайно узкие улицы, ыстроенные старинными жилыми домами. В Порвоо мы осмотрели также крупн ый в Финляндии полиграфический комбинат, построенный по последнему слову ыники.

Во время второй экскурсии мы посетили Музей под открытым небом на острон Сеурасаари. Музей этот занимает лесистую территорию вблизи г. Хельсинки площадью около 10 га. Сюда, начиная с 1909 г., свозятся традиционные постройки (жилые и ыжилые), а также различные предметы материальной культуры из всех районов Фин ляндии. Сеурасаари — один из самых обширных и интересных музеев подобного тия во всем мире. В нем сосредоточено более 30 объектов. Это имения и усадьбы зажиточны крестьян, дворы и дома бедных крестьян (из нескольких районов страны), отдель ыстоящие флигели, летние домики, амбары, зернохранилища, конюшни, коровники, ыдяные и ветряные мельницы, кузницы, пилорамы, смолокурные хижины, амбары ымы, лодки, западни и ловушки. Имеется здесь также старинная церковь и сельски магазин. Внутри строений восстановлена вся обстановка, характерная для соц ветствующего времени и определенного района страны. Самые старые строения от ысятся к концу XVII в.

Н. А. Б е л ы к

**АНТРОПОНИМИЯ
И НОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
О БРАКЕ И СЕМЬЕ**

В июне 1968 г. Верховный Совет Союза ССР утвердил Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, которые введены в действие с 1 октября 1968 г.¹

В соответствии с ленинскими принципами, изложенными в первых декретах Советской власти, законодательство о браке и семье призвано активно содействовать окончательному очищению семейных отношений от материальных расчетов, устранению остатков неравного положения женщины в быту и созданию коммунистической семьи.

«Задачами советского законодательства о браке и семье,— говорится в статье 1 Основ,— являются:

дальнейшее укрепление советской семьи, основанной на принципах коммунистической морали;

построение семейных отношений на добровольном брачном союзе женщины и мужчины, на свободных от взаимных расчетов чувствах взаимной любви, дружбы и уважения всех членов семьи;

воспитание детей в органическом сочетании с общественным воспитанием в духе преданности Родине, коммунистического отношения к труду и подготовка детей к активному участию в строительстве коммунистического общества;

всемерная охрана интересов матери и детей и обеспечение счастливого детства каждому ребенку;

окончательное устранение вредных пережитков и обычаев прошлого в семейных отношениях;

воспитание чувства ответственности перед семьей».

Указанный документ определил отношения, регулируемые законодательством о браке и семье.

Законодательство о браке и семье устанавливает порядок и условия вступления в брак, регулирует личные и имущественные отношения между супругами, между родителями и детьми, между другими членами семьи, отношения, возникающие в связи с усыновлением, опекой и попечительством, принятием детей на воспитание, порядок и условия прекращения брака, порядок регистрации актов гражданского состояния.

Законодательство о браке и семье состоит из Основ и издаваемых в соответствии с ними иных законодательных актов Союза ССР, кодексов о браке и семье и иных законодательных актов союзных республик.

Верховные Советы союзных республик приняли кодексы о браке и семье, которые решают вопросы, отнесенные к ведению союзных республик, а также те вопросы брачных и семейных отношений, которые непосредственно Основами не предусмотрены.

Так, Кодекс о браке и семье РСФСР принят Пятой сессией Верховного Совета РСФСР седьмого созыва 30 июля 1969 г. и введен в действие с

¹ Далее этот документ называется «Основы».

1 ноября 1969 г. С 1 января 1970 г. введены в действие кодексы о браке и семье Литовской и Эстонской ССР².

В соответствии со статьей 29 Основ Совет Министров СССР утвердил 2 июня 1969 г. Основные положения, определяющие порядок изменения и восстановления записей актов гражданского состояния, а также формы книг регистрации актов гражданского состояния и формы свидетельств, выдаваемых на основании записей в этих книгах, порядок и сроки хранения актовых книг.

Советом Министров РСФСР и Советами Министров других союзных республик утверждены инструкции о порядке регистрации актов гражданского состояния.

В Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, кодексах союзных республик о браке и семье и многих других нормативных актах регулируется ряд вопросов, тесно связанных с антропонимией. В статье 11 Основ говорится: «При заключении брака супруги по своему желанию избирают фамилию одного из супругов в качестве их общей фамилии, либо каждый из супругов сохраняет свою добрачную фамилию. Законодательством союзных республик может быть предусмотрено право супругов именоваться двойной фамилией».

Вопрос о присвоении супругами двойной фамилии обсуждался многими специалистами. В частности, было заслушано мнение докторов исторических наук И. В. Бестужева-Лада, использовались труды крупного специалиста по советской антропонимии В. А. Никонова. Внимательно рассмотрены письма трудящихся, поступившие в Президиум Верховного Совета Союза ССР и другие органы. В результате большой подготовительной работы и обсуждения законодатель предоставил супругам право при заключении брака избрать общую фамилию или сохранить те фамилии, которые они носили до брака.

В то же время союзным республикам, где по сложившимся национальным традициям существуют двойные фамилии, дано право предусмотреть в кодексах о браке и семье возможность для супругов именоваться двойными фамилиями.

Раньше присвоение двойных фамилий при регистрации брака имело место только в Белорусской ССР. В настоящее время такая возможность предусмотрена Кодексом о семье и браке Украинской ССР. При этом соединение фамилий не допускается, если добрачная фамилия хотя бы одного из супругов является двойной.

В кодексе о браке и семье Российской Федерации, как и в кодексах Прибалтийских союзных республик присвоение двойных фамилий супругам не предусматривается.

Граждане РСФСР или граждане Прибалтийских союзных республик могут присвоить себе двойную фамилию, если их брак будет заключен в той союзной республике, где это право предусмотрено Кодексом.

В статье 14 Основ, регламентирующей вопросы прекращения брака, сказано: «Супруг, изменивший свою фамилию при вступлении в брак на другую, вправе и после расторжения брака именоваться этой фамилией, либо по его требованию ему присваивается добрачная фамилия».

Кодексы о браке и семье других союзных республик в соответствующих статьях повторили эту норму (в Украинской и Эстонской союзных республиках без изменений).

В Кодексе Латвийской ССР к норме, установленной Основами, имеется добавление: «Присвоение супругу добрачной фамилии производится при расторжении брака». В Кодексе РСФСР эта мысль выражена несколько точнее. В статье 41 («Сохранение или изменение фамилии супругом при расторжении брака») записано следующее: «Супруг, изменивший свою фамилию при вступлении в брак на другую, вправе и после

² В настоящее время Кодексы о браке и семье приняты во всех союзных республиках.

расторжения брака именоваться этой фамилией, либо по его требованию расторгающим брак органом ему присваивается добрачная фамилия». Как видим, здесь определен орган, который присваивает разведенным супругам добрачную фамилию.

Согласно статье 32 Кодекса РСФСР, расторжение брака производится в судебном порядке (т. е. судом) или в органах записи актов гражданского состояния. В первом случае присвоение супругу добрачной фамилии производится на основании решения суда о расторжении брака. Загс РСФСР, регистрируя такой развод, не вправе записать супругу добрачную фамилию, если об этом не будет сказано в решении суда. Во втором случае, когда развод оформляется непосредственно в органах записи актов гражданского состояния (расторжение брака по взаимному согласию супругов, не имеющих несовершеннолетних детей, или по заявлению одного из супругов с лицом, признанным безвестно-отсутствующим, недееспособным вследствие душевной болезни либо слабоумия или осужденным к лишению свободы на срок не менее трех лет) присвоение добрачной фамилии производится загсом при регистрации акта о расторжении брака.

Несколько иначе этот вопрос решен в Кодексе Литовской ССР. В статье 39 этого Кодекса записано: «Супруг, изменивший свою фамилию при вступлении в брак на другую, вправе и после расторжения брака именоваться этой фамилией, либо по его требованию ему присваивается добрачная фамилия».

Добрачная фамилия разведенному супругу по его требованию присваивается решением суда о расторжении брака. Если в решении суда вопрос об изменении фамилии супруга не разрешен, то супруг, желающий изменить свою фамилию в соответствии с частью первой настоящей статьи, вправе требовать изменения фамилии в органе записи актов гражданского состояния при регистрации расторжения брака».

Иными словами, если суд в РСФСР не укажет в своем решении о присвоении разведенному супругу добрачной фамилии, то для изменения фамилии потребуется вынести дополнительное решение суда, или изменение должно последовать в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 31 марта 1940 г. «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен». В Литовской же ССР граждане в подобных случаях могут заявить о своем желании принять добрачную фамилию в загсе при регистрации расторжения брака.

Право супруга требовать присвоения ему после расторжения брака добрачной фамилии выражено в Основах в категорической форме. Поэтому в случае отсутствия в Кодексе союзной республики норм, определяющих порядок присвоения добрачной фамилии, заявление может быть сделано как в суде при расторжении брака, так и в загсе при регистрации расторжения брака. Конечно, если суд по просьбе супруга оставит ему фамилию, принятую при вступлении в брак, загс, регистрирующий расторжение брака, не может вопреки решению суда присвоить ему добрачную фамилию.

Очень важно, чтобы суды обязательно знакомили разводящихся супругов с их правом сохранить фамилию, принятую при вступлении в брак, или присвоить добрачную фамилию.

Кроме расторжения брака, в Основах предусмотрена также возможность признания брака недействительным в тех случаях, когда нарушаются установленные законом условия заключения брака или когда брак регистрируется без намерения создать семью (фиктивный брак). Признание брака недействительным производится в судебном порядке. Однако признание брака недействительным не влияет на права детей, родившихся в таком браке.

С точки зрения связи права с антропонимией нас интересует вопрос о фамилии супругов, брак которых признан недействительным, а также

вопрос о фамилии и отчестве детей, родившихся от этого брака. В кодексах союзных республик указывается, что брак признается недействительным со времени его заключения. Это отличает недействительный брак от брака, прекращенного в связи с разводом или по другим основаниям. В случае признания брака недействительным супруги возвращаются к первоначальному состоянию. Это относится и к их фамилиям. Однако в Кодексе РСФСР есть еще положение о том, что супруг, не знавший о наличии препятствий к заключению брака, вправе сохранить фамилию, избранную им при регистрации брака. Такая же норма имеется в кодексах Украинской, Латвийской, Литовской и некоторых других союзных республик. Фамилия и отчество ребенка, рожденного в таком браке, остаются прежними, т. е. теми, которые присвоены ему при регистрации рождения. Однако тот из родителей, с которым остались дети, если он носил или присвоил себе добрачную фамилию, отличную от фамилии детей, может просить органы опеки и попечительства о присвоении детям своей фамилии. Это право установлено статьей 51 Кодекса РСФСР, статьей 62 Кодекса Украинской ССР и соответствующими статьями кодексов других союзных республик.

В III разделе Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье («Семья») сказано, что взаимные права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке.

Происхождение ребенка от родителей, состоящих между собой в браке, удостоверяется записью о браке. Происхождение ребенка от родителей, не состоящих между собой в браке, устанавливается путем подачи совместного заявления отцом и матерью ребенка в государственные органы записи актов гражданского состояния. При отсутствии совместного заявления родителей отцовство может быть установлено в судебном порядке.

Таким образом, в Основах предусмотрены три основания возникновения прав и обязанностей между родителями и детьми (брак; совместное заявление; судебное решение об установлении отцовства).

Отец и мать, состоящие в браке, записываются родителями ребенка в книге записей рождений по заявлению любого из них.

Если родители не состоят в браке между собой, запись о матери ребенка производится по заявлению матери, а запись об отце ребенка — по совместному заявлению отца и матери ребенка; в ряде случаев отец записывается по решению суда.

В тех случаях, когда нет совместного заявления родителей и решения суда об установлении отцовства, в графе об отце ребенка записывается фамилия матери и указанное ею имя и отчество.

В соответствии с изложенными выше нормами в кодексах союзных республик и инструкциях о регистрации актов гражданского состояния установлен порядок присвоения фамилий, имен и отчеств при регистрации рождения детей.

В статье 51 Кодекса о браке и семье РСФСР сказано: «Фамилия ребенка определяется фамилией родителей. При разных фамилиях родителей ребенку присваивается фамилия матери или отца по соглашению родителей, а при отсутствии соглашения по указанию органа опеки и попечительства. Имя ребенку дается по соглашению родителей, отчество присваивается по имени отца, а в случае, предусмотренном статьей 49 настоящего Кодекса, по имени лица, записанного в качестве отца. Прекращение брака между родителями не влечет изменения фамилии детей.

Если родитель, у которого ребенок остался проживать после прекращения брака или признания брака недействительным, желает присвоить ему свою фамилию, орган опеки и попечительства, исходя из интересов ребенка, вправе разрешить изменение фамилии несовершеннолетнего».

В статьях 62 и 63 Кодекса Украинской ССР есть еще и дополнение, смысл которого заключается в том, что при отсутствии соглашения родителей относительно имени ребенка спор решается органами опеки и попечительства.

Хотя в Кодексе РСФСР нет такой записи, это, по моему мнению, не лишает родителей права в случае спора об имени обратиться в органы опеки и попечительства, так как в статье 54 («Равенство прав и обязанностей обоих родителей») записано, что при отсутствии согласия спорный вопрос разрешается органами опеки и попечительства при участии родителей.

Статья 24 Основ регламентирует основные положения усыновления. Правила и порядок усыновления, а также условия, обеспечивающие тайну усыновления, устанавливаются законодательством союзных республик.

В статье 25 Основ указано, что по просьбе усыновителей они могут быть записаны в книге записей рождения в качестве родителей усыновленных.

В соответствии с этим в кодексы о браке и семье союзных республик включены нормы, регламентирующие вопросы, связанные с фамилией, именем и отчеством усыновляемого.

В Кодексе РСФСР указано, что по просьбе усыновителя при вынесении решения об усыновлении ребенку присваивается фамилия усыновителя и отчество по его имени.

Таким образом, фамилия и отчество усыновленного могут быть изменены. Такое же правило существовало в РСФСР и ранее, в период действия Кодекса законов о браке, семье и опеке 1927 г.

Сведения об отце ребенка, усыновленном женщиной (если отец не имеет прав и обязанностей по отношению к ребенку), записываются в том же порядке, как для ребенка, который родился у матери, не состоящей в браке.

Чтобы этот порядок был яснее, приведу пример: Груздева Г. И. удочерила девочку Муравьеву Анну Степановну, родившуюся у одинокой матери. В записи акта о рождении и свидетельстве о рождении по просьбе усыновительницы при вынесении решения об усыновлении фамилия девочки Муравьевой изменена на Груздеву и отчество по ее указанию записано Ивановна. Фамилия, имя и отчество отца — Груздев (записывается фамилия усыновительницы) Иван Григорьевич (записываются по указанию заявительницы).

Статья 105 предусматривает возможность изменения и имени усыновляемого ребенка. Изменение фамилии и отчества, а также имени усыновляемого, достигшего десятилетнего возраста, могут быть произведены только с его согласия, за исключением тех случаев, когда ребенок до подачи заявления об усыновлении проживал в семье усыновителя и считает его своим родителем.

Многие кодексы о браке и семье установили порядок и последствия отмены усыновления и признания усыновления недействительным. Суды при вынесении решения об отмене усыновления должны решать вопрос о том, сохраняются ли за ребенком присвоенные ему в связи с усыновлением имя, отчество и фамилия. При этом учитывается желание ребенка, если он достиг десятилетнего возраста.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1940 г. «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен» установлен порядок изменения фамилий и имен. Допускается изменение фамилий и имен гражданам СССР по достижении ими 18-летнего возраста. Для этого требуется разрешение Советов Министров союзных и автономных республик, крайисполкомов, облисполкомов, Московского и Ленинградского горисполкомов или их отделов ЗАГСА.

В соответствии с действующими правовыми нормами отчество может

быть изменено только в связи с переменой имени отца, усыновлен установлением отцовства.

Для изучения антропоники необходимо знать законодатель, регламентирующее основания и порядок присвоения личных имен, регистрации рождения, изменения фамилий в связи с заключением брака, изменения фамилий, имен и отчеств при усыновлении, а также фамилий и отчеств при установлении отцовства.

Проведенные за последние годы научные конференции по этому вопросу в Москве, Ульяновске и Горьком показали, что многие ученые базировались на материалах органов записи актов гражданского состояния.

Сведения, изложенные в этом сообщении, могут быть полезны работникам органов записи актов гражданского состояния, помогающим выработать культуру этой очень важной государственной работы.

Д. М. Коган

СВЯЗИ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ С СЕЛЬСКОЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ
В Г. КАЛУГЕ)

Исследование связей городского населения с сельским позволяет выявить некоторые особенности культуры и быта жителей города¹.

В настоящем сообщении мы остановимся лишь на связях жителей города Калуги с их родственниками, живущими в сельских местностях. Основой для нашего сообщения послужило выборочное анкетное обследование, охватившее 3401 человека, работающих на 10 различных предприятиях и в учреждениях². Анализ анкетных материалов показал, какая часть различных групп горожан поддерживает отношения с сельскими жителями. Он выявил также обусловленность и конкретные формы этих связей.

Более двух третей наших респондентов не является коренными жителями Калуги³. Значительное большинство из них (67,3%) в прошлом были сельскими жителями.

О времени приезда в город бывших сельских жителей, работающих в настоящее время на разных предприятиях, можно судить по таблице 1.

Из таблицы видно, что большая часть бывших сельских жителей поселилась в городе в послевоенные годы. При этом следует учитывать как естественную убыль населения, так и прекращение трудовой деятельности (в связи с уходом на пенсию) лицами, приехавшими из села с 1917 по 1940 гг.

Значительный приток сельского населения в послевоенные годы был обусловлен быстрым развитием экономики областного центра: в это время строятся новые промышленные предприятия и реконструируются старые, в широких масштабах осуществляется жилищное строительство и коммунальное благоустройство. Растет роль города Калуги и как культурного центра. Его средние специальные и высшие учебные заведения готовят инженеров, техников, учителей, медицинских работников и т. д.

Более одной трети горожан (38,4%), заполнивших анкету, имеют родственников в сельской местности. В этой категории горожан бывшие сельские жители составляют 61%; лица, приехавшие на постоянное жительство в Калугу из других городов — 19,2%, уроженцы Калуги и жи-

¹ Постановка вопроса дана в другой нашей статье. См. Д. М. Коган, «Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города», «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 40—47.

² Подробно об этом см.: Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, «Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города», «Сов. этнография», 1968, № 3, стр. 17, 18.

³ Там же, стр. 19, 20.

Таблиц

Периоды	До револю- ции	С 1917 по 1920 г.	С 1921 по 1929 г.	С 1930 по 1940 г.	С 1941 по 1945 г.	С 1946 по 1955 г.	С 1956 по 1959 г.	С 1960 по 1966
% к общему числу при- бывших из сельской местности	—	0,2	4,7	18,2	8,7	34,8	12,0	21,4

Таблица 1

Группы горожан	Имеют обоих родителей или родительскую семью	Имеют только отца	Имеют только мать	Имеют в сель- ской местности братьев, сестер, проживающих самостоятельно со своими семь- ями	Имеют в сель- ской местности дру- гих родственников боковой линии (д- до, тетю, двою- родных братьев и сес- тер и т. д.)
	в процентах				
Местные, в том чис- ле:	39,6	1,3	6,6	8,9	43,6
а) уроженцы Ка- луги	26,0	1,6	5,8	4,0	62,6
б) загородники	55,9	0,9	7,9	14,7	20,6
Приезжие из села	44,5	1,8	22,8	16,3	14,6
Приезжие из других городов	44,3	2,4	18,4	11,7	23,2
Прочие	42,8	0,6	20,0	22,2	14,4

тели близлежащих сельских поселений, работающие в городе (так на-
зываемые «загородники»), — 17,2% ⁴, прочие — 2,6% ⁵.

В табл. 2 приведены данные о наличии у этих групп горожан в сель-
ской местности родственников разных степеней родства.

Из нее видно, что почти во всех группах значительную часть
составляют лица, имеющие в деревне родителей ⁶ или родительскую
семью ⁷. Особенно велика доля лиц, имеющих родителей или родитель-
скую семью в деревне, среди «загородников» (55,9%).

Таблица 2 показывает, что число горожан, у которых в сельской м-
стности остались только отцы, невелико (по разным группам от 0,6
до 2,4%). Это объясняется тем, что многие потеряли отцов во время Вели-
кой Отечественной войны. Кроме того, одинокие мужчины чаще вступа-
ют во второй брак, чем одинокие женщины. Естественно, что процент
горожан, у которых в сельской местности проживают одинокие ма-
тери, значительно выше процента горожан, имеющих в селе одиноких от-
цов.

Во всех группах сравнительно невысокий процент составляют лица
имеющие в деревне братьев и сестер. Возможно, что это связано с тем,
что младшие братья и сестры горожан, достигнув юношеского возрас-
та, также уезжают в город, чтобы продолжать учебу или работать на
производстве. В этом им содействуют их городские родственники.

⁴ Уроженцы Калуги и жители близлежащих сельских поселений, работающие в
городе, рассматриваются нами как местные. Первые составляют 9,4%, вторые — 7,8%
опрошенного населения.

⁵ К прочим относятся приезжие, демобилизованные из Советской Армии и др.

⁶ В эту категорию мы включаем тестя, тещу, свекра, свекровь.

⁷ В родительскую семью входят родители или один из них и проживающие с ни-
ми братья, сестры, дед, бабушка и т. д.

Таблица 3

Пол	возраст				
	16 — 19 лет	20 — 29 лет	30 — 39 лет	40 — 49 лет	50 и более лет
мужчины	6,2	33,4	37,7	16,5	6,2
женщины	14,2	27,1	30,4	23,5	4,8

Анализ таблицы 2 показывает, что во всех группах есть также лица, имеющие в деревне «других родственников по боковой линии». Особенно велика доля лиц, у которых в сельской местности есть родственники по боковой линии, среди уроженцев Калуги. Это объясняется тем, что родители многих калужан приехали из деревень, где у них остались братья и сестры. Кроме того, жители Калуги, заключая браки с выходцами из села, устанавливают отношения родства с проживающими в сельской местности родственниками мужа или жены.

Лишь 6% наших респондентов, имеющих в сельской местности родственников, не сохраняют с ними связь. Наиболее значительна доля лиц, поддерживающих отношения с селом, среди бывших сельских жителей (47,1%). Среди приехавших на постоянное жительство в Калугу из других городов имеют связи с селом 31%, среди уроженцев Калуги и жителей пригородов — 34,5%.

Из ответивших на наши вопросы горожан-одиночек связи с селом поддерживают 56%. Самую значительную группу среди них составляют лица в возрасте 20—29 лет, а также юноши и девушки в возрасте 16—19 лет.

Среди семейных горожан, не теряющих связи с сельскими родственниками, мужчины составляют 48, а женщины — 52%. В табл. 3 приведены данные о распределении этой категории лиц по половозрастным группам.

Как видно из таблицы 3, среди указанной категории горожан лица в возрасте 20—29 лет и 30—39 лет преобладают. Лиц старше 50 лет сравнительно немного, по-видимому, потому, что эта возрастная группа обычно уже не имеет родителей в связи с естественной убылью.

Мы сгруппировали семьи также по числу членов. Внутри каждой такой группы могут быть семьи, неоднородные по своему составу. Мы фиксируем свое внимание на семьях с наиболее типичным составом.

Семьи из 2-х человек составляют 15,3% по отношению ко всем опрошенным (включая и одиночек). По своему составу это прежде всего супружеские пары (53%). Немногим более одной трети таких семей поддерживает связи с сельскими родственниками, чаще всего с родителями или родительской семьей.

Семьи из 3-х человек составляют 31,4%. Большая их часть (68%) — это супружеские пары с сыном или дочерью. 38% таких семей имеют контакт с селом.

Семей из 4-х человек насчитывается 28,5%. Около двух третей их включают два поколения (т. е. состоят из супругов с детьми). 37,4% таких семей сохраняют отношения с родственниками в деревне. Немногим менее пятой части семей из 4 человек состоят из трех поколений. В этой группе связи с селом (в основном с родственниками по боковой линии) поддерживают 56,4% семей.

Семьи из 5 человек составляют 10,7%. 46,3% таких семей включают 3 поколения. Из них 44,2% поддерживают родственные отношения с сельскими жителями. Семей из 6, 7 и более человек сравнительно немного. Они являются недостаточно представительным материалом для того, чтобы их можно было рассматривать особо.

Как показывают наши полевые материалы, связи с селом чаще поддерживают молодые семьи, состоящие из одной супружеской или из супружеской пары с детьми. Сохранение контактов с селом характерно также для тех семей, в состав которых входят люди старшего поколения.

Интересно рассмотреть вопрос о связях горожан со своими сельскими родственниками в аспекте социально-профессиональных групп. Вновь распределения городского населения по социально-профессиональным

Таблица

Социальные группы	Имеют родственников в сельской местности	Поддерживают связь с селом
Рабочие	40,4	37,6
в том числе:		
квалифицированные	44,3	41,4
средней квалификации	41,0	38,2
неквалифицированные	34,8	30,4
Инженерно-технические работники	35,6	35,4
в том числе:		
специалисты с высшим и со средним образованием	33,1	31,9
практики	39,0	38,7
Работники народного образования и здравоохранения	16,4	15,7
в том числе:		
с высшим образованием	11,6	10,0
со средним специальным образованием	20,3	20,2
Работники труда обслуживания	29,4	28,3
в том числе:		
средней квалификации	29,8	29,0
неквалифицированные	29,2	27,8

ным группам нами взят характер трудовой деятельности. Все горожане разделены на следующие группы: а) рабочие, б) инженерно-технические работники, в) работники народного образования и здравоохранения, г) работники труда обслуживания (канторские работники и др.). В каждой из указанных социальных групп в зависимости от степени квалификации или уровня образования, входящих в их состав работников выделены подгруппы. Из таблицы 4 видно, какой процент лиц в каждой из социальных групп или подгрупп имеет родственников в деревне и поддерживает с ними связи.

Мы видим, что в группе рабочих довольно высокий процент лиц, имеющих родственников в сельской местности. Следует отметить, что среди рабочих высокой и средней квалификации доля таких лиц довольно выше, чем у неквалифицированных рабочих. Это связано с тем, что преобладающая часть рабочих (72,3%) — выходцы из села — овладевают своей профессией в сравнительно раннем возрасте. Этому способствует обучение в профессионально-технических училищах, служба в армии и т. д. Несколько меньше процент лиц, имеющих родственников в деревне, среди неквалифицированных рабочих (34,8%). Это можно объяснить тем, что в этой подгруппе много людей старше 45 лет, которые проживают в городе 25 лет и больше. Значительная часть из них переехала в Калугу со своими родителями. В деревне у них остались родственники, большей частью, по боковой линии.

Среди инженерно-технических работников имеют родственников в сельской местности немногим более одной трети (35,6%). Причем, у работников без высшего и среднего специального образования (практиков) эта доля несколько больше (39,0%). Что касается работников те-

да обслуживания, то из них родственников в деревне имеют не более 30%. Служащие чаще, чем рабочие, помогают своим родным, особенно девушкам, переехать в город и овладеть какой-либо профессией. Отметим, кстати, что 95,5% работников труда обслуживания — женщины.

Еще меньше доля лиц, имеющих родственников в деревне, среди работников народного образования и здравоохранения (16,4%). При этом у лиц с высшим образованием она составляет немногим более одной десятой, а со средним специальным образованием — 20,3%. Это объясняется тем, что 70% этой социально-профессиональной группы составляют либо потомственные горожане, либо уроженцы Калуги, родители которых приехали из сельской местности. Следует также иметь в виду, что большая часть врачей и учителей (выходцев из села) уже достигла старшего возраста (49 и более лет). Естественно, что мало у кого из них остались в деревне родители.

Из сказанного видно, что в разных социально-профессиональных группах горожан удельный вес лиц, имеющих родственников в деревне, заметно различается. Этим в значительной мере обуславливается и доля лиц в каждой из этих групп, поддерживающих связи с селом.

Наши данные говорят о том, что доля лиц, поддерживающих связи с селом более значительна среди рабочих и инженерно-технических работников. По-видимому, это обусловлено тем, что именно в этих группах много выходцев из сельской местности. Несколько меньше по сравнению с первыми двумя группами доля лиц, поддерживающих связи с селом у работников труда обслуживания. Причем члены этой группы поддерживают в основном связи с родителями. Среди работников народного образования и здравоохранения связи с селом сохраняют почти все лица, имеющие там родственников.

На отдельных предприятиях и в учреждениях, где проводилось анкетное обследование, соотношение числа людей, имеющих контакт с сельскими родственниками, и коллектива в целом, сильно варьирует (в строительном управлении лица, поддерживающие связи с селом, составляют 58,8%, в автобусном парке — 45,4%, в универмаге — 44,8%, на предприятиях машиностроения и легкой промышленности, на железной дороге и в учреждениях связи — 29—39%). Гораздо меньше доля лиц, связанных с селом, в коллективах городского комбината бытового обслуживания (15,5%), поликлиники (17,9%) и средней школы (20%). Невысокий процент работников комбината бытового обслуживания, сохранивших отношения с сельскими родственниками, объясняется, на наш взгляд, следующими обстоятельствами: 53,3% из бывших сельских жителей-работников комбината живет в Калуге 20 и более лет, 29,3% — 10—18 лет. Если же проанализировать возрастной состав этой группы, то выяснится, что среди них лица 40—49 лет составляют 34,6%, 50 лет и старше — 29,3%. Вполне вероятно, что многие из этой группы работали в Калуге в течение продолжительного времени и способствовали переезду своих сельских родственников в город или же потеряли проживающих в деревне престарелых родителей.

Анализ анкетных данных показывает, что в коллективах промышленных предприятий, строительных организаций, учреждений городского транспорта, железной дороги, связи и торговли среди лиц, сохраняющих контакты с родственниками в сельской местности, значительная часть поддерживает связи со своими родителями или родительской семьей. Так, на железной дороге и в автобусном парке эта часть составляет более половины, в строительном управлении, на машиностроительном заводе, в учреждениях связи и в универмаге — немногим менее половины.

Как мы уже отмечали ранее, связи городских жителей с сельскими осуществляются в различных сферах экономической, социально-бытовой, духовной и других.

Определенный отпечаток на характер связей с селом накладывала принадлежность горожан к той или иной социальной группе, их бытовые привычки, духовные запросы, психология и т. д.⁹

Как правило, большинство горожан, имеющих в деревне родственников (родителей, братьев, сестер), осуществляет несколько видов связи с селом. Могут иметь место и оказание материальной помощи, и поездки в гости и на отдых, и обмен письмами, и совместное проведение семейных торжеств (по случаю рождения ребенка, свадьбы и т. д.).

Если село, в котором живут родственники, находится недалеко от города (на расстоянии 25—75 км), то горожане (особенно одиночки) обычно приезжают туда сравнительно часто (1—2 раза в месяц). В таких случаях обмен письмами практически отсутствует. Если же сельские родственники живут далеко от города, важное значение приобретает переписка. При этом горожане ездят в деревню значительно реже (одна раз в год по случаю какого-либо важного события в семейной жизни родственников). У городских жителей-одиночек преобладают такие виды связей с селом, как поездки в гости или на отдых (42,4%), материальная помощь (41,5%). Чаще всего материальную помощь в виде небольшой суммы денег или продуктов питания получают от своих родители и девушки, поселившиеся в городе.

Связи горожан, принадлежащих к различным социальным группам, имеют свои особенности. Например, лица с высшим образованием (мы проследили это на примере медицинских работников) ограничиваются, большей частью, поездками в гости на 1—2 дня, преподнесением подарков и оказанием материальной помощи сельским родственникам. У горожан из рабочей среды связи с сельскими родственниками более разнообразны и обычно носят взаимный характер. Рабочие горожане ездят к своим сельским родственникам в гости и на отдых, помогают им по хозяйству, оказывают материальную помощь. Сельские же родственники, в свою очередь, снабжают горожан сельскохозяйственными продуктами.

Согласно анкетам 52,8% рабочих, имеющих родственников в деревне, ездят к ним в гости и на отдых. Несколько видов связи с сельскими родственниками осуществляют 14,4%. Примерно такое же положение наблюдается среди инженерно-технических работников. Для работников просвещения, здравоохранения и культурно-просветительных учреждений наиболее характерными видами связи с родственниками в деревне являются поездки в гости и на отдых, а также оказание материальной помощи.

В заключение отметим, что в нашей работе мы не исчерпали вопросов связей городского населения с сельским.

Материалы настоящего сообщения, как мы полагаем, могут быть полезными при решении многих проблем, связанных с этнографическим изучением как города, так и деревни.

⁸ См. Д. М. Коган, Указ. раб., стр. 46.

⁹ Эти вопросы, имеющие важное значение для этнографического изучения городского населения, нуждаются в специальном исследовании. Детально останавливаться на них в данном сообщении мы не имеем возможности.

Л. А. Тульцева

КАЛЕНДАРНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ В БЫТУ СОВРЕМЕННОГО КРЕСТЬЯНСТВА

(ПО МАТЕРИАЛАМ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Известно, что в семейном, общественном и производственном быту дореволюционной деревни большое место занимали аграрные праздники, поддерживаемые общиной и православной церковью¹. Традиция отмечать календарные религиозные праздники сохранялась вплоть до коллективизации.

В данной статье освещается вопрос о месте календарных религиозных праздников в современном быту крестьянства².

Объектами нашего стационарного исследования в течение 1967—1969 гг. стали три довольно крупных селения Рязанской области: Новопанское Михайловского района, Канино Сапожковского района, Аргамаково Спасского района. Кроме того, проводилась рекогносцировочная работа в других селах области. Мы старались выбирать типичные для средней полосы России села. Учитывались, конечно, и вопросы вероисповедания.

Работа в основных объектах исследования — Новопанском, Аргамакове, Канине — показала разный уровень религиозности их жителей. Он наиболее высок в Аргамакове, наиболее низок в Канине. Новопанское по уровню религиозности жителей занимает среднее положение. Это объясняется различием путей их социально-экономического развития в прошлом. Канино со второй половины XIX в. известно в центре и на юге России как промышленное село, основная часть мужского населения которого занималась производством молотилок и других сельскохозяйственных машин (кустарным способом и на небольших предприятиях капиталистического типа)³. Пролетаризация крестьянства содействовала росту атеистических настроений и постепенному уходу из быта крестьян аграрных культов и христианских праздников. В этом селе успешно работают учреждения по культурно-бытовому обслуживанию населения, охватывающему практически почти все стороны повседневной жизни

¹ См.: В. И. Чичеров, Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв., «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», нов. серия, т. XL, М., 1957; С. А. Токарев, Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX в., М.—Л., 1957; В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, Л., 1963.

² См.: Г. А. Носова, Опыт этнографического изучения бытового православия на материалах Владимирской области, «Вопросы научного атеизма», вып. 3, М., 1967, стр. 159—160; В. Н. Басилов, Этнографическое исследование религиозных верований сельского населения, «Конкретные исследования современных религиозных верований», М., 1967, стр. 155, 156; З. Я. Можайко, Коляда в белорусском полесском селе, «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 127—135.

³ В. И. Ленин, исследуя в работе, «Развитие капитализма в России» вопрос об употреблении машин в сельском хозяйстве, в частности, ссылается на пример Канина и окружающих его селений (Полн. собр., соч., т. 3, стр. 219—220).

колхозников (комбинат бытового обслуживания, ясли, детский сад, аптека, медпункт, клуб).

Росту атеистических настроений в Новопанском способствовали большая подвижность крестьян названного села, занимавшихся в св с малоземельем отходничеством. Но следует отметить, что религиозность среди женщин этого села сохранялась довольно долго. Кроме того религиозные настроения у новопанцев поддерживаются церковью. Следует отметить также, что как в Новопанском, так и в Аргамакове не достаточно хорошо ведется атеистическая пропаганда, особенно не учесть, что жители Аргамакова истари были очень религиозны, и мест где расположено село и сейчас еще называется «святой горой».

Аргамаково и окружающие его села издавна известны товарным огородничеством и садоводством. В настоящее время жители села, пешно работая в колхозе, много внимания уделяют своим приусадебным участкам, выращивая ранние сорта огурцов и лука на рыночную продажу.

Социально-экономическое развитие названных селений в прошлые тенденции их социального, экономического и культурного развития в настоящее время дают тот фон, на котором наглядно прослеживается состояние календарных церковных праздников в современном быту колхозников.

Беседы с жителями показали, что большинство из них не знает даже названий особо почитавшихся в старой деревне двенадцатых праздников, сведения о которых верующие получают при посещении церкви и от лиц, знакомых с христианским вероучением. Из рассказов информаторов видно, что получение компетентной информации о дне того или иного праздника является одним из условий бытования религиозных праздников в сельской местности⁴. В настоящее время из религиозных праздников верующим чаще всего известны лишь праздники «в числах», т. е. праздники, отмечающиеся в определенные календарные числа, например, рождество, благовещение и др.⁵

Особенно показательны данные по современному состоянию календарного цикла религиозных праздников. В тех селах, где проводилось исследование, как и в других русских селениях, цикл годовых праздников полностью отмечался до Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы Советской власти. В жизни русской деревни все эти праздники были связаны прежде всего с циклом сельскохозяйственного года и являлись своеобразными вехами, которые делили трудовой год крестьянина на определенные периоды. В настоящее время уже не осталось стариков, могущих полностью восстановить картину всей хозяйственной и общественной жизни общины, в которой святки выполняли роль производственного календаря.

В цикле календарных праздников в старом быту видное место занимали особо почитаемые престольные праздники, отмечающиеся, по рассказам жителей, очень широко. Эти праздники были в каж

⁴ На вопрос о месте религиозных праздников в сельском быту в Канине жители села давали, например, следующие ответы: «Ныне мы и не знаем, какие праздники. Старые скажут — не стирать, ничего не делать, а сами ничего не знаем». (К., 56 лет). «Что от людей когда услышу, какой праздник, а так богу не молишься» (Т., 56 лет). Сходная картина наблюдалась в Новопанском и Аргамакове. Здесь от информаторов часто можно было услышать следующие ответы: «Люди знают и мы за ними». Информаторы также часто ссылались на то, что «все стали забывать». Например, С. (67 лет, Аргамаково) ответила: «Мы уже старые и то забываем, какие праздники, мелкие — так совсем забудешь». Характерен следующий рассказ 74-летней женщины: «Я-то и то стала забывать. Все поспешно отходит. Бывало, в церковь сходишь, священник скажет, а сейчас церковь далеко, слаба стала, не дойдешь».

⁵ Весьма примечателен рассказ верующей Х. (около 65 лет, Новопанское): «А что я знаю, — рассказала она, — поп скажет, что завтра приходите — праздник, вот и приходите. Люди скажут — вот и я знаю. Да что мы знаем? «Господи, помилуй!» — скажут, мы и перекрестимся».

дой деревне свои и отмечались не только как праздник в честь какого-нибудь святого, а как праздник данного села, общины, прихода. В настоящее время дни престольных праздников почти ничем не отличаются от других дней недели, лишь некоторые женщины стремятся выполнить часть домашних работ накануне, а в день праздника избегают шить, прясть, вязать, мыть полы. Но в некоторых селах, например, в Новопанском, престольный праздник и сейчас еще отмечается частью верующих: в семьях готовятся праздничные обеды, из соседних сел и из Рязани приезжают родственники. При этом, как отмечают старожилы, в последние годы в этом селе праздник отмечается шире, чем в первые послевоенные годы, когда он был полностью забыт. Это, видимо, частично объясняется тем, что материальное благосостояние колхозников улучшилось, и у родственников есть возможность собраться вместе, отдохнуть, повеселиться. В то же время, как отмечалось выше, с сожалением приходится констатировать плохую работу местных общественных организаций, не ведущих серьезной культурно-массовой работы.

Из календарных церковных праздников пасха до сих пор является наиболее почитаемым. К этому дню в домах делается уборка, готовят праздничный обед, почти в каждой семье пекут традиционные обрядовые печения, готовят пасху, красят яйца. Верующие соблюдают пост (из положенных семи недель чаще всего — последнюю неделю). В Аргамакове и Новопанском большинство верующих идут в церковь причащаться, святить куличи, пасхи, яйца. В Канине, по наблюдениям автора (1968 г.), в церковь в великий четверг (четверг на последней неделе перед пасхой) причащаться ходили лишь 10—12 старушек. Куличи, пасхи, крашеные яйца, приготовленные почти в каждом доме этого села к празднику, обычно не были освящены в церкви. В день пасхи 21 апреля 1968 г. в Канине праздничная атмосфера чувствовалась, хотя и не было особой религиозной настроенности его жителей. На улицах не было ни христосования, ни «катания яиц» — излюбленной игры молодежи старой деревни в пасхальную неделю.

С пасхальным праздником во многих селениях Рязанской области, как и в других местах, связан обычай посещать кладбище и поминать умерших. Родственники, пришедшие на кладбище, сыпят на могилы пшено, крошат яйца, оставляют и другие продукты. В этом обычае сохранились старые дохристианские корни. В Канине автор наблюдал и другой пасхальный обычай: дети среди своих ближайших родственников и соседей собирают крашеные яйца. Этот обычай, видимо, возник под влиянием соседско-родственных отношений. В настоящее время его значение забыто. Число детишек, которые ходят на пасху к родственникам, с каждым годом сокращается (сейчас ходят только дошкольники). Показателем преодоления религиозности жителями Канина может служить следующий факт: в 1968 г. здесь в день пасхи (в самый почитаемый церковью праздник) среди старших школьников был организован субботник, и противодействия со стороны родителей это не вызвало.

Среди населения до сих пор довольно устойчивы некоторые обычаи, связанные с празднованием троицы. Во многих селениях Рязанской области, как и в других местах, широко сохраняется обычай украшать на троицу жилище внутри и снаружи ветками березы, травой, цветами. В тех населенных пунктах, где действует церковь, верующие ходят с цветами и березой к службе. Зелень освящается священником, а потом ею украшают дом. Сохранение в настоящее время этого старого обряда связано, с одной стороны, с традиционной встречей лета зеленью, а с другой — с суеверными представлениями, еще бытующими среди части населения. В Новопанском во многих домах троицкую березку и траву сохраняют до сенокоса, а потом кладут в новое сено. Считается, что это сбережет его от мышей. Особое значение придается веткам березы, принесенным из церкви: это обязательный атрибут при соборовании. Для совершения этого таинства ветку ломают на несколько частей (как пра-

вило, на семь) и вместе со свечами ставят в чашку с пшеном. В одних случаях зажигают и свечи, и ветки, в других — только свечи. Зажигать свечи и ветки может только священник. Вероятно, в этом случае перед нами еще один пример синкретизма дохристианских верований с православным обрядом.

При праздновании весеннего праздника троицы совершалось много архаичных обрядов, причем некоторые из них сохранялись до последнего времени. Так в Новопанском еще 5—10 лет назад существовал обычай кумиться⁶, однако уже в то время он носил характер обычных сиделок, когда парни и девушки устраивали вечер. Хранителями и исполнителями старых обрядов по-прежнему являются представители старшего поколения. В д. Заулки Кадомского района до последних лет сохранялся следующий троицкий обряд: после обедни в троицкую субботу женщины (в основном пожилые), помянув на могилах своих умерших родственников, наряжали заранее срубленную березку в юбку, кофты, передник, повойник с крыльями (головной убор), бусы и с пением «Ой, ле» («Ой, лето....») несли ее в деревню к часовне, где и оставляли⁷.

В Новопанском существует обычай, по которому трава, с которой верующие в день троицы ходили в церковь утром, должна быть обязательно «оплакана»: после обедни траву не выбрасывают, а идут с ней вечером. В церкви верующие становятся на колени и, прижав ладонь этой травой к лицу, плачут⁸.

Кроме троицкой березки и травы сверхъестественными свойствами наделяется и верба, освященная в церкви в вербное воскресенье — пасхой. Ветками такой вербы выгоняли в первый раз на весенние пастбища, «чтобы скот был хороший». Верующие Новопанского сохраняли вербу и как средство, помогающее остановить град: во время града палки от вербы выбрасываются на улицу.

В большинстве случаев верующие не могли объяснить, почему именно вербе приписываются указанные выше свойства. Была записана ли одна легенда, в которой рассказывается, что в «вербное воскресенье» въезжал Иисус Христос в Иерусалим и ему дорогу устилали вербаши (записано в с. Новопанском).

С производственным циклом сельскохозяйственного года было связано и празднование спасов. На примере этих праздников мы еще раз убеждаемся в том, что если праздник имел отношение к сельскому хозяйству, то он был известен верующим.

Первый спас — Спас Всемилоштивейший (1 августа) известен под названием медового. Он отмечался водоосвящением, а в крестьянском хозяйстве — освящением в церкви семян ржи и пшеницы. Некоторые верующие соблюдают этот обычай и сейчас. Но общей массой сельского населения он забыт.

⁶ Кумиться — букв. вступать в духовное родство. Это обычай семицкой (седьмой после пасхи) недели, когда девушки шли в поле или лес, где плели венки, завивали березку, водили хороводы, готовили яичницу для совместного ужина. Некоторые участники этого обряда или весь хоровод становились на время семицкой недели кумой и кумой. В Тульской губернии «кумой» называли семицкую березу.

⁷ Архив Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, фонд Комплексной экспедиции, Рязанский отряд, 1963 г., ед. хр. 68, № 111, собиратель Г. С. Маслова.

⁸ В одном из ранних стихотворений Сергея Есенина «Троицыно утро, утренний канон...» (1914) имеется строка: «Я пойду к обедне плакать на цветы» (собр. соч. т. I, стр. 118). Вероятно, в этой глубоко поэтической строке запечатлен наблюдавший поэт троицкий обычай. По нашим сведениям, в этнографической литературе имеется лишь одно описание подобного обряда. Л. Б. Зернов в статье «Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае» сообщает, что в некоторых деревнях бывших Тверской губернии считалось обязательным девушкам во время троицкой службы в церкви уронить несколько слезинок на пучок мелких березовых веток, который затем сбергался как залог от засухи. См. «Сов. этнография», 1932, № 3, стр. 30.

В некоторых местах первый спас называли также «маковой» (от слова «мак»). Например, в Аргамакове в день первого спаса пекли пироги с маком, добавляли мак в суп и в другую пищу. Спас-«маковой» не отмечается уже с первых лет Советской власти. Сейчас о нем помнят лишь престарелые жители селения.

Среди верующих особой известностью и почитанием пользуется второй спас — Спас Преображения (6 августа), или яблочный спас. В этот день в старой деревне разговлялись яблоками. Некоторая часть верующих старшего поколения и сейчас придерживается известного еще в до-революционное время поверья, что до спаса нельзя есть яблоки.

Первый и второй спасы широко почитались крестьянами доколхозной деревни, так как они были связаны с первым сбором плодов и меда. Отголоски прежних поверий частично сохранились сейчас в устном бытовании суеверий, связанных со спасом яблочным.

Третий спас — Спас Нерукотворный (16 августа) — ничем не был связан с крестьянской практикой, и о нем мало знают верующие. Не случайно поэтому верующие Новопанского называют этот спас «потайным», так как его «никто не знает».

Опрос информаторов показал, что редким верующим известны дни спасов и совсем немногие могут рассказать легенды об этих праздниках. В Новопанском о Спасе Нерукотворном была записана следующая легенда. «Два художника пошли к тому месту, где был Христос распят, и хотели они снять его образ (нарисовать портрет Христа. — Л. Т.), но ничего у них не получалось. Тогда услышали голос, повторивший три раза: «Возьми и утись». Утерлись — и увидели образ нерукотворный». Перед нами — вариация известного христианского сказания, изложенного Иоанном Дамаскиным.

В аграрных праздниках видное место принадлежало святочным обрядам, обычаям, играм. На Новый год прежде обязательно исполнялся обряд «кликанья авсеня»⁹. С авсенями, песнями, частушками, подростки и молодежь ходили по селу и собирали всякую снедь, а потом устраивали веселое пиршество.

В Новопанском чаще всего собирали муку, которую продавали, а на вырученные деньги покупали подсолнухи. Обычай «кликанья авсеня» начал затухать с образованием колхозов. В 40-е — начале 50-х годов он еще частично сохранялся. В настоящее время в Канине авсень совсем забыт, в Новопанском и Аргамакове бегают «авсенькаты» малыши. В Аргамакове, кроме того, молодые женщины и сейчас еще собираются «кликать авсень», но фактически от старого обычая сохранилось одно лишь название. Главные элементы обряда — пение авсений, хождение по домам с новогодними пожеланиями хозяевам — забыты. То, что теперь именуется «авсеньканьем», заключается в небольшой вечеринке с ужином, которую устраивают для себя молодые женщины. По этому поводу они говорили автору статьи: «Мы все лето работали, а зимой надо отдохнуть».

В 1963 г. Г. С. Маслова наблюдала «авсеньканье» в с. Полтевы Пензенской области Кадомского района. Вечером, накануне Нового года 30—40-летние женщины веселой гурьбой ходили по избам, славили хозяев и собирали блины, муку, пироги, деньги. Все это делалось «в шутку», «ни во что в это уже не верят». Но оказался устойчивым развлекательный, праздничный момент, всегда сопутствовавший обряду «кликать авсень». По-

⁹ «Кликанье авсеня» — новогодний обряд, основным элементом которого было исполнение обрядовых песен — «авсений» (в других местах — «авсень», «усень», «таусень», «баусень»), содержавших пожелания благополучия семье в Новом году (см.: А. В. Марков, Что такое овсень?, «Этнографическое обозрение», 1904, № 4; В. И. Чичеров, Русские колядки и их типы, «Сов. этнография», 1948, № 2; его же, Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв., «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», нов. серия, т. XL, М., 1957).

этому в Полтевых Пеньках «авсенькавшие» заканчивали свой обход по домам вечеринкой¹⁰.

В некоторых местах Рязанской области, например в с. Печерниках и с. Фирюлевка Михайловского района, «кликанье авсенья» сохраняется среди детей и молодежи.

Но в целом, по воспоминаниям информаторов, особенно быстро авсень стал забываться в течение последних 10—12 лет.

Из новогодних обрядов, совершаемых в с. Новопанском, следует назвать бытовавший еще лет 10 назад обычай жечь под Новый год (по новому и старому стилю) костры из соломы; считалось, что этим символически сжигается ушедший год. Этот старый дохристианский обычай в настоящее время забыт. Остатком его является распространенная среди детей игра: за неделю до Нового года делается тряпичный мяч, который затем вымачивается в керосине; в ночь под Новый год этот мяч привязывают к проволоке, поджигают и крутят — получается огненное крутящееся колесо.

Во время празднования рождества верующие ходили по дворам и «славили Христа». Этот обычай в Канине и Аргамакове давно забыт, а в Новопанском и сейчас дети-дошкольники бегают по дворам и «Христа славят». Они заходят в дом и говорят: «Здравствуйте, хозяин с хозяйшой! Христос рождается». Другая форма христославия: «Здравствуйте, с праздником! Открывай сундучок, доставай пятак!»¹¹. Женщины к этому дню специально меняют деньги и раздают детям мелочь.

Колядование, которое было обязательным элементом рождественских праздников средней полосы России, в Канине и Новопанском теперь совсем забыто.

В годовом цикле календарных праздников особое место занимали крещение и масленица.

В представлениях и суевериях, связанных с крещенскими праздниками, особенно ярко переплелись мотивы христианского и дохристианского происхождения. Отсюда соединение таких, казалось бы, противоположных по своему смыслу моментов, как, с одной стороны, ограждение от темных сил с помощью креста, а с другой — приобщение к этим силам, например, через крещенские гадания.

В ночь под крещение на окнах и дверях обязательно ставились кресты. Сейчас в Канине кресты ставятся лишь отдельными верующими, а в Новопанском и Аргамакове — большинством из них. Давно уже не устраиваются крестные ходы к реке с прорубанием проруби и освящением воды в «иордани». В некоторых местах, например в с. Малинки Михайловского района, «иордань» перестали вырубать в самом начале 50-х годов. За крещенской водой верующие Новопанского ходят в свою церковь, а верующие Аргамакова — в церковь с. Срезнева и г. Спасска. В Канине лишь немногие, преимущественно женщины старшего поколения, ходят за крещенской водой на прорубь или на родник, называемый «смыковским»¹². В Новопанском и Аргамакове, а также во многих селениях Спасского района день перед крещением и сейчас называют «свечи», так как в этот день говели (в Новопанском до 3 часов дня, в

¹⁰ Архив Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, фонд Комплексной экспедиции, Рязанский отряд, 1963 г., ед. хр. 68, № 210.

¹¹ Последняя форма христославия — это, по сути, одна из известных строк детских рождественских присказок. Вот один из вариантов этих присказок:

Славите, славите,	Отпирайте сундучок,
Сами, люди, знаете,	Доставайте пятак,
Я славить не умею,	Мне... на чаек.

Просить много не смею,

(см.: Ал. Можаровский, Отголоски старины и народности, «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. XLVIII, 1903, стр. 59).

¹² По названию с. Смыково.

Спасском районе — «до звезды», т. е. до появления первых звезд на небе).

Масленица — это сохранившийся дохристианский народный праздник проводов зимы и встречи весны, который церковники так и не смогли ни искоренить из крестьянского быта, ни приспособить к православному календарю.

Масленичная неделя в разных местах имела свои отличительные черты¹³. Локальные особенности объясняются разнообразием бытовых и производственных традиций, неоднородностью географической среды. Для Рязанщины, как и для других мест средней России, типичными элементами масленичной обрядности были праздничные катания женихами невест, ряжения, катания с ледяных гор, устроительство качелей, каруселей, ярмарок, обрядовые проводы «масленицы» (чучела), которые кончались ее сожжением или разбрасыванием частей чучела по полю. В эти дни катались с гор на донцах от прялок (чтобы, по поверью, лен «длинным» — рос), новобрачные ходили в гости к теще.

Свои особенности были и в обычаях «прощенного» воскресенья¹⁴. Массовые катания, ряжения, гуляния еще сохранялись во многих местах в 20—30-е годы. Но уже в 50-е, а особенно к началу 60-х годов, из масленичного празднества почти исчезли такие характерные обычаи, как катание на донцах, ряжение, проводы чучела «масленицы». В настоящее время в исследованных селениях, как и во многих других местах, масленица — это общеколхозное гуляние, связанное с проводами зимы. В этот день устраивается катание на лошадях, на улице пекутся блины, в клубах выступают коллективы художественной самодеятельности. Наблюдения показывают, что повсеместно из всего комплекса масленичных обрядов наиболее устойчивым среди представителей младшего поколения оказался обычай посещения родственников и соседей; среди же старшего поколения еще держатся некоторые обычаи прощенного воскресенья, связанные с циклом поминально-похоронных обрядов.

Многие праздники, входившие в крестьянские бытовые святы, в старой деревне повсеместно отмечались обрядовыми печениями («жаворонками», «христовыми онучами», «копырями», «лесенками», «хрестами», «конями» и др.). С ними «кликали» весну. Им придавался вполне определенный смысл: считалось, что обрядовые печения способствуют благополучию хозяйства, росту хлебов, удачной пахоте, сохраняют скотину и лошадей.

Все эти печения повсеместно готовились вплоть до 30-х годов. Пекутся они и сейчас, но, во-первых, печения потеряли тот обрядовый смысл, который в них вкладывался, во-вторых, они не имеют столь широкого распространения, как прежде, и хранителями способов их изготовления являются лица старшего поколения. Теперь печения играют лишь роль лакомства, которым бабушки балуют своих внуков. Одна из жительниц Новопанского рассказала: «Ребятам скажут: «Ныне кресты пекут». — «Какие кресты, бабушка?» — Ну, и испечешь им». В исчезновении обрядовых печений немалое значение имело повышение материального благосостояния колхозников. Например, М. А. Бирюкова (82 года, с. Канино) рассказала: «Теперь-то ничего не пекут. И без того в магазине много всякого хлеба, и чай у всех, и варенье варят...»

¹³ Г. А. Носова, Картографирование русской масленичной обрядности, «Сов. этнография», 1969, № 5.

¹⁴ По народным верованиям считалось, что светопреставление должно произойти в ночь последнего воскресенья масленицы. Поэтому в «прощенный» день было принято ходить «прощаться» с умершими на кладбище, а в семьях просили прощения друг у друга. В целом эти обычаи имеют дохристианскую основу. Но понятие о светопреставлении, по-видимому, говорит о синкретизме каких-то не известных нам элементов дохристианской мифологии с христианской. Напомним в этой связи, что масленичные празднества приходятся на время, которым заканчивался календарный год в древней Руси.

В свое время непосредственное отношение к обрядовому сельскохозяйственному календарю имели фенологические наблюдения, проводимые на сретенье, благовещение, покров. Приуроченный к церковным святым устный народный календарь давно потерял свою связь с крестьянскими трудовыми процессами. Сейчас он частично сохраняется среди старшего поколения и выполняет функции поэтической характеристики времен года. Вот некоторые календарные приметы: на Евдокию (1 марта) — петух воды напьется; на Егория (23 апреля) — конь травы поест; на «сороки» (9 марта) — 40 птиц прилетают вешних; на Алексея — божьего человека (17 марта) — день и ночь шумят потоки, а иной раз под носом (т. е. бывают оттепели); на благовещение (25 марта) — неделю не доедешь, неделю переедешь (сани на телегу надо менять); вешний Никола (9 мая) — «овечья дрожь», т. е. в это время холодно, а овец надо стричь (сообщил П. Е. Кузин, 65 лет, Аргамачево).

С коллективизацией сельского хозяйства и переводом патриархального хозяйства на социалистические рельсы стали забываться и календарная обрядность, так тесно связанная в старом патриархальном хозяйстве с производственным циклом сельскохозяйственного года, и церковные праздники. В настоящее время все сельскохозяйственные работы, в том числе и в индивидуальных хозяйствах колхозников, выполняются без учета прежнего религиозно-бытового сельскохозяйственного календаря. Верующие говорят: «Время придет — сажаем, полем, убираем».

Таким образом, в селах верующими отмечаются лишь наиболее крупные религиозные праздники — покров, рождество, крещение, пасха, троица. Но религиозное содержание и этих праздников почти утрачено. Теперь они отмечаются лишь лицами старшего поколения, которые стремятся посетить в день праздника церковь, соблюсти некоторые религиозные обычаи (например, на крещение сходить за крещенской водой и побрызгать ею в доме и на дворе). В домах готовятся праздничные обеды, которые идут еще от традиции семейно-родственных угощений, пекутся обрядовые печения. Следует подчеркнуть, что бытование в некоторых селах религиозных праздников во многом объясняется старой традицией семейно-родственных угощений. Так, рождественский день 7 января 1969 г. (вторник) прошел в Новопанском почти незаметно. Один из местных жителей рассказал: «Рождество — праздник, а его и не отмечают, только старушки в церковь пошли. А почему не отмечают? Потому что — рабочий день, из Рязани никто не приехал, пришлось бы праздник на выходной день — тут сабантуй был бы».

В целом религиозно-праздничная традиция ушла в прошлое. Сохранение ее связано лишь с моментами праздничными, развлекательными; религиозное же содержание праздников почти отсутствует.

Работа общественных и советских организаций по преодолению религиозных пережитков должна быть направлена в первую очередь на борьбу с обрядовой стороной праздников, так как именно она еще сохраняет свое религиозное содержание (это — посещение церкви, приготовление обрядовой еды — куличей, крашеных яиц, освящение веток березы и вербы, приготовление крещенской воды). В то же время следует учесть, что ни административные меры, ни даже серия лекций на антирелигиозные темы (если только эти лекции регулярно не читаются в течение многих лет) не помогут избавиться от традиций, которые имеют многовековую давность. Общественность села в целях антирелигиозной пропаганды должна воспользоваться тем рациональным, что выработалось в этих праздниках: широко бытующая традиция семейно-родственных угощений, стремление собраться хотя бы раз в году всей семье в отчем доме, устроить в селе массовые гуляния — все это имеет положительное значение для проведения общественно-массовых мероприятий.

Г. С. Маслова

БЫТОВЫЕ СЮЖЕТЫ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВЫШИВКЕ

В иконографии русской народной вышивки XVIII — начала XX в. значительное место занимают бытовые или жанровые сюжеты, изученные крайне слабо. Внимание ученых, занимающихся исследованием русской вышивки в советский период, в основном было направлено на выявление ее архаических пластов и раскрытие семантики древних сюжетов, связанных со славянским язычеством¹.

Специальных работ, посвященных жанровой вышивке, нет (ряд ценных наблюдений и выводов содержится в трудах о вышивке или народном искусстве в целом)², поэтому в задачи исследования входит: выявление круга основных сюжетов, определение времени и района их бытования. Необходимо также установить социальную природу этого типа вышивки, ее источники. Однако в данной статье будут лишь подведены предварительные итоги по основным вопросам исследования.

Начало интенсивного развития бытовых мотивов и сюжетов в русском декоративно-прикладном искусстве исследователи относят к XVIII в.³

Реформы Петра, внесшие изменения в общественный бытовой уклад, оказали существенное влияние и на народное искусство, в частности на вышивку, в которую наряду с древними, стойко сохранявшимися традиционными элементами интенсивно включаются новые черты, в частности усиливается значение изобразительных сюжетов бытового содержания⁴.

В первой половине XIX в. интерес к реалистическим мотивам и сюжетам по сравнению с XVIII в. заметно возрастает⁵.

Во второй половине XIX в. с началом пореформенного периода и в дальнейшем, в начале XX в., с изменением общественных отношений в России это направление усиливается и занимает значительное место в русском народном изобразительном искусстве. Датировка бытовых сюжетов и мотивов в вышивке нуждается в уточнении, так как процесс развития и распространения ее проходил по-разному в различных географических областях и социальной среде. Так, в земледельческих райо-

¹ В. А. Городцов, Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве, «Труды Государственного исторического музея», вып. 1, М., 1926, стр. 7—36; Б. А. Рыбаков, Древние элементы в русском народном творчестве, «Сов. этнография», 1948, № 1, стр. 90—106 и др.

² В. Воронов, Крестьянское искусство, М., 1924, стр. 106—133; В. А. Фалеева, Вышивка, «Русское декоративное искусство», М., 1963, т. 2, стр. 614—628; ее же, Вышивка и кружево, «Русское народное искусство», Л., 1959, стр. 67—78 и др.

³ Г. А. Малицкий, Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства (в росписи и резьбе), Казань. 1923, стр. 17; М. Н. Каменская, Основные особенности русского народного искусства; «Русское народное искусство», Л., 1959, стр. 9 и др.

⁴ «Русское декоративное искусство», т. 2, М., 1963, стр. 618—628.

⁵ «История русского искусства», т. VIII, кн. 2, М., 1964, стр. 567.

нах, среди крестьянства, он протекал более медленно по сравнению теми районами, где вышивка стала ремеслом или промыслом.

Вышивка с бытовыми мотивами более всего связана с предметами декоративного назначения. Ею украшали полотенца, подзоры, реж-одежду, а на головных уборах она встречалась лишь как исключение. Такую вышивку выполняли строчкой (шов по письму, вырезь, строчка по плетеной сетке), тамбуром, частично гладью. Использование швов при выполнении которых не требовалось счета, давало больше возможностей вышивальщице для свободного расположения сложного узора на ткани и выполнения его в округлых плавных очертаниях.

Эти технические приемы распространяются в XVIII в. и в дальнейшем становятся основными в ремесленных и промышленных центрах а в XIX — начале XX в. широко проникли и в крестьянскую вышивку.

Бытовые сюжеты реже выполнялись двусторонним и другими «древними» швами счетной техники, так как эти швы имели свои особенности и были органически связаны с архаическими сюжетами⁶.

Вышивки с бытовыми сюжетами подразделяем на две группы. В первую входят вышивки со сложными по композиции бытовыми сценами, во вторую — со сценами, простыми по композиции, а также отдельные бытовые мотивы. Вышивки первой группы по содержанию и характеру изображаемого подразделяем на несколько подгрупп. К первой относятся сложные парковые и архитектурные пейзажи, сцены прогулок в экипажах, катание на лодках и парусных судах, сцены охоты и придворных праздников XVIII — первой половины XIX в.⁷, т. е. изображения главным образом быта господствовавших классов, видимо, выполнявшиеся по определенному социальному заказу; ко второй — сцены из жизни городского и сельского населения XIX — начала XX в.: моменты свадебного ритуала, гулянье в саду, застолье, выезд; к третьей — сложные сцены на сюжеты русских народных сказок. Работы этой группы вышивок близки к работам первой и стилистически, и многими бытовыми особенностями, а также техникой выполнения (белая строчечная вышивка: шов по письму или строчка по плетеной сетке), но изучены они наиболее слабо. На подзорах изображаются эпизоды из «Сказки о семи Семеонах»⁸. Подмечены и другие сказочные мотивы⁹. Однако эта тема ждет еще своих исследователей.

Растительные и архитектурные мотивы вышивок этой группы составляют большей частью фон, на котором разворачиваются изображаемые события. Однако нередко они играют самостоятельную роль, например изображение сложного архитектурного пейзажа и пр. Разнообразный животный мир в этих бытовых сюжетах имеет свои особенности и значительно отличается от зооморфных мотивов древнего извода. Если в узорах вышивки древнего типа олень-лось, конь, птицы (особенно водоплавающие) трактовались в прямолинейно-геометрическом стиле, то в жанровых вышивках круг зооморфных и орнитоморфных образов трактуется ближе к реалистической манере. В него включаются разнообразные домашние животные и птицы, а также представители животного мира южных экзотических стран: тигр, слон, верблюд, попугай и пр.

⁶ К архаическим мотивам и сюжетам относим изображения, связанные с язычеством: образ богини-матери или древа со всадниками по сторонам и древние зооморфные мотивы, трактованные в строгом геометрическом стиле. См. Г. С. Маслова, Русская народная вышивка как исторический источник, «Тезисы докладов на сессии истории Академии наук СССР», Л., 1969, стр. 31—34.

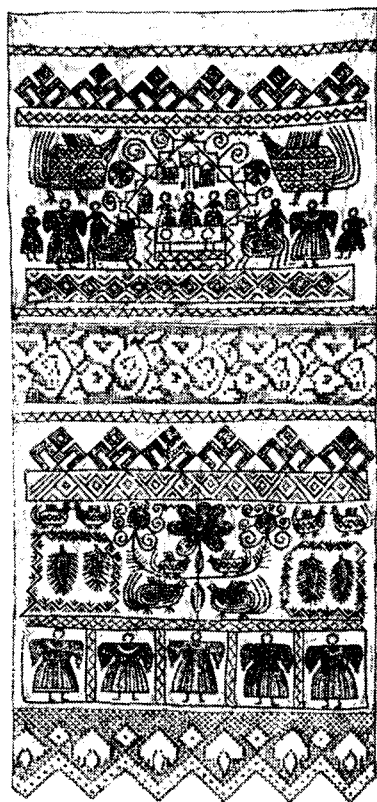
⁷ См. «История русского искусства», т. VIII, вып. 2, стр. 599, рис.; В. П. Сидamon-Эрисова, Н. П. Шабельская, Собрание русской старины, М., 1910, табл. V, 1; VI, 2; IX, 2. См. также рис. на обложке журнала.

⁸ И. А. Шляпников, Народная русская сказка и народное шитье, «Записки русского археологического общества», т. IX, вып. I—II, СПб., 1897, стр. 294—295; «Русское декоративное искусство», т. 2, стр. 624.

⁹ «Русское народное искусство», Л., 1959, стр. 73, 74, табл. 33.

a

b

Рис. 1. Вышивки конца XIX в. из бывш. Устюженского уезда Новгородской губернии: *a* — по кумачу, *b* — по кисейной фабричной ткани (Архив Ин-та этнографии АН СССР)

Вышивки второй группы, разнообразные по стилю и характеру, изображают бытовые сцены из жизни народа. В качестве образца рассмотрим вышивки (рис. 1*a, б*)¹⁰ полотенца — «занавесы», выполненные специальными мастерицами по заказу крестьян в конце XIX в. Этим полотенцем украшали избу в день свадьбы в бывшем Устюженском уезде Новгородской губернии (теперь Устюженский район Вологодской области)¹¹. Занавесу растягивали по стене над молодыми, посаженными в переднем углу избы, а концы полотенца спускались вниз. Изготавливалась занавеса из фабричного материала — миткаля, а кумачовые или белые кисейные концы с фабричным кружевом вышивали разноцветным гарусом (отчего занавесу часто называли просто — «гарус»). Вышивка на полотенцах (облегченная до предела) выполнялась односторонним стебельчатым швом и несчетной гладью. Вышивка по кумачу отличается необычайной сочностью колорита (рис. 1*a*). Вышивка на белой ткани менее яркая, но контуры узора более четкие (рис. 1*б*).

На занавесах (рис. 1*a, б*) выполнены две сцены в разных вариантах. Одна из них — гулянье в саду (рис. 1*a*, вверху, рис. 1*б*, внизу). Верхний

¹⁰ Рис. 2, 4*б*, 5*a, б* выполнены художником Н. А. Юсовым, 1*б*, 4*a* — М. Р. Симашкевич; фото 1*a* выполнено Ю. А. Аргиропуло; рис. 3*a*, табл. 3 взяты из кн.: В. Я. Яковлев, Вологодская и Ярославская народная вышивка, М., 1955.

¹¹ Полевые записи автора, 1969. Архив Ин-та этнографии АН СССР.

узор как бы делится на три части (по горизонтали): в средней — центральной осью является дерево с непропорционально большим цветком на вершине, на его ветвях и под ними — птицы, в верхнем поле — силуэты рыб. В боковых частях — фигуры женщин с детьми, в нижней части — женские фигуры, ритмично чередующиеся с изображением цветка. Вверху рисунок обрамлен традиционным орнаментом из геометризованных человеческих полуфигур. На рисунке внизу представлен вариант того же сюжета, только рыбы заключены в зубчатые квадраты, что, видимо, должно обозначать границы водоемов.

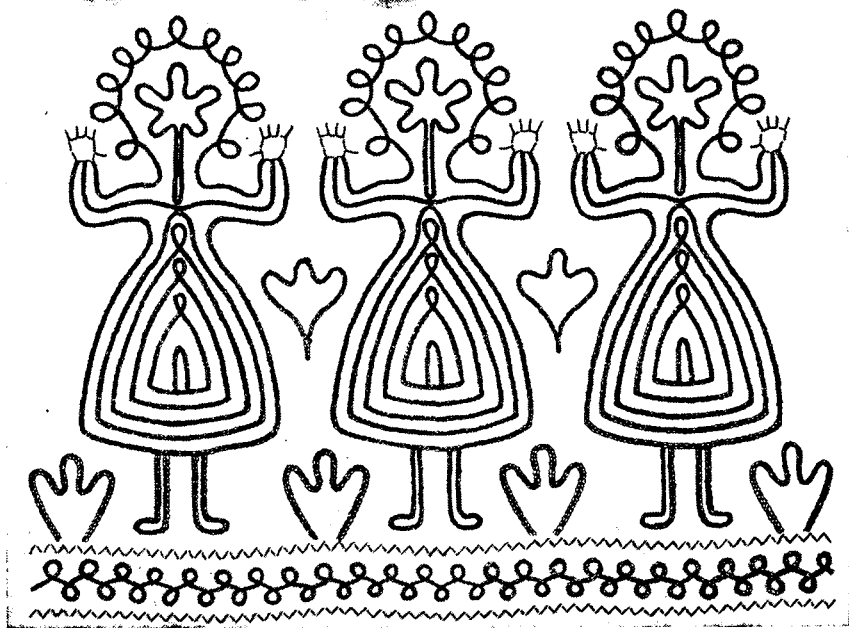
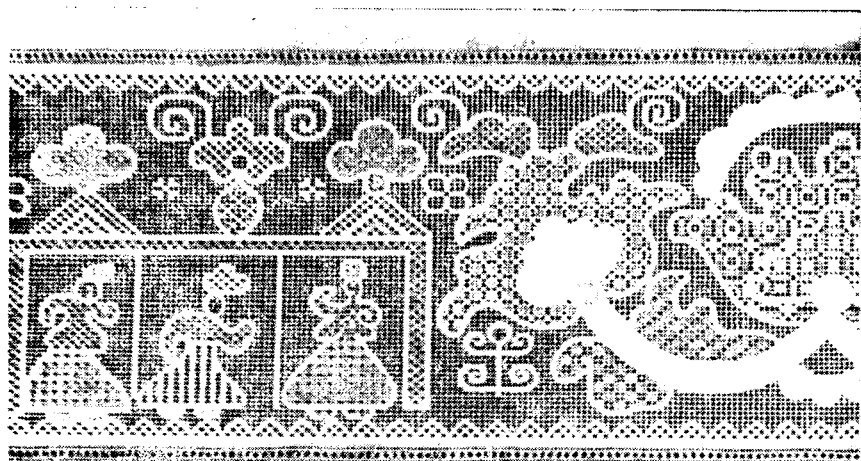

Рис. 2. Полотенце, вышитое тамбуром красной нитью. Деревня Медведево, бывш. Кирилловского уезда Новгородской губернии (Череповецкий краеведческий музей)

Содержание второй сцены (рис. 1а, внизу, и рис. 1б, вверху) расшифровать труднее. Возможно, это один из эпизодов свадебного ритуала. Налицо повествовательность в изображении: два всадника подъехали к высокому дому, а вот они же внутри его (с третьим человеком) за столом. Стол с тремя тарелками-блюдами (так условно изображено угощение) дан не в перспективе, а как бы сверху — в плане, что свойственно (как и повествовательность) старинной миниатюре. Цветы, животные и птицы выполнены условно, но некоторые бытовые детали — реалистично. Например, в контуре постройки видна изба на высоком подклете с двускатной крышей, что характерно для северной русской полосы; одежда крестьянки второй половины XIX в.: рубаха с широкими рукавами, прямой сарафан на лямках, перехваченный поясом.

Несложные по композиции вышивки на бытовые темы или отдельные бытовые мотивы очень часто сочетаются с другими узорами — с условно растительными или зооморфными, а иногда включаются в композиции более древнего типа и располагаются обычно на подзоре или конце полотенца (рис. 2). В таких случаях смысловой связи между мотивами нет, они подчинены лишь определенному орнаментальному ритму (рис. 3а и б).

а

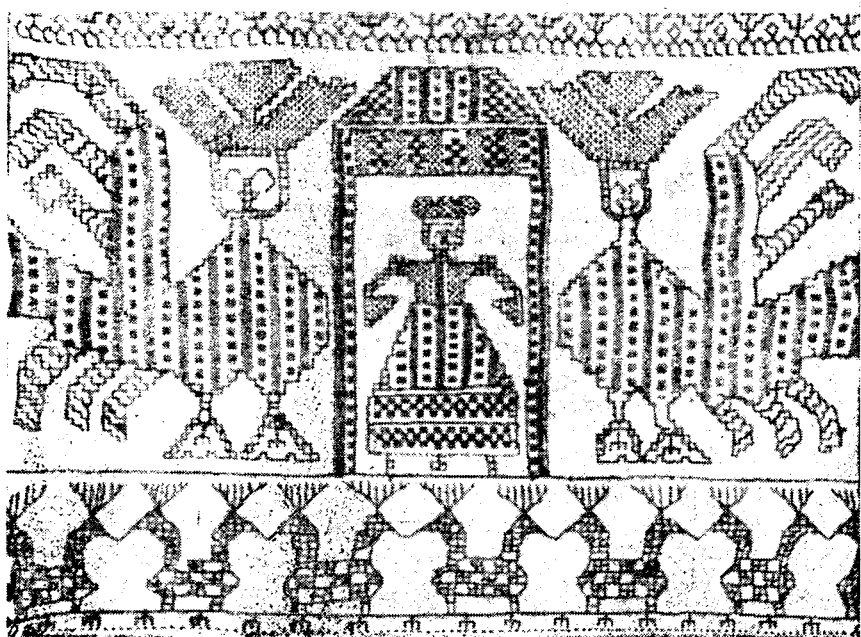

Рис. 3. Вышивки XIX в.: *а* — фрагмент вологодского подзора; шов по письму с разделкой атласниками; *б* — полотенце, вышитое двусторонним швом. Деревня Мегра, бывш. Белозерского уезда Новгородской губернии (Череповецкий краеведческий музей)

К этой группе узоров относим также изображения людей, стоящих (барыни, куклы, солдаты), сидящих или танцующих. Танец, хоровод — один из излюбленных мотивов (рис. 2). Весьма устойчивы также мотивы кареты и парусного судна, терема, башни, храма.

Сопоставление разных вариантов одного и того же мотива раскрывает смысловое значение изображаемого. Так, мотив кареты, как упоминалось, весьма част в сложных композициях, но встречается и как отдельный самостоятельный узор. Исследователи отмечали связь его с усадебным бытом. Об этом свидетельствуют изображение кареты определенного типа, с кучером, лакеем, а иногда с фореитором, костюмы мужчин и дам и т. д. Одна из вышивок (из Ярославского областного музея), выполненная строчкой с разделкой разноцветным шелком, снаб-

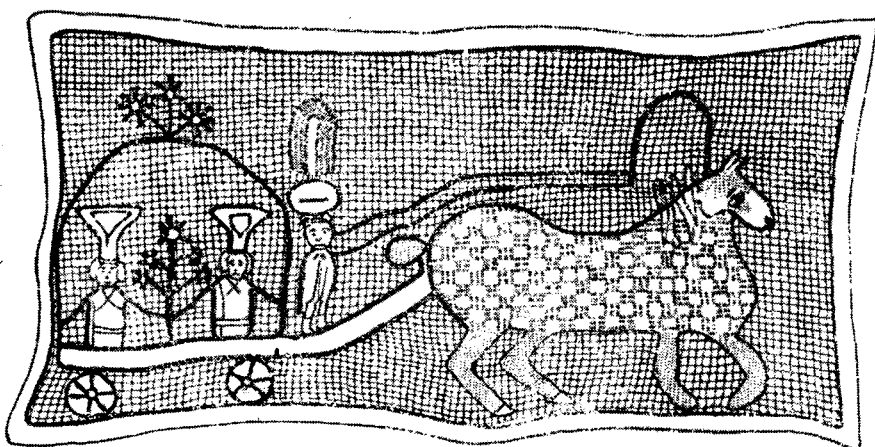
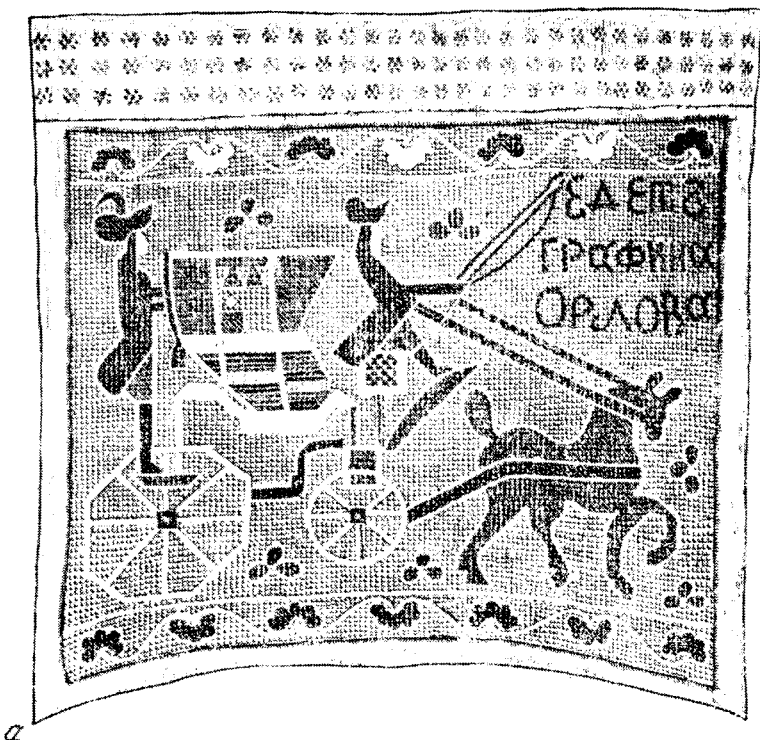

Рис. 4. Мотив кареты в ярославских вышивках; техника — строчка с разделкой раз
 цветным шелком: а — из коллекции Ярославского областного музея, б — из коллек
 Государственного музея этнографии народов СССР

жена надписью, определенно указывающей на изображение в ней д
 рянского выезда. На одном конце полотенца вышиты слова: «Едет гр
 фина Орлова» (рис. 4а), на другом — «Мария Алексиевна».

Однако далеко не всегда мотив кареты в вышивке связан с бытом
 сподствовавших классов. На вышивке, найденной в бывшем Чухломск
 уезде Костромской губернии и хранящейся в коллекции Гос. музея эт
 графии народов СССР, изображена скорее городская извозчицья карет

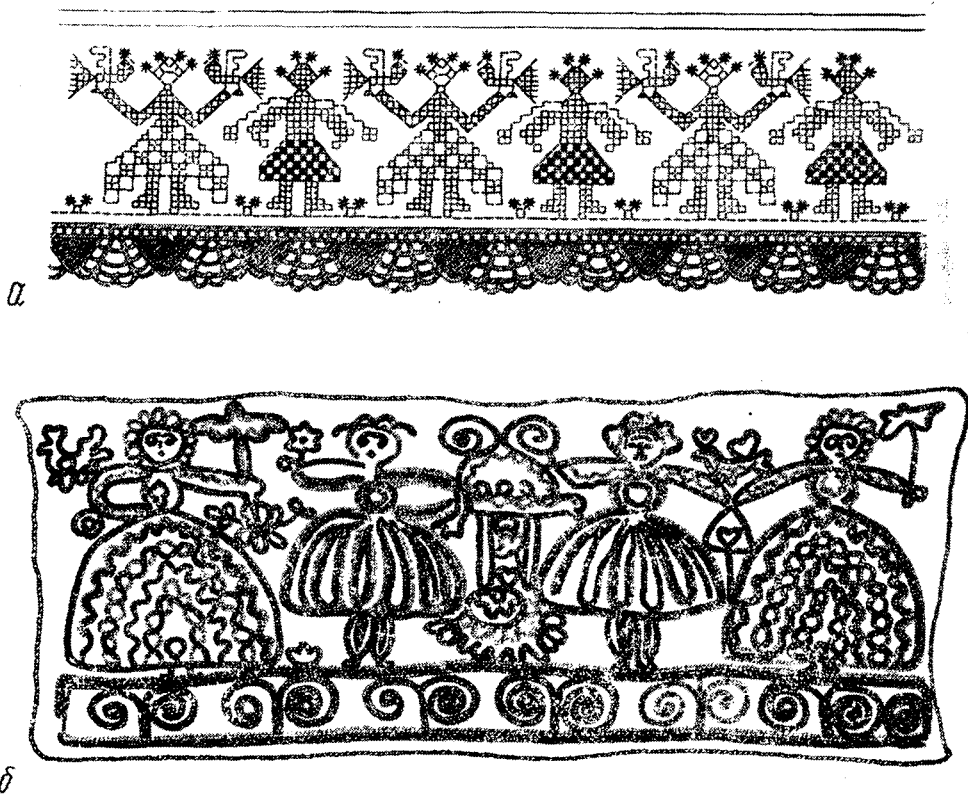

Рис. 5. Вышивка на полотенцах XIX в.: а — двусторонним швом красной нитью. Деревня Мегра бывш. Белозерского уезда (Череповецкий краеведческий музей); б — ярославская вышивка тамбуром (Государственный музей этнографии народов СССР)

мы видим извозчика, сидящего на козлах; в левой руке он держит возжи, а правой как бы приглашает сесть в экипаж (Инв. № 5501—138).

В другой ярославской вышивке, также хранящейся в ГМЭ, мотив «кареты» дан в крестьянской интерпретации, в виде крытого возка, который везет крестьянская лошадка (рис. 46).

Композиционно и стилистически бытовая сюжетная вышивка значительно отличается от вышивки «архаического» типа. В ней больше динамики в изображении людей и животных, стремление отойти от строгих, застывших поз древних мотивов. Некоторые детали на вышивках помогают определить время, социальную среду, в которой происходила та или иная из изображенных сцен. При этом сохранялась обобщенность образов, столь характерная для народного искусства.

Одна из черт сложных бытовых сцен (как уже упоминалось) — повествовательность: нередко на одном подзоре последовательно изображались судьбы героя¹². В ряде случаев бытовые мотивы проникнуты чувством юмора (рис. 5б), а иногда являются гротесковыми (подчеркнуты некоторые особенности костюма, преувеличенно галантные движения дам и кавалеров и т. д.).

Развитие бытовой сюжетной вышивки неразрывно связано с общим направлением развития народного искусства XVIII — XX вв. Ее мотивы

¹² Это неоднократно отмечали многие авторы. См., например, «История русского искусства», М., 1961, т. VI, стр. 443.

перекликаются с орнаментом резных пряничных досок¹³, ярославских прялок-теремков, резных и расписных городецких донцов¹⁴, северных росписей¹⁵, а также с образами скульптуры малых форм из дерева¹⁶, глины¹⁷ и изделий из фарфора. Вышивка имеет свою специфику. Технические возможности ее более ограничены в изображении бытовых сюжетов, чем в некоторых других видах искусства, например в росписи, жанровые сюжеты которой поистине неисчерпаемы.

Теснейшая связь изучаемого типа изобразительного фольклора с устным фольклором выражена весьма четко. Выше упоминалось о сказочных сюжетах в подзорах XVIII — первой половины XIX в. Кроме того, в конце XIX — начале XX в. в вышивках помещались фрагменты песен (которые иллюстрировались), поговорки, посвящения.

Характерные образы свадебных песен — карета и корабль¹⁸. Мотив корабля — символ счастливого, богатой жизни¹⁹. Цветущий сад, населенный птицами, высокие хоромы и многие другие мотивы вышивки также имеют параллели в образах устного поэтического творчества. По мнению В. А. Фалеевой, устное народное творчество питало воображение вышивальщиц²⁰.

Выявить, в какой социальной среде был создан тот или иной бытовой сюжет вышивки, — задача нелегкая, требующая детального исследования. Пока отметим, что в ней наряду с крестьянским творчеством сильно сказались и городское ремесленное производство. Изменения этого рода вышивки проходили в двух планах. Во-первых, в вышивки с «архаичским» сюжетом вносились некоторые бытовые детали, а затем происходило и полное переосмысление древних сюжетов. На новгородской вышивке (рис. 36), выполненной двусторонним швом красной нитью по холсту, многое сохранено от композиции древнего типа: трехчастность с центральной женской фигурой, фризы — верхний — геометрический, нижний — из изображений двухголовых птиц, и т. д. Однако смысловая направленность древнего сюжета нарушена: фигуры связаны друг другом лишь орнаментально. Центральная фигура — явно жанрового характера (о чем говорят и ее поза, утерявшая торжественность, и строгость древнего образа, и платье с чертами моды сравнительно позднего времени). Вышивка на конце полотенца (рис. 5а) представляет такую трансформацию вышивки «архаического» типа. От старой основы сохранились женские фигуры, держащие птиц в поднятых руках, а фигурки с опущенными вниз руками — бытового характера: на плечах — коромысла с ведрами, а платья близки к моде XIX в. Многие вышивки на бытовых сюжетах и в конце XIX в. продолжали строить по традиционной схеме (трехчастной или в виде фриза) и переносить в них отдельные характерные детали прежних узоров. Яркий пример этого — вышивка на конце полотенца из бывшего Крапивинского уезда Тульской губернии. В центре узора — барыня, по обе стороны от нее — конные гусары. Ромбы и розетки (как это было и в композициях с женской фигурой древней

¹³ В. Воронов, Указ. раб., стр. 31, рис. 21; Резьба и роспись по дереву, «Сборника русского народного искусства». Государственный исторический музей, М., 1967, стр. 190, рис. 142.

¹⁴ Там же, стр. 186—187, рис. 140—141; рис. 126—131.

¹⁵ Г. Л. Малицкий, Указ. раб., стр. 24—39; О. В. Круглова, Жанровые росписи русского Севера, «Сообщения Загорского историко-художественного музея-заповедника», Загорск, 1960, стр. 208, табл. 97.

¹⁶ А. А. Авсенок, Жанровые, бытовые мотивы в народной деревянной скульптуре XIX в. «Сб. трудов Научно-исследовательского ин-та художественной промышленности», вып. 3, М., 1966, стр. 166—188.

¹⁷ И. Я. Богуславская, Русское народное искусство (Альбом из собр. Государственного Русского музея), Л., 1968, рис. 48—49.

¹⁸ В. Тонков, Свадебные песни и обряды г. Мезени, Казань, 1931, стр. 35, 46.

¹⁹ Н. П. Колпакова, Русская народная бытовая песня, М.—Л., 1960, стр. 106, 210.

²⁰ «Русское декоративное искусство», т. 2, стр. 624.

извода) разбросаны по свободному полю вышивки и украшают туловище коней²¹.

Подобные изменения в вышивке с бытовыми сюжетами происходили в тех местах, где она была продуктом домашней промышленности и обслуживала потребности самого крестьянства, хотя, конечно, и она не была изолирована от влияния города. Новые черты более всего прослеживаются в крестьянской вышивке конца XIX — начала XX в., выполненной тамбуром, а также крестом, где представлен несложный мир людей, домашних животных и птиц, окружавших крестьянина.

Во-вторых, процесс сильной модернизации вышивки и развитие в ней жанровой сюжетики связан главным образом с ремесленными и промышленными центрами.

Большое значение для распространения бытовой сюжетики в вышивке имел массовый печатный материал: миниатюра, лубок, гравюра и даже картинки из иллюстрированных журналов XVIII — начала XX в., из которых воспринималось наиболее близкое, понятное и затем перерабатывалось вышивальщицами в соответствии с их навыками и наблюдениями над окружающей действительностью. Жанровая сюжетька этого типа, менее связанная, а часто совсем не связанная с традициями вышивки «архаического» типа, проникла и в деревню. Многие авторы из земских деятелей второй половины XIX — начала XX в. отмечают удивительную приверженность крестьян к своим узорам, негодуя по поводу трудности внедрения в крестьянские рукоделия новых орнаментальных мотивов; все же они проникали в деревню, главным образом через создававшиеся школы рукоделия — мастерские, где крестьянские девочки получали навыки.

«География» жанровых сюжетов в вышивке иная, чем «география» ее «архаических» сюжетов. Вышивки последнего типа были распространены преимущественно на северо-западе европейской части России и в некоторых отдельных «очажках» южных областей (Калужской, Тульской, Орловской и др.). Бытовая сюжетька в вышивке несомненно связана с этими же районами (так как «архаические» сюжеты часто переходили в жанровые), но, кроме того, вышивки этого типа изотовлялись во многих городах северной и центральной России.

В XVIII — первой половине XIX в. среди бедной части женского населения городов, пригородных деревень и некоторых сел важным источником существования были занятия различными рукоделиями, в частности вышивкой. В дальнейшем (во второй половине XIX — начале XX в.) некоторые из этих ремесел замирают, другие перерастают в промысел. По обилию и разнообразию бытовых сюжетов вышивки выделяется ряд областей нечерноземной полосы России. Например, Ярославская, Костромская, Вологодская, Новгородская, Горьковская, Московская и некоторые другие.

²¹ См. Л. Н. Бойкова, Тульская народная вышивка в собрании Загорского музея, табл. 100, б, «Сообщения Загорского историко-художественного музея-заповедника», вып. 3, Загорск, 1960.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. М. Кайгородов

ДЕРСУ УЗАЛА ИЗ ДЕБРЕЙ ТРЕХРЕЧЬЯ

(ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРОМ ЭВЕНКЕ)

Уже в раннем детстве многих из нас захватывает любимый герой, который среди других людей выделяется какими-то необыкновенными, только одному ему присущими качествами. Своего героя мы любим, иногда ему завидуем, некоторые из нас стараются ему подражать.

Однако многие нашим герои — книжные, по большей части вымышленные. Мы никогда не встречаем в жизни своих кумиров (разве только в кино), и как бы ни увлекались ими с детства, со временем это увлечение проходит, и в лучшем случае о нем сохраняются лишь приятные воспоминания.

Я не был исключением, хотя и рос в глухой русской деревне, затерявшейся в отрогах Большого Хингана в Маньчжурии. Но я оказался счастливее многих других. Герой моего детства — личность вполне реальная. Я хорошо знал его и до сих пор отлично помню. Чем больше времени отделяет меня от той далекой поры, когда мы вместе бродили с ним по лесу, тем ярче предстает передо мной его образ, тем приятнее воспоминания о нем.

Это был старый эвенк Прокопий Петрович Бульдотов.

Я много раз перечитывал «Дерсу Узала» В. К. Арсеньева, не переставая восхищаться искусством сихотэ-алиньского следопыта. Прокопий же Петрович был не просто следопытом, он не просто умел «читать» следы...

Немногочисленная группа эвенков с конца XIX в. кочевала со своими оленями в таежных дебрях Трехречья, по долине р. Быстрой с ее многочисленными притоками¹. Эти места богаты всевозможным зверьем. Эвенки вели здесь меновую торговлю с русскими крестьянами из левобережных приаргунских деревень, а когда русские заселили Трехречье, эвенки начали торговать с жителями двух самых верхних по Дербулу деревень — Дубовая и Ключевая. Несколько раз в году они выходили к Дубовой и разбивали легкие односкатные палатки в живописной местности на берегу говорливого, кристально чистого Дербукана. Здесь эвенки запасались необходимыми товарами и охотничьим снаряжением. Честные и миролюбивые охотники пользовались в русской деревне уважением и неизменно находили радушный прием в домах своих русских друзей.

По единодушному мнению русских старожилов Трехречья (еще с прошлого века хорошо знавших эвенков), самым необыкновенным из своих соплеменников был Прокопий Петрович Бульдотов. В 30-е годы он был

¹ См.: А. М. Кайгородов, Русские в Трехречье, «Сов. этнография», 1970, № 2.

же стар и болен. По-прежнему неутомимый в ходьбе, с хорошим зрением, он страдал от приступов сильного кашля и очень похудел. Осенью 1939 г. Прокопий Петрович был вынужден принять предложение моего отца и остаться на зиму в нашем доме в деревне.

В тот год я учился в четвертом классе дубовской начальной школы, и теперь в моих воспоминаниях о школьных годах именно эта зима представляется самой необыкновенной и самой интересной, так как она неразрывно связана с дружбой со старым эвенком.

В первые дни своего пребывания в деревне Прокопий Петрович чувствовал себя явно не по себе. Пока было еще тепло, он днем очень редко ставался в избе; эвенк с утра уходил к реке, где неподвижно сидел на берегу или бродил по пойменному лесу, собирая материал для мелких поделок. Дома он усаживался на поленья около плиты и острым охотничьим ножом вырезал деревянные чашки и ложки или мастерил нехитрые игрушки для младшего братишки и сестры. Старик был услужлив, присматриваясь к новому для него деревенскому быту, особенно к домашнему обиходу, старался быть полезным в меру своих сил. Он делал не только чашки и ложки, но и деревянные подставки под сковородки и тюги, мастерски приделывал деревянные ручки к поломанным ножам и вилкам, чинил рукавицы и перчатки.

Старый эвенк утром нередко провожал меня до школы, которая находилась примерно в километре от нашего дома, а вечером, когда я готовил уроки, сидел со мной рядом и перелистывал книги, которые я приносил из небогатой школьной библиотечки. Его очень занимали картины, где изображались звери, птицы и сцены из охотничьей жизни. Рассматривая рисунки, он часто подмечал неточности и доказывал, что в реальной действительности так не бывает. Хорошо помню, что мне никак не удавалось убедить Прокопия Петровича в том, что лев — самый сильный зверь. Эвенк стоял на своем: самым сильным зверем должен быть слон, а со львом и медведь управится!

Неизменное отвращение у старика вызывали обезьяны, которых он почему-то возненавидел, и я старался выбирать такие книги, в которых не было бы рисунков, изображавших обезьян. Помню, как-то я специально для него принес книжечку, в которой описывались различные породы собак. Прокопий Петрович, тщательно изучив рисунки, сделал вывод, что для охоты в тайге пригодна только лайка и, возможно, красивый сеттер, все же остальные, по его мнению, «никуда не годятся».

Познакомившись с картинами природы других широт, старик нашел, что его родные хвойные и березовые леса куда приятнее и лучше, чем роскошные тропические джунгли, а чум, построенный среди лиственниц, несоизмеримо удобнее и привлекательнее роскошного особняка среди тенистого парка.

Вскоре обнаружились такие качества старого эвенка, которые могут показаться читателю прямо-таки неправдоподобными.

В передней комнате нашей избы висели стенные часы с боем. Прокопий Петрович сперва не понимал их назначения, а при резком отсчете времени нередко вздрагивал. Однажды он спросил у отца о назначении этой странной «машины», в которой неведомая сила день и ночь рассказывает «круглую медную бляху». Отец рассказал в общих чертах о строении механизма, хотя и сам-то плохо в нем разбирался. Прокопий Петрович быстро понял суть дела, но самое интересное заключается в том, что он и сам почти безошибочно чувствовал время и определял его в любое время суток с невероятной точностью. Расстояние между цифрами на циферблате в пять минут он называл «переходами». Бывало, спросят его на улице: «Сколько сейчас времени?» — «Без трех переходов шесть» (т. е. без четверти шесть), — безошибочно ответит Прокопий Петрович.

Часов в деревне было мало, а радио, по которому можно было бы верить время, и вовсе не было. Часы, если они останавливались, стави-

ли по календарю, ориентируясь на время захода и восхода солнца. С явлением же такого точного «справочника», как Прокопий Петрович, эта проблема (по крайней мере для нашей семьи) значительно облегчилась.

Мне кажется, что эту особенность старого эвенка можно объяснить его необыкновенной наблюдательностью, умением подмечать, казалось бы, самые неприметные детали. У людей, проводивших всю свою жизнь в глухой дикой тайге, выработалось особое умение ориентироваться в окружающей среде, в том числе и чувство времени. Прокопий Петрович обладал незаурядным умом, великолепно владел мастерством следопыта, которое передавалось из поколения в поколение.

Но, пожалуй, еще более удивительная история произошла с термометром. На открытой веранде нашего дома висел термометр, вероятно единственный на всю деревню. Прокопий Петрович вначале тоже не понимал назначения этого крошечного прибора и подолгу останавливался всматриваясь в ртутный столбик. Вскоре, однако, он без всякой посторонней помощи разобрался, в чем дело, и мог не только безошибочно определять температуру воздуха (не видя термометра), но и с непостижимой точностью предсказывать, какая температура будет на следующий день утром и вечером. Кстати, замечу, что зима в Трехречье крайняя суровая.

Это был человек поразительной наблюдательности. Он не просто «читал» следы, что обычно умеет делать любой из его соплеменников. С ним был следопытом-психологом, совершенно захватившим мое детское воображение. Я до сих пор уверен, что это был человек необыкновенный, очень сожалею, что судьба не свела его с талантливым исследователем типа В. К. Арсеньева.

Присмотревшись к моим школьным занятиям, Прокопий Петрович уяснил себе многое: часы начала и конца занятий, систему оценки знаний (5—это хорошо, 4—похуже, 3—так себе, 2—совсем никуда не годится). Он понимал, что если я вовремя («четвертый переход к двум») не возвращаюсь домой, то это означает, что меня наказали. Когда я из школы прибежал домой, а Прокопию Петровичу случалось видеть мои свежие следы во дворе или на ступеньках крыльца, он точно угадывал, какую отметку я принес сегодня домой. Можно предположить, что школьники, получившие пятерку, бегут домой «вприпрыжку», а с двойками, наоборот, идут крадучись. Но Прокопий Петрович каким-то образом узнавал, когда я приносил тройки, четверки, и притом всегда безошибочно. Именно здесь, как нигде, сказывался в нем следопыт-психолог.

Многие дубовские ребята (в том числе и я) осенью и зимой увлекались ловлей косачей (тетеревов). Способы их ловли были очень эффективны, просты и доступны даже ребятишкам. Иногда мы прогуливали школьные занятия и вместо школы отправлялись в поле или в «наволоки» (так называли в Трехречье пойменные леса) осматривать настороженные ловушки. Пойманных в неурочное время тетеревов мы обычно относили китайским лавочникам и обменивали на сладости или медяки. К времени окончания школьных занятий мы стремились покончить со всеми делами и, забрав свои сумки, припрятанные в укромном местечке, смешиваясь с толпой школьников, возвращались домой.

Вечерами после подобного «прогула» я особенно усердно готовил уроки. Родители мои обычно ничего не подозревали. Другое дело старый эвенк. Он сидит рядом и вдруг таинственно скажет, растягивая слова: «Однако ты, паря, сегодня в школе-то совсем...ем не был». Как он узнавал? Может быть, замечал более чем обычно загоревшее лицо или находил на одежде соломинку или веточку? Так или иначе, для меня это до сих пор непонятно.

По следам человека он безошибочно определял его национальность, возраст, характер и даже настроение. По следу упряжной лошади он узнавал, тяжела ли была поклажа, насколько усталой была лошадь. Сле-

дов собаки было достаточно для определения ее охотничьих качеств, возраста. Я уже не говорю о следах зверей, в которых старый эвенк разбирался великолепно.

Мне никогда не забыть следующий случай. В наш огород повадились ходить соседские козы. Правда, дело было зимой, и в огороде ничего не росло, но козы безжалостно обгладывали деревья и без того небольшого садика при нашем доме. Мы с младшим братишкой Васей решили проучить их и, поймав двух из них, отпилили каждой по одному рогу.

Сделали мы это очень осторожно, и наша проделка не была замечена даже Прокопием Петровичем. Закончился день, за ним прошел следующий, и мне стало казаться, что все обошлось хорошо: ни от своих, ни от соседей наказания не последует. На третий день в полдень мы со стариком возвращались из лесу (день был воскресный), и вдруг, подходя к воротам ограды, эвенк неожиданно заметил: «Однако пришла эта старуха (он кивком головы показал на соседский дом) и шибко-шибко сердита». Сердце мое учащенно заколотилось. И действительно, робко войдя в избу, я сразу же услышал: «Это ты с Васькой обезобразил моих коз, завтра же пойду жаловаться учительше!».

Много лет спустя мы с отцом разговаривали об этом случае. Он рассказал мне, что опытные эвенки, такие, как Прокопий Петрович, наткнувшись в лесу на след другого охотника, могут безошибочно определить, идет ли он охотиться или возвращается с охоты домой. При этом следопыты узнавали, удачной ли была охота, а зимой во время белковья даже ориентировочно определяли, сколько было убито за день белок. Подобное мастерство отец объяснял отличной памятью и наблюдательностью эвенков.

Во время совместных прогулок по лесу старый эвенк со старанием самого добросовестного учителя раскрывал мне тайны природы, учил «читать» следы зверей и птиц, повадки которых он прекрасно знал. Идем как-то по следу зайца, и Прокопий Петрович как по писаному читает: «Вот здесь заяц бежал совершенно спокойно, не чуя абсолютно никакой опасности. На опушке он на секунду остановился, «решив» пройти **пря-**миком через поле к месту кормежки. А вот здесь заяц испугался вороны, которая сидела вон на той ветке и неожиданно каркнула... Заяц изменил маршрут и пошел к месту кормежки лесом». Действительно, след зайца, едва он выскочил на чистое место, обрывался и уходил влево в заросли ольховника, а на одной ветке коряжистой осины, что стояла справа, несколько на отшибе, не было снега. Видимо, тут и сидела ворона.

Однажды солнечным морозным днем мы с Прокопием Петровичем и еще одним русским стариком отправились в «наволок» рубить прутья для хозяйственных нужд. Однако в намеченном месте кто-то уже успел побывать. Эвенк сразу же определил, что утром сюда приходил паренек лет тринадцати, русский, из бедной семьи, в длиннополом козляке (тулупе), в косматой бараньей шапке. Прутья он рубил для ловушек на косачей, но до конца дело не довел, так как у него сильно стали мерзнуть руки и ноги. Заметив наше недоумение, Прокопий Петрович, сделал следующее разъяснение (передаю его разъяснение своими словами):

— По величине следа видно, что ему 12—13 лет. Только русские, к тому же из бедных семей, зимой ходят в ичихах, а у этого ичиги еще и заплатаны, на левом носке образовалась дыра: видишь, стелька торчит. Да и рукавицы плохие, все в заплатах, это видно по отпечаткам на оставленном пруте. Когда он рубил, то слегка нагибался, и на снегу остались следы от кромок тулупа. Хорошо видно, что тулуп козий, так как отпечатки шерсти очень короткие (шерсть дикой козы гораздо короче шерсти домашней овцы). Он зацепил шапкой ветку, и она упала. Вот ее след, на котором хорошо видны тонкие мазки от длинной бараньей шерсти, а на суку остался небольшой клочок. Прутья он выбирал ровные, толщиной в палец, а именно такие идут на изготовление ловушек. Здесь у

него вывалилась стелька (он показал на мятый клочок сухой травы), ноги у парня начали мерзнуть, и, забрав нарубленные прутья, он поспешил домой. По числу срубов видно, что прутьев для изготовления ловушки не хватит.

Безо всякого труда я узнал в описываемом мальчике своего ровесника, который жил на противоположной стороне улицы недалеко от нашего дома. По известным только одному ему признакам эвенк сумел подметить, что ичиги на мальчике шиты грубой, не протертой варом драгвой, а топор его тяжел и давно не точен.

О мастерстве Прокопия Петровича как охотника рассказывали целые легенды, и это в то время, когда каждый эвенк был отличным охотником, да и русские в тех местах почти не уступали эвенкам в своем мастерстве.

Интересно, что в 1901 г., когда у трехреченских эвенков в результате эпизоотии погибло все поголовье оленей, и охотники, лишившись транспорта, были вынуждены несколько лет жить в русской деревне, пока русские власти не помогли им снова обзавестись оленями, Прокопий Петрович сумел приручить двух лосей и продолжал оставаться в тайге. На сколько мне известно, это была единственная попытка (причем весьма удачная) использования трехреченскими эвенками лосей для хозяйственных нужд. Прокопий Петрович рассказывал, что лоси оказались очень выносливыми и сильными, но в то же время чрезвычайно ленивыми животными. От чума они никуда не отходили, и стоило оставить стойбище без присмотра взрослого человека, как лоси разбивали поты (сумы) пожирали муку, хлеб, соль и другие продукты. Поэтому, когда с Амура были получены новые олени², Прокопий Петрович поспешил немедленно избавиться от лосей, сослуживших ему неплохую службу.

Память моя сохранила несколько рассказов об охотничьей удаче моего старого друга. Вот один из них.

Зима 1923 г. в районе реки Быстрой, где кочевала семья Прокопия Петровича, ознаменовалась необыкновенно ранним и очень глубоким снегом. В тайге появилось много волков. Они бродили большими стаями, безжалостно истребляя стада изюбрей и козюль. Нередко жертвой хищников становился и сохатый — могучий хозяин тайги. Лоси, спасаясь от волков, ушли высоко в гольцы (высокие сопки с безлесными вершинами в верховьях рек и на водоразделах), где снега было мало, изюбри же держались ближе к неприступным скалистым местам и в случае нападения хищников спасались высоко на утесах, так называемых «отстоях».

Плохо приходилось эвенкам в ту зиму. Олени с трудом добывали корм и сильно ослабли, к тому же их приходилось оберегать от хищников. Голод и разорение грозили семьям охотников.

Прокопий Петрович преследовал стадо изюбрей вместе с волками. Волки были справа, слева и спереди, и эвенку временами казалось, что он и сам превратился в волка. Хищники разрывали ослабевших животных на глазах у охотника, скользившего мимо них на своих широких лыжах, и обращали на него мало внимания. Наконец, Прокопий Петрович дошел до отстоя, куда в надежде найти спасение с трудом забрались остатки стада. Охотник избрал удобную позицию и с одного раза снял семнадцать зверей. Такого в истории охоты эвенков никогда не бывало. Разложив несколько больших костров около убитых животных, чтобы спасти их туши от хищников, эвенк забрал наиболее ценные рога (они еще не опали), вернулся к стойбищу и попросил всех мужчин помочь ему вывезти богатую добычу. На обратном пути было убито несколько волков.

² См. А. М. Кайгородов, Эвенки в Трехречье, «Сов. этнография», 1968, № 4.

Вспоминая этот случай, Прокопий Петрович не столько хвалился удачной охотой, сколько тем, что спас многие семьи от неминуемого голода.

В декабре, когда эвенки вышли к деревне, отцу с большим трудом удалось уговорить старика переждать морозы и не возвращаться в тайгу. Уж очень скучал старик по родным стойбищам, по оленям. Он с нетерпением ждал марта, когда эвенки снова выйдут за товарами и охотничьим снаряжением. Здоровье его между тем несколько улучшилось.

В марте он сказал отцу, что побудет с родными несколько дней, а затем снова вернется в деревню. Однако он не выполнил своего обещания и ушел в тайгу. Летом мы узнали, что Прокопий Петрович умер еще в мае и похоронен у подножия самой высокой горы бассейна р. Быстрой — гольца Окольдой.

Я долго хранил искусно сделанный моим другом пенал для ручек и карандашей. В нем было много отделений, в том числе одно потайное, куда я клал мелкие монетки. На одной стороне пенала каленой иглой были выжжены моя сельская школа и я, бегущий с сумкой. На другой стороне выжжен чум, около которого пасутся олени, а около костра стоит сам Прокопий Петрович. Изображения были сделаны с высоким мастерством, и я очень жалею, что этот пенал не сохранился.

ВСЕСИБИРСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

23—26 марта 1970 г. в Новосибирске состоялась Всесибирская научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Она была организована Объединенным ученым советом Сибирского отделения АН СССР по историко-филологическим и философским наукам, Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР.

Открытие конференции совпало с «Днем науки», который проводил Институт истории, филологии и философии в связи со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина; в ее работе приняло участие свыше 1000 ученых, пропагандистов, советских и партийных работников. На секциях было заслушано около 200 докладов и сообщений.

Во вступительном слове А. П. Окладников отметил значение бессмертных ленинских идей для развития науки в Сибири и, в частности, для развития гуманитарных наук.

На пленарном заседании с докладами выступили А. П. Окладников («Прошлое Северной и Центральной Азии в свете идей В. И. Ленина»), В. М. Чхиквадзе («Ленинское учение о социалистической демократии и современность»), Л. С. Гапоненко («В. И. Ленин о революционном творчестве российского пролетариата»), В. Ф. Голосов («Человек и мир в философской теории Маркса — Ленина»), В. М. Селунская («Вопросы социальной структуры советского общества переходного периода в трудах В. И. Ленина»), Г. Е. Рейхберг и Г. Я. Тарле («В. И. Ленин и США»), Б. Г. Могильницкий («В. И. Ленин об историческом опыте»).

Докладчики говорили о величии бессмертных идей В. И. Ленина и их значении для строительства социализма и коммунизма, для развития науки в нашей стране.

В Академгородке 24—26 марта состоялись заседания шести секций истории: «Великая Октябрьская революция и гражданская война», «Культура и идеологическая работа», «Промышленность и рабочий класс», «Сельское хозяйство и крестьянство», «Советское национальное строительство», «История Сибири досоветского периода», а также заседания секций филологии, философии и социологии.

Сотрудники Института этнографии АН СССР приняли участие в работе секции «Советское национальное строительство», на заседаниях которой было заслушано 16 докладов и 2 сообщения.

В докладе Л. П. Пятакова (Ленинград) «Значение ленинского теоретического наследия для советской этнографии» говорилось об опромном влиянии идейно-теоретического наследия В. И. Ленина на исследовательскую работу советских этнографов и о роли этого учения для создания советской школы этнографов, для теоретических и конкретных историко-этнографических исследований ленинского обоснования категории общественно-экономической формации, учения о конкретных общественных формациях и общественно-экономических укладах. Докладчик отметил, что овладение советскими этнографами марксистско-ленинской методологией способствовало открытию и изучению патриархально-феодальных отношений у скотоводов-кочевников Средней Азии, Казахстана, Южного Приуралья и Сибири, а также исследованию форм общины и производственных объединений, пережитков родового строя у охотников, оленеводов и рыболовов Крайнего Севера, что, в свою очередь, имело большое значение для выработки классовой политики Советской власти при строительстве социализма у этих народов.

Б. Ц. Санжиев (Иркутск) в докладе «Вопросы национальной консолидации народов Сибири в свете ленинской теории наций» отметил сложность процессов консолидации сибирских народов в связи с их различным экономическим развитием до революции. Докладчик указал, что при изучении этих вопросов нужно руководствоваться ленинской теорией наций. Консолидация ранее отсталых народов в социалистические нации и народности — закономерный процесс. Решение национального вопроса в нашей стране — это, прежде всего, ликвидация экономического и политического неравенства народов, создание реальных условий для национальной консолидации отсталых ранее

народов (общность территории и экономической жизни, преодоление замкнутости общественных связей, развитие национальной культуры и языка). Докладчик напомнил марксистское положение о том, что развитие каждой нации и народа проходит не изолированно друг от друга, а в условиях взаимного обогащения культур этих народов, каждый народ вносит свой вклад в сокровищницу мировой культуры.

Ю. Б. Стракач (Новосибирск) в докладе «Ленинские идеи о национально-территориальной автономии и народы Севера, Сибири и Дальнего Востока» осветил ряд вопросов, связанных с совершенствованием национальной государственности народов Сибири в соответствии с ленинскими идеями об автономности областей, населенных определенными народами, о равенстве языков, своеобразии культуры отдельных народов, защите прав малых народов. Докладчик сказал также о значении идеи о праве наций на самоопределение, которая была претворена в жизнь путем создания советских республик и национальных автономий. Он рассказал также о результатах проведения государственных мер, направленных на развитие малых народов Севера. Ю. Б. Стракач отметил сложность, встречающуюся при осуществлении автономии малых народов (малочисленность некоторых из них, обширность занимаемой территории, ее слабая хозяйственная освоенность), указал на зависимость выбора типа автономии от уровня развития народа, а также наметил пути дальнейшей теоретической разработки вопросов, связанных с национально-территориальной автономией и совершенствованием ее форм.

И. С. Гурвич (Москва) выступил с докладом «Принципы ленинской национальной политики и применение их на Севере». Большое место в многогранной деятельности В. И. Ленина, отметил докладчик, занимает национальный вопрос. И. С. Гурвич подчеркнул, что успехи социалистического строительства на Севере еще раз подтверждают правильность ленинского учения о возможности некапиталистического пути развития остальных народов. Далее докладчик сказал о том, что на протяжении более чем 50 лет Советской власти партия и правительство неуклонно проводили в жизнь на Севере ленинские указания о необходимости строгого учета уровня социально-экономического развития народов, бережного отношения к национальной культуре и национальным традициям, учета конкретных местных условий в национальной политике. Это можно видеть на примере остальных в прошлом малых народов Севера, перешедших от первобытнообщинных, патриархальных отношений к социализму. Докладчик рассказал также о развитии хозяйства и культуры малых народов Севера в послевоенное время.

Обстоятельный доклад на тему «В. И. Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока» сделал В. В. Ким (Кемерово). Он подчеркнул значение работ В. И. Ленина для национально-освободительного движения в странах Востока, отметил роль пролетариата в национально-освободительных движениях. Особое внимание докладчик уделил ленинской теории некапиталистического пути развития ранее отсталых народов, подчеркнув ее значение для своеобразно развивающихся национально-освободительных движений в странах Азии и Африки. В связи с этим он высказал также мнение о наличии разных форм некапиталистического пути развития.

Н. Д. Шулунов (Улан-Удэ) в докладе «В. И. Ленин — основатель Бурятской Советской Автономии» говорил об истории создания Бурятской автономии, о роли В. И. Ленина в разработке вопросов национального строительства в восточных районах страны и о его участии в решении вопроса об автономии бурят, о помощи великого русского народа в создании Бурятской автономии. Докладчик отметил, что за 46 лет существования советская Бурятия из отсталой окраины царской России превратилась в крупную индустриально-колхозную республику.

Л. Е. Киселев (Тюмень), выступивший с докладом «В. И. Ленин и Север», отметил, что спасением от вымирания, возрождением и расцветом культуры народы Севера обязаны успешному осуществлению поставленных В. И. Лениным задач.

Большое значение для строительства социализма у малых народов Севера имели указания В. И. Ленина о необходимости постепенного завоевания масс, осторожности и терпения в работе с отсталыми ранее народами. Огромную помощь в строительстве социализма на Крайнем Севере местным коммунистам оказали коммунисты России. Докладчик отметил значение деятельности Народного Комиссариата по делам национальностей и подотделов национальных меньшинств.

В докладе Ю. П. Прибыльского (Тобольск) «В. И. Ленин и проблемы освоения Крайнего Севера» были поставлены следующие вопросы: оценка научного изучения Обского Севера в первые годы Советской власти, итоги хозяйственного развития Северо-Западной Сибири, проблемы экономического развития Северо-Западной Сибири на современном этапе. Докладчик рассказал о первых комплексных исследованиях на Обском Севере и о внимании к ним В. И. Ленина. Большое место в докладе было уделено вопросам развития рыбной промышленности на Севере за годы Советской власти, проблемам охраны природы и всестороннего использования природных ресурсов.

В докладе Ч. М. Таксами (Ленинград) «Ленинская национальная политика и подготовка кадров из малых народов Сибири и Дальнего Востока» было подробно рассказано о деятельности Института народов Севера, северного отделения Педагогического института им. А. И. Герцена, местных педагогических и других училищ, об их значении в деле создания квалифицированных кадров из числа представителей малых народов Севера. Докладчик остановился на трудностях, связанных с подготовкой кадров национальной интеллигенции и созданием и развитием национальной письменности и литературы.

Г. М. Василевич (Ленинград) в докладе «Традиционное в современном быт эвенков» говорила о поездке к вилюйским и верхне-алданским эвенкам осенью 1968 у которых она проводила этнографические исследования еще в 1947 г. На приж жизни и деятельности колхозников из двух эвенкийских колхозов Г. М. Василевич показала, каких хороших результатов добились малые народы благодаря ленинской национальной политике — это успехи в жилищном строительстве и благоустройстве селков, в повышении материального уровня жизни и развитии национальной культуры.

В докладе В. И. Васильева (Москва) «Основные пути развития коренных родностей Обь-Енисейского Севера в связи с промышленным освоением этих районов» были затронуты важные проблемы единства промышленного и сельскохозяйственного развития Обь-Енисейского Севера. Отметив высокие темпы роста промышленности край докладчик указал на необходимость комплексного подхода к решению проблем развития этого региона, учета интересов местного промыслового хозяйства, имеющего большое значение как для коренного населения, так и для населения, занятого в промышленности. В. И. Васильев охарактеризовал также роль хозяйственной деятельности родов Севера в народном хозяйстве страны.

А. В. Смоляк (Москва) в докладе «Достижения и перспективы развития национальной культуры народов Нижнего Амура» отметила успехи в развитии хозяйства и культуры народов, живущих по Нижнему Амуру. Она указала, что у народов этого региона развивается национальная культура и искусство, возрождаются некоторые стороны традиционной материальной и духовной культуры. А. В. Смоляк говорила также о задачах дальнейшего развития у этих народов художественной самодеятельности, декоративного прикладного искусства.

Доклад В. А. Тимохина (Новосибирск) «Школьное строительство у народов Нижнего Амура» был посвящен успехам школьного строительства у народов Амура и роли национальных школ и интернатов в обучении и воспитании учащихся. Докладчик остановился также на проблемах и задачах дальнейшего развития школьного дела в этих районах.

В докладе З. П. Соколовой (Москва) «Ленинская национальная политика и развитие форм национальной культуры на Обском Севере» сообщалось о развитии национальной культуры среди хантов и манси, освещались также вопросы сохранения традиционных элементов в материальной и духовной культуре обских угров, развития их национальной письменности, литературы, искусства, фольклора и спорта.

В. И. Бойко (Новосибирск) в докладе «Социальная мобильность народов Нижнего Амура в свете ленинской национальной политики» говорил о значении социологических методов в изучении перспектив развития малых народов Сибири (особенно в связи с промышленным развитием Сибири, научно-технической революцией), а также о результатах применения этих методов в исследовательской работе на Амуре.

На секции были заслушаны также доклад Е. И. Убратовой «Язык будущего и языки народов Сибири», а также сообщения С. Н. Оненко «Родной язык в школьном обучении» и А. И. Масина «О писаницах Амурской области».

Е. И. Убратова (Новосибирск), дав характеристику современным теориям создания всеобщего языка, подробно остановилась на высказываниях В. И. Ленина о развитии языков. Она напомнила присутствующим высказывание В. И. Ленина о равенстве всех наций и языков, и подчеркнула, что он отрицательно относился к требованию введения одного государственного языка. Вместе с тем, В. И. Ленин говорил о том, что потребности экономического общения вызовут быстрое распространение какого-то одного языка, который все примут добровольно.

С. Н. Оненко (Новосибирск), подчеркнув значение русского языка как средства общения народов, рассказал о работах по исследованию роли родных языков при обучении в школах Амурской области. Он сделал вывод о том, что ученики подготовительных и начальных классов лучше усваивают материал, если преподавание ведется на родном языке.

А. И. Масин (Новосибирск) предложил собравшимся интересные материалы писаницах Амурской области, относящихся к разным периодам истории.

Выступавшие в прениях отметили четкую организацию конференции. Все участники конференции высказались за более тесные и систематические контакты между этнографами, историками и социологами, изучающими проблемы национального развития народов Сибири.

Конференция призвала ученых, занимающихся гуманитарными науками, в частности ученым, изучающих историю Сибири и ее народов, усилить исследовательскую работу в области изучения наследия В. И. Ленина.

Участники конференции осмотрели постоянно действующую археолого-этнографическую выставку-музей в помещении Института истории, филологии и философии СО АН СССР, а также выставку гуманитарной литературы, подготовленную Государственной публичной научно-технической библиотекой СО АН СССР.

З. П. Соколова

НАУЧНАЯ СЕССИЯ «ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»

20—23 мая 1970 г. в столице Чувашской АССР г. Чебоксарах проходила зональная научная сессия Отделения истории АН СССР и Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР на тему «Торжество ленинской национальной политики», посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и 50-летию Чувашской АССР.

В работе сессии принимали участие философы, историки, этнографы, социологи, языковеды из разных городов нашей страны, а также члены Чувашского обкома и Чебоксарского горкома КПСС, секретари районных и городских комитетов партии, председатели исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся, руководители министерств и ведомств, пропагандисты, деятели науки и культуры Чувашии.

Сессию открыл первый секретарь Чувашского обкома КПСС Н. А. Воронков, пожелавший всем участникам сессии плодотворной научной работы.

Председательствовавший на первом пленарном заседании Ю. В. Бромлей (Москва) в своем вступительном слове охарактеризовал основные задачи научной сессии, обратив особое внимание на необходимость творческого освоения теоретического наследия В. И. Ленина.

На пленарном заседании 20 мая с докладом «Ленинский путь разрешения национального вопроса в СССР» выступил М. П. Ким (Москва). Докладчик подробно говорил о значении теоретического наследия В. И. Ленина в области национальных отношений и о результатах мероприятий, проведенных по указанию вождя, о роли В. И. Ленина в развитии марксистского учения по национальному вопросу. Далее М. П. Ким подчеркнул, что, несмотря на успехи, достигнутые в национальной политике, перед страной стоят задачи дальнейшего укрепления единства наций, их сближения. Он напомнил также слушателям марксистское положение о том, что национальный вопрос на разных этапах своего развития имел различное содержание и значение. В настоящее время в нашей стране содержание понятия «национальный вопрос» включает и укрепление межнационального единства и сближение наций.

С докладом на тему «Подъем экономики и культуры Советской Чувашии — яркий пример торжества ленинской национальной политики КПСС» перед участниками сессии выступил секретарь Чувашского обкома КПСС И. П. Прокопьев, подробно рассказавший об успехах экономики и культуры Чувашской АССР в ходе социалистического строительства и о дальнейшем развитии социалистических наций в период перехода от социализма к коммунизму.

Доклад Т. Ю. Бурмистровой (Ленинград) «В. И. Ленин о законах развития наций в условиях перехода общества к социализму» был посвящен рассмотрению ленинских положений о закономерностях развития наций и межнациональных отношений, а также вопросам взаимосвязи и взаимообусловленности процесса сближения наций и процесса интернационализации. Т. Ю. Бурмистрова подчеркнула, что В. И. Ленин не отождествлял эти качественно различные процессы.

С. И. Якубовская (Москва) в докладе «Основные этапы истории национально-государственного строительства в СССР» большое внимание уделила руководящей роли КПСС в деле претворения в жизнь правовых основ советской национальной государственности и ликвидации фактического неравенства наций.

С содержательным докладом на тему «Этнические аспекты национальных отношений в СССР» на пленарном заседании выступил Ю. В. Бромлей (Москва). Докладчик отметил, что этнические процессы — это процессы изменения всех главных элементов этноса, которые для членов данного этноса могут выступать в форме, с одной стороны, языково-культурных явлений, с другой — этнического самосознания, и что в будущем можно будет, видимо, ожидать более широкого распространения некоторых общечеловеческих этнических признаков.

В докладе М. И. Исаева (Москва) «Ленин и решение национально-языковых проблем в Советском Союзе» основное внимание было уделено вопросам развития языка в период социалистического строительства в нашей стране. Докладчик отметил большую роль советских ученых-языковедов в разрешении многочисленных языковых проблем, особенно в первые годы Советской власти.

Указав на сложнейшую работу по созданию алфавитов у народов, никогда их не имевших, и усовершенствованию почти всех письменностей, М. И. Исаев отметил, что успех советских языковедов во многом объясняется марксистско-ленинской методологией, а также применением в работе социологических методов исследования.

Работа пленарного заседания завершилась докладом Д. А. Чугаева (Москва) «Некоторые проблемы историографии национально-государственного строительства в СССР». Докладчик подробно рассказал об успехах в области исследований формирования национальной государственности народов СССР, о том, что за последние 10—15 лет по этому вопросу было издано более 150 работ, обогативших историческую

науку. Однако, по мнению докладчика, теперь перед учеными стоит задача раскрыть особенности проявления общих закономерностей развития национальной государственности в различных районах страны, а также создания обобщающих трудов по стране в целом.

Дальнейшая работа научной сессии проходила по трем секциям.

На первой секции «Марксистско-ленинская теория по национальному вопросу Национально-государственное строительство в СССР» обсуждались следующие проблемы: «Национальная государственность и этапы ее развития в советском обществе», «Национальное самоопределение и консолидация наций», «Интернациональное воспитание и дружба народов», «Борьба против буржуазных фальсификаций решения национального вопроса в СССР», «Историография национально-государственного строительства».

На секции было заслушано 5 докладов и 15 сообщений. С докладами выступили: Б. Х. Юлдашбаев (Уфа) «Нация и национальная государственность в марксистско-ленинском освещении», И. А. Васькин (Саранск) «О двух направлениях формирования социалистических наций в СССР», Э. В. Тадевосян (Москва) «В. И. Ленин и советская национальная государственность», И. Д. Кузнецов (Чебоксары) «Первый этап национального самоопределения народов Поволжья и Приуралья», М. В. Румянцев (Чебоксары) «Образование советской национальной государственности чувашского народа и основные этапы ее развития». На секции были также заслушаны сообщения А. М. Юлдашбаева (Москва), Е. А. Зайцевой (Донецк), Х. Х. Лукманова (Казань), М. К. Мухарямова (Казань), Н. М. Семенова (Чебоксары), В. И. Машезерского (Петрозаводск), И. Г. Григорьева (Чебоксары), В. М. Серебрякова (Горький), Т. А. Сафарова (Уфа), М. В. Дорожкина (Саранск) и др. Большой интерес вызвало на секции сообщение Г. А. Варюхина «Историография национально-государственного строительства в Чувашии».

Вторая секция «Ликвидация фактического неравенства и выравнивание уровней экономического и культурного развития народов СССР» занималась изучением мероприятий, проведенных КПСС для ликвидации экономической и культурной отсталости некоторых народов СССР. На секции было заслушано 9 докладов и 11 сообщений по следующим темам: «Общие методологические и теоретические вопросы ликвидации фактического неравенства наций», «Проблемы выравнивания уровней экономического развития наций», «Процесс интернационализации и выравнивание уровней культурного развития наций», «Критика фальсификаций буржуазной историографии».

С докладами выступили: В. Н. Любимов (Чебоксары) «Учение В. И. Ленина о ликвидации фактического неравенства народов и претворение его в жизнь», Ш. М. Еналеев (Казань) «Осуществление ленинской идеи фактического равенства народов в Татарской АССР», П. К. Кузнецов (Пермь) «Выравнивание уровней культурного развития народов СССР в период строительства коммунизма (по материалам Удмуртской АССР)», Л. М. Дробизева (Москва) «Об изучении уровня культурного развития союзных и автономных республик» и др.

На третьей секции «Этнические процессы и национальные отношения в СССР» было заслушано 19 докладов и сообщений, освещавших следующие проблемы: «Социально-классовая структура наций», «Закономерности развития национального самосознания», «Различные стороны этнических процессов, проявляющиеся в семейных, групповых, межнациональных и иных сферах», «Межнациональные связи и пути сближения наций», «Закономерности развития языков и культур народов СССР».

Большой интерес у всех ученых, принимавших участие в работе третьей секции, вызвал доклад Л. Н. Терентьевой (Москва) «Исследование семьи народов Поволжья и Приуралья в аспекте этнических процессов». Особенно подробно Л. Н. Терентьева говорила о частоте межнациональных браков и об определении подростками из национально-смешанных семей своей национальной принадлежности.

Доклад М. Н. Губогло (Москва) «Ленинская национальная политика и проблема языка межнационального общения у народов Поволжья» был посвящен изучению связи между двуязычием и межнациональными установками, лежащими в основе этнического самосознания.

На секции с докладами также выступили: В. В. Пименов (Москва) «Некоторые черты национального самосознания удмуртов», С. С. Савоскул (Москва) «Культура и интернационализм», Е. И. Кlementьев (Москва) «Некоторые вопросы изучения социальной структуры и национального самосознания (на материалах Карельской АССР)», В. С. Кондратьев (Москва) «Социально-этническая структура и социальный рост сельской молодежи Поволжья», К. Н. Хабибулин (Уфа) «О некоторых закономерностях развития национального самосознания в условиях социализма» и др.

Работа сессии была завершена на пленарном заседании 22 мая, на котором с отчетами о работе секций выступили Д. А. Чугаев, Т. Ю. Бурмисрова, Л. Н. Терентьева. На этом же заседании единогласно были приняты рекомендации, подготовленные в ходе работы научной сессии.

В. С. Кондратьев

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1969 ГОДА

С 11 по 17 марта 1970 года во Львове проходила сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1969 года. Сессия была организована Отделением истории АН СССР, Институтом этнографии, Институтом археологии АН СССР, а также Секцией общественных наук, Институтом общественных наук и Государственным музеем этнографии и художественных промыслов АН Украинской ССР. Сессия была приурочена к 30-летию организации во Львове академического учреждения по общественным наукам. Этот съезд археологов и этнографов проводился в юбилейном ленинском году. О значении ленинского теоретического наследия для развития советской археологии и этнографии сказал, открывая сессию, Б. А. Рыбаков (Москва). О том, как разрабатываются отдельные вопросы в свете ленинских идей, говорилось также в ряде выступлений.

Здесь мы остановимся лишь на этнографических проблемах, вынесенных на пленарные заседания и обсуждавшихся на отдельных секциях, оставляя археологическую тематику за рамками настоящего сообщения. Многие доклады по этнографической тематике на пленарных заседаниях вызвали большой интерес и оживленное обсуждение. Ю. В. Бромлей и В. И. Козлов (Москва) в своем докладе «Этнические процессы в СССР в свете ленинских идей» исходили из известного ленинского положения о существовании двух исторических тенденций национального развития: стремления к национальному самоутверждению и обособлению, и стремления ко всестороннему сближению наций. При этом в докладе было показано, что обе эти тенденции действуют не только в рамках капиталистического общества, но в преобразованном виде распространяются и на социалистическую эпоху.

В исследовательских целях в докладе разграничиваются две относительно самостоятельные стороны этнических процессов: социально-экономическая, связанная с изменением в сфере общественного производства и социальных отношений, и собственно этническая, т. е. изменение языка, культуры и других черт, характерных для этнической общности. При этом подчеркивается, что обе указанные стороны тесно связаны между собой. Так, экономическое сближение советских наций во многом определяет и направление этнических процессов.

В докладе говорилось о том, что этническое развитие по самой своей специфике имеет как интегрирующий, так и этнодифференцирующий характер. На примерах языкового и культурного развития народов нашей страны было показано диалектическое сочетание обеих этих тенденций.

Авторы особо отметили, что под влиянием этнических процессов неизбежно происходят изменения в этнической психологии, учет и анализ которых имеет большое теоретическое и практическое значение.

В заключении доклада было подчеркнуто, что одним из важнейших результатов сближения наций является создание такой общности как советский народ, возникшей на базе политического, экономического и идеологического единства советских наций.

В докладе Ю. В. Бромлея «Этнос и этносоциальный организм» термин «этнос» был употреблен в узком и широком смысле слова. В первом случае, по мнению докладчика, отчлнить наиболее существенные этнические свойства от второстепенных позволяют данные о перемещениях этносов. Это, в первую очередь, устойчивые (традиционные) особенности культуры, а также этническое самосознание. Однако ни один из компонентов этноса нельзя считать достаточным этнодифференцирующим признаком, поскольку этнос — не простая сумма признаков, а целостная система.

Докладчик подчеркнул, что важнейшим условием возникновения и существования этноса являются социально-экономическая и природная среда, с которыми он составляет особые образования. В том случае, когда формой существования этноса является так называемый социальный организм (племя в период первобытного общества, социально-политические образования — в классовом) можно говорить об этносоциальном организме или этносе в широком смысле слова. В конце доклада высказана мысль о том, что хотя основная форма существования этносов — этносоциальные организмы, однако этнические подразделения человечества ими не исчерпываются.

Два доклада на пленарных заседаниях были посвящены проблемам фольклористики.

К. В. Чистов (Ленинград) в своем докладе «В. И. Ленин и проблемы русской фольклористики» подчеркнул плодотворность ленинской идеи о необходимости изучения фольклора под социально-политическим и экономическим углом зрения. Это позволяет объяснить причины того, что, несмотря на появление в конце XIX в. новых фольклорных жанров (рабочая песня, частушка и т. д.), старые, традиционные для начала XIX в. жанры не только продолжали бытовать, но и не теряли своей продуктивности. По мнению докладчика, следует исходить из того, что короткий период развития капитализма в России пришел на смену затяжному позднефеодальному периоду и был до

предела насыщен остатками феодальных отношений. В свете ленинской оценки реального хода процесса интеграции русской экономики можно объяснить, почему несмотря на активный процесс выработки общерусского фольклорного репертуара, начавший уже в XVI—XVII вв., еще в первой половине XIX — начале XX в. в разных районах расселения русских сохранились локальные особенности народной культуры, так называемые, областные фольклорные «школы» и региональные репертуарные отличия.

К. В. Чистов дал анализ того, как разрабатывалась ленинская тема в русской фольклористике, начиная с 20-х годов, и высказал мысль о необходимости создания неспециализирующейся библиографии, которая охватила бы ленинскую тему в фольклористике во всех союзных республиках.

Б. Н. Путилов (Ленинград) остановился на некоторых аспектах сравнительного изучения фольклора. Важное место в его докладе занимали проблемы разработки методологических аспектов и принципов историко-типологической теории, которая должна помочь установить межнациональные фольклорные отношения, «наднациональные» типы. Эта теория весьма эффективна также на уровне «национальной проблематики» и содействует решению сложнейших вопросов о происхождении и формировании фольклора данного народа, о закономерностях народного творчества и его связях с действительностью.

Три доклада освещали итоги антропологических исследований. С интересом был встречен доклад М. М. Герасимова (Москва) «К вопросу о формировании *homo sapiens* (К вопросу формирования людей верхнего палеолита)». В начальный период *homo sapiens*, по его мнению, был недифференцирован в расовом отношении. Раньше всего, по-видимому, сформировался экваториальный комплекс. Затем выделились различные варианты европеоидов. Очень поздно сформировался монголоидный ствол, причем ранние монголоиды обладали большим комплексом европеоидно-кроманьонских черт. Неолитическое население Западной и Восточной Сибири было менее монголоидно, чем современное население этих районов.

М. М. Герасимов рассказал о графической и скульптурной реконструкции женщины из Дольни Вестоницы. Значительное место он уделит также характеристике первого палеолитического погребения из Сунгира, наиболее близкого к находкам из Костенок. Была приведена антропологическая характеристика человека из Сунгира по Г. Ф. Дебецу и демонстрировалась его реконструкция.

В. П. Алексеев (Москва) в докладе «Палеодемография СССР» отметил, что для характеристики численности древних популяций, прежде всего, нужны могильники с археологически устанавливаемой длительностью функционирования. Поэтому докладчик считает возможным на данном этапе ограничиться лишь определением длительности жизни и, когда это позволяет материал, оценить детскую смертность. По мнению В. П. Алексеева, средняя продолжительность жизни до эпохи позднего средневековья была относительно стабильной. На территории нашей страны она колебалась вокруг 40 лет. Объяснение стабильности жизни докладчик видит в стабильности гигиенической обстановки. Причины долгожительства мужчин по сравнению с женщинами объясняются тем, что организм женщины сильнее подвергался влиянию антисанитарных условий (постоянное пребывание в поселках, роды). Биологическая стойкость женского организма преодолела неблагоприятное воздействие среды жизни, по-видимому, лишь на пороге современной эпохи.

М. С. Великанова (Москва) в докладе «Население Поднестровья в скифское время по антропологическим данным» привела результаты анализа значительного антропологического материала, собранного за последние годы Западно-Скифской экспедицией Института археологии АН СССР. Сопоставление данных скифского времени из Поднестровья со скифами и фракийцами, а также внутригрупповой анализ одной из серий (из Николаевки) позволяет говорить о смешанном скифо-фракийском происхождении населения Поднестровья в этот период.

Л. И. Лавров (Ленинград) поставил вопрос о методике этногенетических исследований. Были рассмотрены принципы использования широкого круга разнообразных источников. Говоря о данных археологии, докладчик, в частности, проанализировал соотношение понятий «этнос» и «археологическая культура». Большое значение в этногенетических исследованиях в качестве источников, по мнению Л. И. Лаврова, могут иметь данные антропологии, палеоантропологии, лингвистики, этнонимики и топонимики и фольклора. Разработка необходимого минимума критериев для отбора «доброкачественных источников» — одна из важнейших задач специалистов. Отметив, что методологические и процедурные вопросы этногенетических исследований недостаточно разработаны, докладчик предложил обсудить эти вопросы на следующей сессии этнографов.

В докладе В. А. Никонова (Москва) «Этнография Украины и ономастика» было показано, что исследования собственных имен (имена людей, географические названия, клички животных и т. д.) помогают решать различные этнографические задачи как в историческом плане, так и в плане современности. Для иллюстрации приведены примеры из различных областей ономастики на Украине. Так, например, украинские исследователи установили происхождение украинских фамилий из 50 этнически различных источников. Доказано также, что территориальные различия форм украинских фамилий исторически обусловлены. Названия рек, природных объектов, населенных

пунктов позволяют, наряду с другими данными, судить о формировании украинского народа.

И. А. Крывелев (Москва) коснулся некоторых теоретических проблем советского религиоведения. Докладчик подверг критике ряд концепций по религиоведению, которые появились в последние годы в научной литературе, и указал на особую важность разработки вопроса о корнях религии, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение для определения методов борьбы с религиозными пережитками. В конкретном этно-социологическом изучении состояния религиозности населения и процесса преодоления религиозных пережитков следует обратить внимание на необходимость диалектически-гибкого применения марксистского учения о социальных корнях религии.

Ряд докладов на пленарных заседаниях касался различных проблем этнографического исследования населения отдельных регионов.

Был зачитан доклад К. Г. Гуслистого о некоторых проблемах этнической истории украинского народа. Докладчик подчеркнул общее происхождение русского и украинского народов. По его мнению, процесс формирования украинской буржуазной нации начался в XVIII в. и закончился в XIX в., когда на Украине сложился капитализм.

Современным этническим процессам среди словацкого, венгерского и немецкого национальных меньшинств Закарпатья был посвящен коллективный доклад Н. Н. Грацианской, И. Н. Гроздовой и Т. Д. Филимоновой (Москва). Отмечая специфику отдельных национальных групп, авторы показали, как заметно меняется быт каждой из них в процессе социалистического преобразования жизни в Закарпатье. При этом все эти национальные группы сохраняют родной язык и национальное самосознание.

Ю. Г. Гошко (Львов) дал характеристику обычного права поселенцев украинских Карпат в XV—XVII вв. Анализ правовых отношений дает возможность выяснить бытовавшие там нормы поведения и взаимоотношений между отдельными жителями и общиной. По ним можно определить также истоки правовых норм и этническую принадлежность поселенцев. В докладе было сообщено об управлении общиной, о формах наказаний за уголовные преступления, за нанесение убытков, невыдачу преступника и т. д. Осуществление норм обычного права на практике очень ярко отражает быт поселенцев Карпат XV—XVII вв.

Е. И. Матейко (Львов) рассказала о принципах этнографического районирования украинской народной одежды. Из всех признаков, определяющих основы научной классификации одежды, она наиболее существенным считает покрой одежды. Разработана зональная типология, связанная с существованием различных комплексов одежды. Выделено 5 зон: 1) Северная (полесская); 2) Центральная (лесостепная); 3) Подольская; 4) Прикарпатская; 5) Южная (Причерноморская). В докладе была дана характеристика комплексов одежды каждой из этих зон. Причем нельзя не отметить, что эти комплексы в результате органического соединения утилитарных, технических и эстетических особенностей создавали своеобразный художественный ансамбль.

Темой доклада М. Я. Салманович и Г. Б. Федорова (Москва) были этнокультурные комплексы на территории Прутско-Днестровского междуречья по данным материальной культуры. Авторы рассказали о населении изучаемого района, начиная с VI в. На основании данных материальной культуры уже в конце IX—начале X в. можно выделить два мощных этнокультурных комплекса: северный и южный. Граница между этими комплексами условно пролегла между Днестром и Прутом. В докладе показано, что несмотря на бурные исторические события, наличие этих комплексов отчетливо прослеживается и в наши дни.

А. И. Робакидзе (Тбилиси) коснулся некоторых черт общественного быта горцев Кавказа, указав, что для определения уровня их общественного развития и типа социальной организации важно установить особенности зависимых отношений между отдельными социальными категориями (в данном случае выявить конкретное содержание института рабства, бытовавшего у народов горного Кавказа в прошлом). Докладчик остановился на особенностях этого весьма сложного в данном регионе явления.

Работа этнографов шла также в секции этнографии народов Европейской части СССР и Кавказа с подсекциями славянских народов, неславянских народов и народов Кавказа, секции современных этнических процессов, секции народного искусства и фольклора с подсекцией фольклора и подсекцией народного искусства.

Большое внимание на первой секции было уделено принципам и методике подготовки историко-этнографических атласов.

В подсекции этнографии славянских народов региональному историко-этнографическому атласу «Белоруссия, Украина, Молдавия» было посвящено специальное заседание. С сообщениями выступили руководители работ по республикам, а также члены редколлегий атласа. Тематически на этой подсекции преобладали доклады по материальной культуре, которые представило большинство этнографических учреждений РСФСР, УССР, БССР, занятых в настоящее время подготовкой регионального атласа. Следует отметить, что доклады, связанные с атласом, имели в ряде случаев не только информационный, но и теоретический характер (Я. П. Прилипко, Е. И. Матейко и др.).

Ленинской теме было посвящено выступление В. П. Васькив «Ленинские дни в общественном быту трудящихся Западной Украины в 20—30-х гг.».

В подсекции этнографии неславянских народов ряд сообщений также касался проблемы подготовки историко-этнографических атласов.

В. И. Наулко (Киев) дал сравнительную характеристику народного жилища молдаван различных областей Украины.

Н. А. Демченко (Кишинев) говорил о молдавских пахотных орудиях и показывал зоны их распространения.

М. Приедите (Букулы, Латвийская ССР) рассмотрела вопрос о типологии устройства и принципе работы ручных мельниц в Латвии в конце XIX — начале XX в.

А. Думпе (Рига) дала характеристику наиболее устойчивых форм общинного труда в животноводстве восточной части Латвии, сохранившихся здесь до 30-х годов XX века.

О. Р. Будина (Москва) на примере жилища албанцев и греков в национально-смешанных районах Украинской ССР проследила, как в XIX — начале XX в. здесь складывались на основе контактов украинцев, гагаузов, молдаван, болгар, греков и албанцев общие элементы культуры.

Э. К. Васильева (Ленинград) описала влияние национального состава населенных пунктов на семейную структуру удмуртского населения. Интересно, что в этом исследовании этнографические задачи решались социологическими методами. О расширении и углублении исследований этнических процессов в Поволжье свидетельствуют также сообщения Г. Г. Куличенко (Казань) «Сравнительная характеристика досуга татарской и русской молодежи» и Ю. Мухаметшина (Казань) «О материальной культуре татар-кряшен».

Ряд сообщений в подсекции этнографии народов Кавказа также освещал и то работы над историко-этнографическими атласами.

С. С. Агаширинова (Махачкала) и Г. А. Сергеева (Москва) выявили типологию женских головных уборов аварской группы народов Дагестана, что позволило проследить их культурно-исторические связи.

Сообщение А. Г. Трофимовой (Москва) о значении коллекций Государственного музея Грузии для составления Кавказского историко-этнографического атласа по разделу «Одежда народов Азербайджана» было посвящено типологии различных видов народного костюма. Сопоставление комплектов и отдельных предметов одежды позволяет сделать выводы о масштабе и направлении этнокультурных связей между кавказскими народами.

Большой интерес вызвало выступление Д. С. Вардумяна, показавшего специфику классификации данных по жилищу армян.

Много внимания в работе подсекции народов Кавказа уделялось различным вопросам духовной культуры. Широкое обсуждение вызвало сообщение А. А. Исмаилова (Грозный) об обычаях «избегания» у ингушей.

В. И. Элашвили (Тбилиси) отметил особую ритуальную роль оружия у горцев, а Д. Г. Георгадзе (Тбилиси) показал, что обряд «посвящения коня» в восточной Грузии связан с существовавшим издавна культом мертвых.

Два сообщения — М. Ш. Меликашвили и Н. В. Джаванадзе (Тбилиси) были посвящены проблемам родственных отношений.

В секции народного искусства и фольклора обсуждались вопросы о традициях народного искусства у различных народов Европейской части СССР. Сообщения касались декора современного народного искусства: С. Б. Рождественская (Москва) и коллектив авторов из Казани — Е. П. Бусыгина, Н. В. Зорина, Л. И. Зорина, Н. Н. Кучерявенко; народного зодчества — Н. Д. Шпак (Львов); народной вышивки — Г. С. Маслова (Москва), И. Я. Богуславская (Ленинград); украинской иконописи, украинской деревянной скульптуры, народных танцев и других видов народного искусства. В ряде выступлений было рассказано о творчестве отдельных народных мастеров.

Большой интерес вызвали сообщения о связи профессионального и народного искусства: Е. С. Фашенко (Львов) «Народные традиции в художественном творчестве Советского Львова», М. В. Токар (Львов) «Народные традиции в современной одежде».

Важное значение имеет также исследование этнокультурных связей на материале народного искусства. Н. П. Уханов (Ленинград) говорил о связях русского и украинского народного искусства. Л. М. Сухи (Киев) посвятила свое сообщение общим чертам художественных металлических изделий украинцев и сопредельных народов карпатской зоны.

На подсекции фольклора ряд докладов был посвящен экспедициям последних лет. Об экспедициях Института этнографии АН СССР рассказали Э. В. Померанцева и С. И. Дмитриева, об украинских — Н. С. Шумада, об экспедициях МГУ — Н. И. Савушкина и др. Значительное внимание было уделено взаимосвязи фольклора разных народов (Л. Г. Бараг, Т. С. Макашина, В. А. Юзьенко, Г. И. Спатару). Значительную группу составили доклады, посвященные особенностям и развитию различных фольклорных жанров. Наибольшее внимание привлекли предания, которым были посвящены доклады Е. Б. Вирсаладзе, Ш. Д. Инал-Игы, В. К. Соколовой, Б. П. Кербелите. Несколько докладов были посвящены

песенному фольклору (С. И. Грица и А. И. Дей, И. Д. Чобану, Т. С. Мамаладзе и др.).

Внимание участников сессии привлекла работа отдельной секции, занимавшейся проблемами современных этнических процессов. На основе анализа объективных и субъективных факторов, влияющих на национальные взаимоотношения, Л. М. Дробжилова (Москва) сделала вывод, что меры по интернациональному воспитанию населения нашей страны должны разрабатываться с учетом социально-профессиональных групп. М. Н. Губогло (Москва) описал два методологически различных подхода к исследованию одной из существенных сторон этнических процессов — функциональному взаимодействию языков: социолого-лингвистический, предусматривающий изучение функциональной нагрузки языков-партнеров при контактах их носителей и этносоциологический, задачей которого является выяснение социально-этнических последствий двуязычия.

Работа сессии завершилась объединенным заседанием Отделения истории Академии наук СССР и Секции общественных наук Академии наук УССР. Закрывая сессию, Ю. В. Бромлей отметил ее большое значение для дальнейших исследований археологов и этнографов.

Т. И. Макашима

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ, ЯЗЫКАМ И КУЛЬТУРЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

С 23 по 26 декабря 1969 г. на восточном факультете Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова была проведена третья конференция по истории-языкам и культуре Юго-Восточной Азии¹.

Всего было заслушано двадцать два сообщения. Как и прежде, активное участие в конференции приняли ленинградские этнографы. От Института этнографии АН СССР на конференции выступили восемь докладчиков: Н. А. Бутинов, Е. В. Иванова, И. Г. Косиков, Ю. В. Маретин, Е. В. Ревуненкова, А. М. Решетов, Д. И. Тихонов, В. Г. Трисман,

Н. А. Бутинов в докладе «Движение Палиау на островах Адмиралтейства» на примере меланезийцев, живущих на небольшой группе островов в южной части Тихого океана, показал, какую сложную и своеобразную форму может принимать борьба за независимость в условиях крайне неразвитой экономики и почти сплошной неграмотности. Так, нередко в этой борьбе экономические и политические требования не только тесно переплетаются с религиозным движением, но и скрываются за ним. Та слабая религиозная окраска, которую придают политическим и экономическим требованиям сами лидеры движения за независимость, чтобы увлечь за собой массы, постепенно усиливается, и меланезийцы, уже вопреки желанию лидеров, связывают эти требования с привычными религиозными идеями, прежде всего с культом предков или культом мертвых. Так, в результате переосмысления прежних культов возник в современных условиях новый культ — культ карго — вера в прибытие кораблей или самолетов с грузами от далеких предков. Появление нового культа отражало надежды островитян на улучшение условий их жизни.

Е. В. Иванова в докладе «Тенденции этнического развития лао Таиланда» рассмотрела родственную тайцам этническую общность лао, включающую два народа, сформировавшихся на рубеже I—II тысячелетий н. э. Помимо языковой и культурной близости лао Таиланда объединяет общая часть «лао» в составных этнонимах, которыми эти народы себя называют: лао юнь (северные лао), лао-као и лао-вьен (северо-восточные лао). Лао Таиланда до настоящего времени сохраняют свою этническую специфику, несмотря на соседство с таями и их культурой. Лао сопротивляются политике насильственной ассимиляции, проводимой тайландскими правящими кругами.

И. Г. Косиков, выступая с докладом «К вопросу о времени появления театра теней в Камбодже», попытался на основании имеющегося материала проследить историю одного из кхмерских театральных жанров. Эпиграфические памятники VII—X вв., барельефы древних храмов показывают, что в ту эпоху в Камбодже уже существовали

¹ О предыдущих конференциях см.: А. М. Решетов, Научные конференции на восточном факультете Ленинградского государственного университета, «Сов. этнография», 1965, № 5; Б. Н. Мельниченко, Конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии, «Народы Азии и Африки», 1965, № 2; Ю. М. Осипов, Вторая конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии, «Народы Азии и Африки», 1968, № 3.

различные виды театральных представлений: выступления танцовщиц, певцов, музыкантов. Известно, что кхмерское искусство оказало большое влияние на формирование искусства соседнего Таиланда. Имеются данные о раннем появлении в Таиланде театра теней. Вполне вероятно, что театр такого типа существовал в Ангкорской Камбодже, откуда и был заимствован тайцами вместе с другими видами театральных представлений. Однако для окончательного решения вопроса о происхождении театра теней в Индокитае необходимо привлечение сравнительно-сопоставительного материала по другим странам Юго-Восточной Азии, прежде всего Индонезии.

Ю. В. Маретин выступил с докладом «Очаги национального формирования в Индонезии в условиях борьбы за общеиндонезийское единство». Отметив особую сложность проблемы, обусловленную разнородным этническим составом страны, различиями социально-экономического развития населяющих ее народов, островной раздробленностью территории и другими факторами, докладчик выступил против преувеличения в понятии «индонезийская нация» этнического содержания, считая, что в настоящее время оно имеет преимущественно политический смысл. Он высказал мнение, что в концепции националистических деятелей Индонезии и некоторых исследователей о существовании единой индонезийской нации отсутствует представление об историчности наций, не проводится различий между понятиями «единство Индонезии», и «нация Индонезии», между «государством» и «нацией», «гражданством», и «национальностью».

На основе анализа центростремительных и центробежных факторов национального развития Ю. В. Маретин, развивая ранее высказанную точку зрения А. А. Губера, показал, что в Индонезии идут два параллельных процесса — национальной консолидации отдельных крупных этносов и усиления общиндонезийского единства, прежде всего политического, затем языкового и отчасти культурного. Такие этносы, как яванцы, сунды, мадурцы, минангкабау, аче, малайцы Восточной Суматры, буги, макасары, минахасы, амбонцы, банджары, балийцы, уже консолидировались в нации или находятся на стадии такой консолидации. Они являются своеобразным центром этнического притяжения для близкородственных народов, т. е. выступают как ядра национальной консолидации. Одновременно с консолидацией отдельных народов в нации в Индонезии достаточно ярко проявляется и центростремительная тенденция к сближению всех народов страны, не только политическому, но и этническому.

Е. В. Ревуненкова в докладе «Батакский жрец (*datu*), его функции и атрибуты» охарактеризовала социальное положение и функции батакского жреца (*datu*) и шамана (*sibaso*), сосуществующих в современной религиозной структуре общества. По мнению Е. В. Ревуненковой, институт жречества у батаков возник под влиянием индуизма, и подобно индийскому жрецу батакский *datu* является хранителем священных книг и знатоком веры. Но батакский шаманизм оказал свое влияние на деятельность жреца; жрец перенял многие функции шамана и подобно ему связан с магией, с миром духов. Деятельность же собственно шамана у батаков крайне ограничена и приобретает уже реликтовые черты. Изучение функций батакского жреца дает более глубокое представление о взаимодействии двух религиозных систем: индуизма и батакского анимизма.

Доклад А. М. Решетова был посвящен влиянию государства на этнические процессы. Почти все государства Азии исторически сложились как многонациональные. Они сплотивались в определенные общности («этно-политические» или «национально-политические») либо в нации, но не в этническом, а в политическом смысле. На формирование этих наций активное воздействие оказывает политика центрального правительства, всегда направленная на обеспечение единства в рамках государства, хотя в некоторых государствах Азии эта политика и носит великодержавный шовинистический характер. Укрепление единства, формирование общегосударственной общности народов происходит быстрее не в условиях отрицания особенностей этносов и насильственной ассимиляции, а при обеспечении права этносов на равноправие и самостоятельное национальное развитие. Государственность не является признаком нации, но нередко служит активным фактором ее формирования.

Д. И. Тихонов выступил с докладом «К характеристике, общины у горных народов Филиппин». Он отметил, что община у горных народов о. Лусон состоит из отдельных малых и больших семей, представляющих самостоятельные хозяйства. Кооперация труда происходит по родственной и соседской линиям. У названных народов существует частная (рисовые поля) и общинная (земля для выращивания кукурузы) собственность на землю. Возникновение частной собственности на террасы рисовых полей хотя и было связано с некоторым углублением социальной дифференциации, все же не привело к делению общества на классы. В этом проявилось своеобразие в развитии социальных отношений у бонток, ифугао, калинга и других горных народов Филиппин.

Доклад В. Г. Трисман затрагивал вопросы истории развития индонезийской одежды. Сопровождая свой рассказ демонстрацией многочисленных иллюстраций, она проследила эволюцию одежды от простых образцов (как по используемому материалу, так и по технике изготовления) до сложных видов одежды. Большое внимание в докладе было уделено выделке одежды из древесной коры, особенно широко распространенной у папуасов Западного Ириана, даяков Калимантана, тораджей Сулавеси.

Было также сообщено о специфической технике окрашивания индонезийских тканей: икат, батик, пеланги. В заключение В. Г. Трисман продемонстрировала разнообразные способы украшения тканей.

Большой интерес для этнографов представил доклад С. Е. Яхонтова (ЛГУ) «К вопросу о классификации языков Юго-Восточной Азии». На основе лексико-статистического метода С. Е. Яхонтов внес существенные изменения и уточнения в существующие генеалогические и типологические классификации языков Юго-Восточной Азии.

Е. П. Михалеви́ч (ЛГУ) посвятила свое выступление проблеме языка в филиппинской литературе.

Т. П. Луцкая (ЛГУ) в докладе «Путевые заметки А. М. Жирмунского — источник изучения Бирмы начала XX века» отметила, что особый интерес русского путешественника вызвали духовная жизнь народа, его психология, религия, культура, эстетические идеалы, а также особое положение бирманской женщины.

Вне программы конференции выступил корреспондент газет «Правда» в Индонезии Л. М. Де мин, рассказавший о современном положении в Индонезии.

Прошедшая конференция показала, что Ленинград (и прежде всего ЛГУ и ЛОИЭ) становится в СССР крупным центром изучения Юго-Восточной Азии. Ленинградские «юго-восточники» занимаются разработкой широкого круга теоретических и прикладных проблем, включающих различные аспекты социально-экономических отношений, этнического развития и духовной культуры народов этого региона. Все представленные этнографами доклады были заслушаны с большим вниманием и высоко оценены участниками конференции, выступившими при их обсуждении. Тезисы докладов конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии были изданы отдельным сборником¹.

И. Г. Косиков, Е. В. Ревуненкова

¹ «Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии», Л., 1969.

50 ЛЕТ ТИХООКЕАНСКОЙ НАУЧНОЙ АССОЦИАЦИИ

В августе 1920 г. в Гонолулу (Гавайские острова) состоялась первая Пан-Тихоокеанская научная конференция, положившая начало Тихоокеанской научной ассоциации. Внимание ученых разных стран к проблемам Тихоокеанской области обусловлено ее особым географическим положением, богатейшими природными ресурсами, спецификой народонаселения и резкими социальными контрастами. Большие изменения, происшедшие в политической и экономической жизни Тихоокеанского ареала после первой мировой войны, вызвали необходимость научного изучения ряда насущных проблем этой области.

Устав Тихоокеанской научной ассоциации был принят на III конгрессе. Согласно уставу, основными целями Ассоциации являются, во-первых, «поощрение сотрудничества в изучении научных проблем, относящихся к Тихоокеанской области, в особенности тех, которые касаются роста благосостояния и процветания народов этого региона», и, во-вторых, «укрепление мирных отношений между народами и содействие развитию чувства братства между учеными всех стран Пацифики».

Тихоокеанские научные конгрессы созывались через каждые 3—4 года (только вторая мировая война вызвала перерыв в 10 лет), и последний, XI конгресс, состоялся в 1966 г. в Японии. В периоды между конгрессами действуют 20 постоянных комитетов по основным научным направлениям. В настоящее время членами ассоциации состоят 49 стран.

Как в прошлом, так и теперь интересы нашей страны жизненно связаны с Тихоокеанской областью. Советский Союз представлен в Ассоциации Академией наук СССР, а председатель Советского национального комитета Ассоциации академик А. А. Губер является членом ее Совета.

Советский национальный комитет состоит из 54 человек, представляющих 42 учреждения, в том числе Институт этнографии АН СССР. А всего комитет осуществляет связи с 73 научными, производственными и общественными учреждениями СССР, занимающимися научными проблемами Тихоокеанской области.

Вторая мировая война прервала связи советских ученых с ассоциацией, они возобновились с IX конгресса (1957 г.). В этом и во всех последующих конгрессах активно участвовали советские делегации¹.

¹ См., например: С. И. Королев, Вопросы этнографии на X Тихоокеанском научном конгрессе, «Сов. этнография», 1962, № 5; Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Чебоксаров, Антропология и этнография на XI Тихоокеанском научном конгрессе, «Сов. этнография», 1967, № 1.

В настоящее время во многих странах, в том числе в Советском Союзе, ведется подготовка к очередному, XII Тихоокеанскому конгрессу, который состоится 18 августа — 3 сентября 1971 г. в Австралии.

Тихоокеанская научная ассоциация за 50 лет сыграла положительную роль в объединении сил ученых, постановке и разрешении ряда актуальных научных проблем, укреплении и расширении международных научных связей. Но в структуре и деятельности Ассоциации имеются недостатки, снижающие ее эффективность, и она, конечно, не в состоянии разрешить острые социальные противоречия, существующие на континентах и островах в бассейне Тихого океана.

Е. М. Сузюмов

ТРЕТЬЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОКЕАНИСТОВ И АВСТРАЛОВЕДОВ

Ежегодные конференции советских океанистов и австроловедов становятся уже традицией¹. 2—3 июня 1970 г. в Москве была проведена третья такая конференция. Как и предыдущие, она была организована Институтом востоковедения АН СССР. Институтом этнографии АН СССР совместно с Советским национальным комитетом Тихоокеанской научной ассоциации.

Открывая конференцию, председательствующий, академик А. А. Губер, подчеркнул, что эти регулярные научные встречи, несомненно, способствуют разрыву изоляции в нашей стране гуманитарных исследований Австралии и Океании. За последние годы в этом направлении достигнуты немалые успехи: вышли в свет интересные работы, защищено несколько докторских и кандидатских диссертаций. А. А. Губер выразил надежду, что фронт исследований советских океанистов и австроловедов будет и в дальнейшем расширяться.

С докладом «Пятьдесят лет Тихоокеанской научной ассоциации» выступил заместитель председателя Советского национального комитета этой международной организации Е. М. Сузюмов. Докладчик проанализировал полувековой путь ассоциации, ее задачи и организационную структуру, остановился на участии в ее деятельности советских ученых, в том числе этнографов. Е. М. Сузюмов рассказал о подготовке XII Тихоокеанскому научному конгрессу, который состоится в 1971 г. в Австралии.

В. Р. Кабо (Ин-т этнографии, Ленинград) осветил в своем докладе вклад участника русской антарктической экспедиции 1819—1821 гг. И. М. Симонова в этнографическое изучение Австралии и Океании. Большой интерес представляют записки этого ученого, хранящиеся в Казанском университете и лишь частично опубликованные в 1951 г. Там же находятся этнографические коллекции, собранные И. М. Симоновым. Их научное описание, сделанное докладчиком совместно с сотрудницей Этнографического музея этого университета М. М. Бондаревой, готовится к печати.

Три доклада были посвящены последней экспедиции выдающегося английского мореплавателя Дж. Кука. Я. М. Свет (Географическое об-во СССР, Москва) рассказал о двукратном посещении этой экспедицией Камчатки. Он особо отметил теплый прием, оказанный английским морякам, охарактеризовал научную информацию, которой руководители экспедиции обменялись с местными русскими властями. В докладе С. Г. Федоровой (Ин-т этнографии, Москва) «Первое постоянное поселение русских в Америке и Джемс Кук» была прослежена история этого поселения, основанного в начале 1770-х годов на о. Уналашка. С. Г. Федорова сообщила об этнографических описаниях поселения, оставленных спутниками Кука. Оба докладчика подчеркнули интересные факты из тех материалов экспедиции, которые были впервые опубликованы в 1967 г. в Англии. В докладе Д. Д. Тумаркина (Ин-т этнографии, Москва) «Джемс Кук на Гавайских островах» были широко использованы исторические труды гавайцев, написанные в середине XIX в. Эти любопытные сочинения содержат воспоминания островитян об их контактах с Куком и его спутниками, в том числе подробности событий, приведших к гибели английского мореплавателя. Рассказав о жестокостях участников экспедиции, об осквернении ими гавайских святынь, докладчик высказал мнение, что Кук сам был виноват в своей гибели.

П. И. Пучков (Ин-т этнографии, Москва) предложил в своем докладе ряд коррективов к традиционному историко-этнографическому районированию Океании. С. П. наметил в доколониальной Океании следующие историко-этнографические области: 1) Папуасия; 2) Меланезия; 3) Австромеланезия; 4) Мелано-Полинезия; 5) Индо-Микронезия; 6) Микронезия; 7) Полинезия. П. И. Пучков считает, что для современной

¹ О предыдущих конференциях см.: «Сов. этнография», 1968, № 6, стр. 140—141; 1969, № 5, стр. 126—129.

² См. в этом же номера журнала: Е. М. Сузюмов, 50 лет Тихоокеанской научной ассоциации.

этапа требуется несколько иное районирование, в частности выделение таких историко-этнографических районов, как Новая Зеландия и Гавайские острова.

Л. Г. Розича (Ин-т этнографии, Ленинград) сделала сообщение «Одежда из луба на островах Океании». Основываясь на богатых коллекциях Музея антропологии и этнографии, она проследила локальные различия в выделке, украшении и применении лубяной материи в океанийском островном мире.

Внимание участников конференции привлекли выступления студентов МГУ, специализирующихся по этнографии Океании. И. Ж. Артемова рассказала о трансформации традиционных социальных институтов на Фиджи в условиях колониального режима, а А. П. Кожановский проанализировал аналогичный процесс на Новой Каледонии. Эти доклады свидетельствуют о том, что у советских океанистов и австраловедов растет серьезная научная смена.

Некоторые аспекты колониальной политики кайзеровской Германии в Океании были рассмотрены в докладе В. Л. Резникова (Ин-т востоковедения, Москва). Докладчик особо остановился на германо-самоанском договоре 1879 г., выражавшем интересы немецких предпринимателей на Самоа.

В результате распада мировой колониальной системы Океания превратилась в один из последних крупных заповедников колониализма. Но и здесь развертывается национально-освободительное движение, которое уже принесло первые значительные успехи: в 1962 г. завоевало государственную независимость Западное Самоа, в 1968 г. — Науру, в июне 1970 г. флаг независимости взвился над островами Тонга, а четырьмя месяцами позднее — над Фиджи.

Некоторые итоги первых восьми лет независимого существования Западного Самоа были подведены в докладе Н. А. Бутинова (Ин-т этнографии, Ленинград). В рассматриваемый период там произошли положительные сдвиги в области экономики и культуры, но страна продолжает испытывать большие трудности ввиду острой нехватки капиталов и обученных кадров, и этим пользуются неокOLONIZаторы. В Западном Самоа развиваются товарно-денежные отношения, появилась прослойка частных предпринимателей, местная интеллигенция. Но и в таких условиях руководители молодого государства пытаются сохранить традиционную социальную структуру: больше-семейную общину (аинга), институт вождей (матаи), деревенские и окружные советы (фоно).

С докладом «Фиджи на рубеже 70-х годов» выступила Н. Б. Лебедева (Ин-т востоковедения, Москва). Она рассказала о политическом и экономическом положении в этой британской колонии накануне получения ею независимости, остановилась на перспективах развития Фиджи как самостоятельного государства. Н. Б. Лебедева отметила появление на Фиджи политических партий, среди которых особое место заняла Федеративная партия, выражающая взгляды прогрессивных слоев местного населения.

«Политическое положение на Западном Ириане в 1963—1969 гг.» — тема доклада Ю. В. Маретина (Ин-т этнографии, Ленинград). Он подробно остановился, в частности, на проведенном там в 1969 г. референдуме, после которого Западный Ириан официально стал одной из провинций Индонезии.

Большая группа докладов была посвящена современному положению Австралийского Союза, его истории, экономике и культуре.

К. В. Малаховский (Ин-т востоковедения, Москва) охарактеризовал политическую обстановку в Австралии накануне и в период всеобщих выборов, состоявшихся в октябре 1969 г. Он проанализировал избирательные платформы главных политических партий страны и сам ход предвыборной кампании. Значительное место в докладе было уделено рассмотрению внутренней и внешней политики австралийского правительства после всеобщих выборов.

Вопросы интенсификации сельского хозяйства Австралии были освещены в докладе В. М. Андреевой (Ин-т востоковедения, Москва). Этот процесс начался там в 1950-х годах и пока развивается медленнее, чем в других капиталистических странах. Интенсификация ведет к специализации, а последняя усиливает проникновение монополий в сельское хозяйство и ускоряет классовую дифференциацию фермеров.

В докладе М. С. Ханина (Научно-исследовательский институт морского транспорта — Союзморини-проект, Москва) были рассмотрены место и роль транспорта в экономике Австралии, а также факторы, мешающие его дальнейшему развитию. Л. А. Одегова (Хабаровский комплексный научно-исследовательский ин-т Сибирского отделения АН СССР), сообщив о перемещении центра тяжести австралийской лесной торговли в бассейн Тихого океана, остановилась на империалистических противоречиях между Австралией и Японией на рынках лесного сырья в этом регионе.

С докладом «Австралийско-новозеландский корпус в военных действиях в Северной Африке и на Ближнем Востоке (февраль — июль 1941 г.)» выступил А. Г. Чевтаев (Уральский гос. ун-т, Свердловск).

Проблеме этнической адаптации коренного населения Австралии (на примере выходцев из Азии) посвятил свое выступление А. М. Решетов (Ин-т этнографии, Ленинград). Докладчик особо остановился на истории и современном положении китайской общины в этой стране.

В конференции впервые приняли участие филологи-австраловеды. Е. Я. Домбровская (Московский областной пед. ин-т), охарактеризовав жанровые особенности исторического романа, проследила его развитие в Австралии. Исторический роман

появился там в XX в., но его возникновение было подготовлено австралийскими мемуарными и «эмигрантскими» романами предыдущего столетия. В исторических романах часто описываются морские экспедиции и освоение материка, отношения с аборигенами, жизнь каторжников и первых поселенцев, ставится проблема «бушрейнджерства» как социального явления. Исторический роман становится все более популярным в Австралии.

И. А. Лебедева (Латвийский гос. ун-т, Рига) проанализировала дискуссию об «австралийской традиции», развернувшуюся в австралийской литературной критике 1950-х годов. В ходе дискуссии затрагивались такие важные эстетические проблемы, как отношение литературы к действительности и соотношение между национальным и общечеловеческим в литературе. Как отметила И. А. Лебедева, в современной австралийской литературе по-прежнему преобладает гуманистическая общественная тематика.

Доклад А. С. Петриковской (Ин-т востоковедения, Москва) посвящен англо-австралийскому писателю-социалисту Френсису Адамсу (1862—1893), творчество которого — интересный поэтический и публицистический документ периода становления австралийской нации и ее национальной культуры. Сборник стихов Адамса «Песни Армии Ночи» (1888) положил начало австралийской поэзии протеста 90-х годов, связав ее с английской литературой социалистического направления. Публицистика Адамса, в первую очередь книга «Австралийцы. Социальный очерк» (1893), служит важным источником изучения австралийского общества того времени.

Е. А. Привалова (МГУ) рассказала о деятельности известного большевика-ленинца Артёма (Ф. А. Сергеева) по созданию русской рабочей печати в Австралии. В докладе были проанализированы некоторые малоизвестные публицистические произведения Артёма, опубликованные в 1912—1917 гг. в этих периодических изданиях.

С большим интересом было встречено выступление В. В. Хмары («Литературная газета»), поделившегося своими впечатлениями о пребывании в Австралии. Выступление сопровождалось демонстрацией многочисленных диапозитивов и другого иллюстративного материала.

Как видно из этого краткого обзора, тематический диапазон докладов, прочитанных на третьей всесоюзной научной встрече океанистов и австраловедов, был очень широк. По сравнению с предыдущими конференциями расширилась и география докладчиков, что свидетельствует о дальнейшем развитии советских гуманитарных исследований Тихоокеанского региона.

В 1971 г. исполняется 125 лет со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая и столетие с начала его экспедиционных работ на Новой Гвинее. Поэтому следующую всесоюзную конференцию океанистов и австраловедов предполагается посвятить памяти этого замечательного русского ученого.

Д. Д. Тумаркин

ЮБИЛЕЙНЫЙ СЪЕЗД ПОЛЬСКИХ ЭТНОГРАФОВ

В октябре 1969 г. в Торуне состоялся очередной 24-й съезд Польского этнографического общества, посвященный 25-летию Польской Народной Республики. Общество объединяет около 800 этнографов и имеет 18 отделений в разных городах Польши. Ежегодные его съезды посвящаются актуальным проблемам этнографии, вопросам научной координации, музейной практике, а также зарубежным связям. Зарубежные связи польских этнографов особенно укрепились после 11-го съезда общества (1956, Закопане), в работе которого приняли участие ученые ряда других стран. Тогда же возникла идея о совместном исследовании населения Карпат этнографами социалистических стран.

24-й съезд Польского этнографического общества отметил 75-летие со времени его основания; он совпал с десятой годовщиной Торунского этнографического музея. В работе съезда приняли участие сотрудники Польской академии наук, преподаватели вузов, музейные работники, представители Министерства культуры и искусства, а также зарубежные этнографы.

На съезде работало две секции — методологическая и музейная; делегаты прослушали около 20 докладов и выступлений по различным вопросам этнографии, фольклористики, теории и практики музейного дела.

Остановимся сначала на докладах, сделанных на методологической секции.

В докладе А. Кутшебы-Пойнаровой (Варшава) «Достижения Польской этнографии за 25 лет Польской Народной Республики» был охарактеризован послевоенный период развития польской этнографической науки. В этот период резко возросло количество этнографических центров, были созданы новые институты в системе Академии наук, новые университетские кафедры и соответственно увеличилось число

кадровых научных работников, значительно расширилась сеть этнографических музеев. В Институте материальной культуры Польской Академии наук успешно проводилась работа над Польским этнографическим атласом, были выработаны методы более углубленных полевых исследований. В эти же годы началось сотрудничество польских этнографов с коллегами других социалистических стран. В частности, проведены исследования на территории Болгарии и Монголии.

А. Кутшеба-Пойнарова подчеркнула, что в польской этнографии последних десятилетий на первый план выдвигается изучение современных изменений в культуре города и села. Свои исследования польские этнографы проводят на новых методологических основах, используя опыт старых этнографических школ. Следует всячески стимулировать сотрудничество этнографии с родственными ей науками — социологией, историей и др.

Ю. Буршта (Познань) в докладе «Узловые проблемы исследования современности» отметил, что большинство польских этнографов занимается изучением традиционной народной культуры. Часть этнографов, преимущественно младшего поколения, занимаясь традиционной культурой, стремится вместе с тем найти путь к изучению современности. Под влиянием социальных изменений, индустриализации, технического развития традиционная народная культура и традиционные формы жизни очень быстро меняются. Создаются и унифицируются новые демократические структуры и формы общественной жизни. Прежнее понятие «люд» (lud) как носитель традиционной культуры перестало соответствовать современным условиям. Возникают новые взгляды на социально-культурную действительность и новые методы ее исследования.

Докладчик считает, что культура — это структурно-функциональная целостность, и подчеркивает тесную взаимосвязь между ее элементами. Для изучения современной культуры необходим, по мнению Ю. Буршты, социологический подход, изучение прежде всего тех общественных норм, которые дают ключ к пониманию современных культурных процессов. Такой подход, говорит далее докладчик, позволяет изучать современность в пределах локальных общественных групп как сельского, так и индустриально-городского типа, а также в пределах всего общества.

Ю. Буршта назвал ряд важнейших явлений в жизни общества, которые необходимо изучать этнографам, используя эту новую методику. Такими темами, по его мнению, являются: промышленно-городские группы населения; культура первого поколения рабочих — бывших крестьян; технизация и традиция в современной социально-культурной жизни; традиция, народное творчество и массовая культура; старые и новые обычаи и др. Главная проблема, которую должны исследовать этнографы, — это формирование культуры социалистического общества.

С докладом «К вопросу о методике этнографических исследований. Источники этнографической информации» выступила Б. Копчинска-Яворска (Лодзь). Кобъектам этнографических наблюдений она относит и человеческое поведение.

Источники этнографической информации Б. Копчинска-Яворска делит на непосредственные (устная традиция, предметы материальной культуры), «исторические» (которые можно ограничить во времени и пространстве) и «социологические» (характеризующие общественное сознание). С точки зрения методики собирания материала, докладчик различает источники этнографической информации, записанные самим исследователем, и источники, полученные другим путем.

Д. Симондес (Ополе) сделал доклад на тему «Процесс повторного возрождения традиционных народных сюжетов», в котором сравнила собранные ею материалы с соответствующими записями в той же местности, сделанными сто лет назад.

Наблюдения и анализ показали, что время от времени при определенных обстоятельствах старые народные сказания возрождаются. Достаточно какого-нибудь толчка, чтобы они снова ожили. При этом их фабула либо совсем не меняется, либо обогащается современным материалом.

В. Келембетова (Киев) выступила с докладом «Некоторые вопросы этнографических исследований в Украинской ССР». Советские этнографы В. К. Бондарчик (Минск) и Л. Н. Терентьева (Москва) выступили в прениях.

На методологической секции были также прочитаны доклады Я. Климашевской (Торунь) «Проблемы этнографических исследований духовной и общественной культуры в Польше», З. Шифельбейн-Соколевич «Применение сравнительного метода к исследованию пастушеских культур», А. Позерн-Зелинского (Познань) «Роль и место этнографии в изучении религиозно-общественных изменений в странах третьего мира».

Заседания секции музееведения были посвящены научной и культурно-просветительной деятельности музеев Польской Народной Республики за 25 лет. Важное место в работе секции занимала проблема создания этнографических музеев под открытым небом (скансен). Перед началом работы секции участники конференции ознакомились с экспозициями скансена Торуньского музея.

Первый доклад, «Польские этнографические музеи под открытым небом», сделала М. Знамеровска-Прюфферова. Она отметила, что за рассматриваемый период была проведена очень большая организационная и научно-исследовательская музейная работа. Такая работа была совершенно необходима, так как во время второй мировой войны этнографическим коллекциям Польши был причинен огромный ущерб.

Докладчица ознакомила слушателей с численностью, территориальным размещением

и профилем музеев, и отметила, что польские этнографические музеи в основном построены по территориальному принципу; в настоящее время наблюдается тенденция к специализации музеев и по тематическому принципу. Так, в экспозиции Торуньского музея особо выделено рыболовство, в музеях Варшавы и Кракова — народное искусство, в музеях под открытым небом показано народное строительство и различные виды занятий населения.

В докладе Я. Оптоловича (Люблин) «Проблема тематической дифференциации региональных музеев на примерах Люблинского воеводства» было показано, что для польских музеев проблема дифференциации из года в год становится все более актуальной, так как количество их непрерывно растет. Наибольшие трудности при проведении тематической дифференциации связаны с выбором специализации музеев, так как этнографические области крупнее административных и границы их обычно не совпадают. По мнению автора, чтобы правильно распределить материал и установить направление специализации, необходимо в начальный период создания региональных музеев собирать экспонаты, характеризующие культуру народа во всем ее многообразии.

Б. Базелих (Бытом) в своем сообщении «Этнографические отделения музеев Верхней Силезии за 25 лет существования Польской Народной Республики» рассмотрела вопросы организации и комплектации этих отделений. Она информировала участников конференции о размерах коллекций музеев области (от 2000 до 10 000 единиц) и об их специфике. Б. Базелих сообщила, что планируется создание этнографического музея под открытым небом в Хожове, который в будущем должен стать центральным этнографическим музеем Верхней Силезии.

Вопросы практики музейного дела были темой докладов Я. Ромпского (Торунь) «Документация этнографических музеев под открытым небом» и Л. Смочевиц (Санок) «Роль этнографов в планировании музеев под открытым небом».

М. Знамеровска-Прюфферова в своем втором докладе, «Народная культура куявов деревни Ракутово Вроцлавского повята Быдгощского воеводства в этнографическом отделении Торуньского музея», познакомила присутствующих с исследовательской и культурно-просветительной работой этого музея.

В докладе подчеркивается, что целью этнографической экспозиции под открытым небом Торуньского музея является реконструкция традиционной народной культуры на рубеже XIX и XX вв. В связи с этим научно-исследовательская работа музея направлена на то, чтобы на конкретном материале экспозиции показать в максимально детализированном виде ход исторического развития народной культуры.

Результаты исследования отдельных конкретных вопросов на материале деревни Ракутово были отражены в содокладах научных сотрудников Торуньского музея М. Пецюкевич «Земледелие и животноводство», М. Полякевич «Приготовление пищи», Х. Микуловской «Одежда, вышивка и кружева», Л. Складовской-Антонович «Обрядность, связанная с календарными праздниками», Е. Аржинской «Народная литература», Б. Шиховской-Бебель «Традиционные приемы врачевания в Ракутове и окрестных деревнях», Х. Пшеславской (Познань), «Опекание», а также в сообщении М. Знамеровской-Прюфферовой «Строительство, интерьер крестьянских построек, некоторые виды занятий (ремесла) и обряды».

В ряде сообщений говорилось о перспективных планах устройства музеев под открытым небом. Д. Повилианска-Мазур (Люблин) в сообщении «Предпосылки создания Люблинского этнографического музея под открытым небом» указала, что этнографический материал из Люблинского воеводства имеет значение для исследования культуры не только польского, но и русского народа. Она сообщила, что в 1968 г. в Люблине на площади в 11 га начата организация «Люблинского сельского музея». Здесь экспонированы старые постройки, характерные для мелкобуржуазных слоев населения. В будущем сюда же будет перемещено около 50 объектов, которые представляют различные типы деревянного строительства в окрестностях Люблина. Помимо старых деревянных жилых домов и целых крестьянских усадеб здесь будут также представлены барак для батраков, корчма, школа, комплекс построек небольшого имения, церковь со звонницей. В этом этнографическом музее под открытым небом будет отражена и техника сельского ремесла: четыре мельницы, мастерская по производству растительного масла, кузница, гончарная печь, конный привод и водонапорная башня. При крестьянских усадьбах будут заложены небольшие участки с посевами различных зерновых и овощей. Некоторые жилые объекты перевезут вместе с интерьером, в других оборудуют экспозиции предметов народного творчества и материальной культуры. Создание люблинского скансена намечено закончить к 1980 г.

Для участников съезда были также организованы экскурсии по этнографическим музеям Быдгощского и Краковского воеводств, им была предоставлена возможность осмотреть исторические памятники и коллекции произведений искусства.

А. П. Алсупе, В. Е. Келембетова

НАРОДЫ СССР

Г. Х. Мамбетов. Куба в прошлом и настоящем (Историко-этнографические очерки). Нальчик, 1968, 252 стр.

Исследование культуры и быта многонационального колхозного крестьянства СССР, изучение и обобщение конкретного опыта строительства социализма и коммунизма в отдельных национальных районах страны имеет большое научно-теоретическое и практическое значение. С этой точки зрения рассматриваемая книга Г. Х. Мамбетова, посвященная истории, экономике, культуре и быту кабардинского селения Кубы представляет несомненный познавательный интерес. На примере одного села в книге как бы прослеживается весь тот путь, который кабардинское крестьянство проделало за 50 лет Советской власти. По существу это первое монографическое исследование величайших перемен, происшедших после Великого Октября в жизни крестьянства такого своеобразного этнографического района, как Кабарда.

В работе использованы архивные источники и результаты полевых наблюдений автора, в том числе и выборочное подворное социологическое анкетирование. Широко использованы также материалы местной республиканской периодической печати. Все это позволило автору всесторонне и глубоко охватить тему своего исследования.

Книга открывается краткой характеристикой экономического положения крестьян Кубы в предреволюционный период. Весьма убедительно показан рост имущественного расслоения и обнищания трудящихся села, стоявших фактически на пороге вымирания. Приводимые в книге материалы рисуют беспросветную жизнь крестьян Кубы. Половину всех хозяйств составляли безлошадные. Крайне низким был общий культурный уровень жителей села. Быт отличался консервативностью и был всецело подчинен старинным адату и шариату. Грамотность едва достигала 5%. Впрочем, как справедливо отмечает автор, для территории, занимаемой современной Кабардино-Балкарией, и эта цифра была рекордной (стр. 21).

Во второй главе книги дается краткий очерк истории Кубы в период Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны. Как известно, Куба сыграла большую роль в борьбе за установление Советской власти в Кабарде и Балкарии. Из крестьян Кубы вышли руководитель кабардинских большевиков Б. Э. Калмыков, видный советский деятель Кабарды начальник земельного управления области З. М. Мидов, известный командир революционных отрядов Т. Ш. Шуков и многие другие. Содержащийся в главе материал показывает мужественную борьбу жителей Кубы — рядовых представителей трудового кабардинского крестьянства за власть Советов.

Третья и все последующие главы книги посвящены показу социально-экономических изменений, происшедших в селе в советские годы.

В главе «Куба в годы строительства социализма» рассказывается о хозяйственном развитии села в 1920—1930-е годы, прослеживается ход коллективизации в селе, отмечаются первые успехи колхозного производства. Одновременно детально характеризуется роль сельского Совета, правления и партийной организации в борьбе за новую жизнь, за поднятие культурного уровня трудящихся.

Большое внимание в работе Г. Х. Мамбетова уделено самоотверженному труду колхозников Кубы в годы Великой Отечественной войны, а также участию воинов из села в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками (четвертая глава). Маленькая Куба отправила на фронт более 500 своих лучших сынов и дочерей, почти половина из них не вернулась домой, пав смертью храбрых в боях за Советскую Родину. Многие жители Кубы — участники войны, солдаты и офицеры — были отмечены правительственными наградами. В числе их летчик-истребитель А. М. Тхакумачев, сбивший 11 вражеских самолетов, водитель-танкист Нургали Чеченов, танк которого первым переправился через Одер, пехотинец О. Ш. Далсв и многие другие.

Война и немецко-фашистская оккупация, длившаяся с августа 1942 г. по январь 1943 г., нанесли общественному хозяйству Кубы тяжелый урон, от которого оно даже не могло оправиться. Оккупанты уничтожили тысячи гектаров посевов, разграбили всю сельскохозяйственную технику, почти полностью истребили поголовье общественного скота, сожгли большую часть колхозных построек. В результате резко упали урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства. Только к середине 1950-х годов колхозное производство вновь достигло довоенного уровня и смогло двинуться дальше. Во второй половине 1950-х и в 1960-х годах общественное хозяйство села развивается особенно быстрыми темпами: колхоз «Куба» выходит на одно из первых мест в республике. О том, каким образом разрозненное хозяйство за столь короткий срок смогло подняться на ноги и выйти в число передовых, об организации труда и производственного быта в колхозе подробно рассказывается в главе «Развитие общественного хозяйства колхозов Кубы в 40—60-е гг. Производственный быт колхозников».

Интересны и содержательны главы книги, посвященные общественному и семейному быту, раскрепощению женщины, материальной и духовной культуре. Особенно следует отметить главу «Общественный быт». Это до сих пор одна из наименее разработанных тем в советской этнографической литературе. Автор конкретно показал здесь различные стороны работы общественных организаций и культурно-просветительных учреждений. В качестве положительного факта отметим также, что автор пишет не только об успехах, но и о недостатках в работе этих учреждений, вскрывает причины этих недостатков, высказывает свои соображения о путях их исправления и устранения.

В последней главе книги рассказывается о бурном росте духовной культуры кабардинского селения за годы Советской власти, о развитии школьного образования, о подготовке кадров специалистов средней и высшей квалификации из числа жителей села, об успехах здравоохранения. В дореволюционной Кубе за исключением одной начальной школы, в которой училось всего 20—30 человек, не было никаких культурных и просветительных учреждений. Среди жителей села свирепствовали эпидемические болезни — тиф, оспа, малярия и др. В советские годы в Кубе были открыты три школы — средняя, начальная и вечерняя, дом культуры со стационарной киноустановкой и зрительным залом на 500 мест, библиотека с книжным фондом в несколько десятков тысяч томов, которая в 1958 г. завоевала звание лучшей библиотеки РСФСР, участковая больница с амбулаторией и родильным домом, почта, телефон, телеграф и ряд других учреждений и общественно-бытовых заведений. Изменился социальный состав жителей села: помимо колхозников в настоящее время в Кубе работает около 160 механизаторов различного профиля и более ста специалистов с высшим, незаконченным высшим и специализированным средним образованием. Колхозники, как и рабочие, получают сегодня за свой труд вместо трудной заработной платы, не уступающую заработной плате рабочих в городах, а престарелые и нетрудоспособные инвалиды обеспечиваются пенсией в размере 50% прежнего заработка. Женщины пользуются дорожным и послеродовым отпуском.

Таким образом, книга Г. Х. Мамбетова рисует нам яркую картину расцвета экономики и культуры колхозного села за 50 лет Советской власти, показывает, что в колхозной деревне, особенно в последние годы, идет быстрый процесс стирания существенных различий между городом и деревней.

Недостатком работы является несколько бледное освещение ряда сторон жизни сельского населения. В частности, в книге, написанной этнографом и носящей подзаголовок «Этнографические очерки», хотелось бы видеть больше чисто этнографического материала по одежде, пище, семейным отношениям, воспитанию детей в прошлом и настоящем в кабардинском селении. Можно указать и на другие менее значительные недостатки: повторы в изложении, отсутствие поясняющих заголовков в таблицах, а иногда и в тексте (например, на стр. 118 и т. д.). Однако все это ничуть не снижает ценности работы, которая представляет собой выполненное на высоком уровне историко-этнографическое исследование. Ряд выводов и обобщений автора представляет значительный научный интерес для характеристики тех глубоких преобразований, которые имели место в жизни сельского населения не только Кабардино-Балкарии, но и других национальных областей Северного Кавказа.

В. П. Кобычев

А. К. Алиев. Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Махачкала, 1968, 290 стр.

Вышедшая в свет монография А. К. Алиева подытоживает и обобщает многолетнюю работу автора по изучению и осмыслению народных традиций и обычаев и их роли в формировании нового человека.

Главная цель, которую ставит перед собой автор, — исследовать сущность и закономерности формирования народных традиций и обычаев, выяснить роль прогрессивных традиционных и новых обычаев в формировании духовного облика человека ком-

мунистического общества, а также исследовать причины сохранения и наметить пути преодоления вредных традиций и обычаев. Особое внимание уделяется проблеме соотношения национального и интернационального в традициях и обычаях советского общества в период строительства коммунизма. Круг проблем, охваченных А. К. Алиевым, весьма широк. Автор, по сути дела, пытается дать систематическую концепцию происхождения народных традиций и обычаев. При этом он анализирует экономические, социальные, революционные, национальные, культурные, профессиональные, военные, бытовые, религиозные и другие традиции и обычаи.

Монография состоит из введения, трех обстоятельных глав и заключения. Большую ценность представляет библиографическая часть книги, где впервые в нашей литературе дается наиболее полный перечень литературы на эту тему.

Первая глава работы посвящена исследованию социальной сущности традиций и обычаев. В ней дается определение понятий «традиция» и «обычай», раскрываются их специфические черты и факторы, влияющие на их формирование и развитие, рассматриваются элементы классового и общечеловеческого в традициях и обычаях, определяется их место и роль в развитии общества.

По мнению автора, традиции и обычаи — это особая форма социальных отношений, регулирующих деятельность людей. Они охватывают сферу материальной и духовной деятельности людей, быт, политику, отношения классов и государства, индивида и общества и т. д.

В отличие от тех исследователей, которые рассматривают традиции и обычаи как категории общественной психологии, автор исходит из того, что они вырабатываются и присутствуют во всех формах общественного сознания: политической идеологии, морали, искусстве, науке, религии. Больше того, каждая из форм влияет на развитие традиций и обычаев. Они либо складываются стихийно, либо вводятся сознательно.

Автор подробно анализирует специфические признаки и особенности традиций и обычаев — преемственность; повторяемость; устойчивость; обеспечение их соблюдения силой общественного мнения; наглядно-чувственный, эмоциональный характер. Наконец, автор рассматривает их как один из основных компонентов психического склада нации и народности.

В монографии на большом фактическом материале прослеживается влияние на формирование и развитие народных традиций и обычаев таких факторов, как способ производства, социально-экономические условия жизни общества; общее историческое происхождение народов, родство языков и культур, особенности психического склада нации и народности; географическая среда и т. д. При этом автор правильно подчеркивает, что главными факторами являются способ производства материальных благ и социально-экономические условия жизни общества.

Традиции и обычаи рассматриваются в монографии в процессе становления, развития и отмирания. По мнению автора, этот процесс идет по трем взаимосвязанным направлениям: созидание нового, преемственность лучшего из прошлого, преодоление или ломка старого. Вследствие этого традиции и обычаи в период жизни каждого поколения состоят из целиком унаследованных, переработанных и заново созданных элементов, подчиненных своей внутренней закономерности. Это — диалектический закон развития традиций и обычаев.

Следующая группа проблем, которые ставит и решает автор, касается элементов классового и общечеловеческого в традициях и обычаях. А. К. Алиев исходит из того, что многие традиции и обычаи, которые на первый взгляд кажутся общечеловеческими, общенациональными и имеют в классовом обществе конкретно-историческое содержание. Однако это не исключает наличия общенациональных и даже общечеловеческих традиций и обычаев. В ходе развития общества накапливались определенные нормы и принципы, которыми руководствовались все люди.

Во второй главе, озаглавленной «Закономерности формирования социалистических традиций», рассмотрен длительный и сложный процесс, включающий преобразование всех сторон духовной жизни общества. Эти этапы отражают становление нового человека и характеризуются качественными изменениями, происходящими в формировании новых, социалистических традиций и в преодолении реакционных традиций прошлого.

Характеризуя наиболее важные черты этого процесса, А. К. Алиев утверждает прежде всего, что в основе процесса формирования новых традиций лежат не субъективные, а объективные, притом глубинные факторы. В конечном счете этот процесс обусловлен изменением задач на различных этапах коммунистического строительства.

Во-вторых, формирование социалистических традиций происходит двумя путями — под влиянием марксистско-ленинских идей и в результате изменения условий труда и быта.

В-третьих, каждый следующий этап развития социалистических традиций вбирает в себя содержание предыдущих этапов, обогащая и изменяя его.

Опыт перехода ранее отсталых народов от патриархально-феодалных и капиталистических отношений к социалистическим показывает наличие ряда этапов в процессе формирования социалистических традиций. Автор выделяет четыре этапа.

Нам представляется интересным и важным раздел, в котором автор рассматривает четвертый этап, характеризующийся развитием общей для всех советских наций и народностей интернациональной идейной основы традиций, а также их взаимообогащением и взаимным сближением.

На современном этапе коммунистического строительства, говорит автор, в области традиций советских народов происходит двуединый процесс: с одной стороны, обогащаются содержание прогрессивных традиций каждого народа, а с другой — складываются общие, единые для всех наций и народностей интернациональные традиции, что соответственно меняет прежнее представление о них, как о явлениях чисто национальных. Не только в содержании традиций и обычаев, но и в их форме все большее значение приобретают интернациональные элементы. Такое взаимовлияние лишь обогащает самобытные национальные формы.

Далее автор подробно исследует процесс формирования социалистических традиций народов Северного Кавказа. Отмечая, что он проходит на основе общих для всех народов СССР закономерностей, А. К. Алиев подчеркивает, что в условиях национальных республик Северного Кавказа этот процесс имел свои особенности, вытекающие из конкретно-исторических условий перехода этих народов к социализму.

В третьей главе («Традиции и формирование духовного облика человека коммунистического общества») автор как бы подводит итог своему исследованию. Здесь он непосредственно рассматривает революционные патриотические и трудовые традиции, традиции дружбы, братства и взаимной помощи, прогрессивные национальные и новые семейно-бытовые традиции, обычаи, обряды и их роль в коммунистическом воспитании трудящихся. В главе дается анализ вредных традиций и обычаев, рассматриваются формы их проявления и причины сохранения, намечаются пути преодоления. Автор дает также рекомендации по внедрению новых гражданских обрядов в быт трудящихся. Особое внимание уделено определению сущности революционных, патриотических и трудовых традиций и их роли в коммунистическом воспитании трудящихся.

Северный Кавказ — наиболее многонациональный край нашей страны. На его территории живут и трудятся представители более 50 национальностей, в том числе более 30 коренных народностей и этнических групп живут в Дагестане. Опыт разрешения национального вопроса и формирования традиций дружбы и братства в таком многонациональном районе нашей страны, как Северный Кавказ, имеет огромное теоретическое и практическое значение. Поэтому автор на обширном материале из жизни этих народностей показывает процесс формирования традиций дружбы, братства и взаимной помощи, анализирует факторы, способствующие ускорению этого прогрессивного процесса.

Народы Северного Кавказа, как и другие народы нашей многонациональной страны, выработали в течение веков свои национальные традиции и обычаи, обусловленные конкретно-историческими, социально-экономическими и природными условиями. Лучшими из них являются: героические и свободолюбивые традиции, сложившиеся в борьбе с многочисленными захватчиками и «своими» эксплуататорами; любовь к Родине и своему народу; верность дружбе и данному слову; уважительное и почтительное отношение к старшему; скромность и вежливость; гостеприимство и радушие; обычаи побратимства и взаимной помощи; трудолюбие и т. д. На конкретном материале автор показывает, как эти прогрессивные национальные традиции и обычаи используются партийными организациями и общественностью Северного Кавказа в работе по коммунистическому воспитанию трудящихся.

Создание духовных предпосылок коммунизма и формирование нового человека предполагают преодоление устаревших, обветшалых традиций, обычаев и обрядов. Автор условно разделяет их на три группы: а) традиции и навыки, ставшие пережитками, но еще встречающиеся непосредственно в сфере производства или весьма тесно с ним связанные; б) религиозные верования, праздники и обряды; в) традиции и обычаи, сохранившиеся в семейно-бытовых отношениях.

При определении путей и средств преодоления вредных традиций и обычаев прошлого отмечается особая роль новых гражданских обрядов и праздников. Автор справедливо считает, что одного разоблечения реакционной сущности пережитков прошлого недостаточно. Люди должны получить взамен отброшенных новые по форме и содержанию праздники, обряды и обычаи, удовлетворяющие их моральным и эстетическим потребностям. Поэтому в книге большое место отводится новым гражданским обрядам и их роли в коммунистическом воспитании трудящихся.

В конце третьей главы даются рекомендации для решения ряда практических вопросов, связанных с внедрением в быт трудящихся новых гражданских обрядов и праздников. На наш взгляд, заслуживает внимания мнение автора о желательности создания асесоюзного и северокавказского координационных центров по вопросам внедрения новых гражданских обрядов и проведения соответствующих научно-теоретических и научно-практических конференций и семинаров.

В «Заключении» автор подводит итоги исследования, подвергает критике теоретические и методологические основы концепций буржуазных социологов о неизменности человеческой сущности, о невозможности влияния человека на окружающую среду, о беспечности попытки формирования новых и преодоления устаревших традиций и обычаев.

Обилие фактического материала, тщательный анализ сущности народных традиций и обычаев, широкое использование источников и работ советских философов, социологов, историков, этнографов, педагогов, аргументированность выводов — все это позволяет рассматривать книгу А. К. Алиева как своего рода попытку подвести общий итог современных исследований по данной проблематике.

Признавая эту попытку в целом удачной, нам хотелось бы отметить и некоторые недостатки данного труда.

На наш взгляд, автору следовало бы шире осветить вопрос о влиянии форм общественного сознания на формирование традиций и обычаев современного советского общества. В частности, при выяснении вопроса о месте традиций и обычаев в социальной жизни следовало бы учесть, что они оказывают влияние на сознание не как изолированный, полностью самостоятельный фактор, а наряду и в связи с другими явлениями общественной жизни (например, общественным мнением, общественным настроением и т. п.). Мы считаем, что следовало также глубже рассмотреть вопрос о соотношении национального и интернационального в традициях советских народов.

В книге используются статистические материалы и данные конкретно-социологических исследований (последние, на наш взгляд, недостаточно полно). Однако во многих случаях эти материалы служат скорее иллюстрацией для некоторых общих положений, а не объектом конкретного анализа. Правда, недостаток материала — это скорее не вина, а беда автора работы: он обусловлен слабым развитием конкретно-социологических исследований в области общественного сознания. Такое положение наводит на мысль о необходимости организации дальнейших исследований в этой области.

Некоторые из выдвинутых в книге положений, по нашему мнению, страдают излишней категоричностью. Это касается, в частности, выводов автора о формировании новой межпоколенческой общности.

В работе встречаются отдельные повторы, нечеткие формулировки, растянутые предложения.

Однако следует отметить, что эти недостатки не умаляют теоретического, идейно-политического и практического значения рецензируемой книги. Монография А. К. Алиева — интересное исследование, отличающееся глубиной теоретической мысли и оригинальностью. Приходится сожалеть, что книга выпущена малым тиражом — 1000 экз.

Х. М. Хашаев

Этнографические очерки узбекского сельского населения, М., 1969, 293, илл.

Рецензируемая книга относится к серии крупных коллективных монографий, посвященных народам средней Азии и Казахстана. В работах, выходящих в свет с 1954 по 1967 г., на основании обширного полевого этнографического материала и данных письменных источников показаны коренные преобразования, происшедшие за годы Советской власти в хозяйственном укладе, общественном строе, быте и культуре сельского населения исследуемых народов. Авторы рецензируемой работы ставили перед собой, наряду с отмеченными выше проблемами, задачу исследовать основные тенденции развития современной культуры и быта, производственных, общественных и семейных отношений узбекского сельского населения, а также показать современные этнические процессы в типичном для Узбекистана сельском районе. Нужно отметить, что для большинства районов Узбекистана в настоящее время типичным является неоднородность этнического состава населения при значительном преобладании узбеков, многоотраслевое сельское хозяйство при ведущей роли хлопководства, соседство городов и рабочих поселков, возникших в результате развития промышленности, зачастую на месте колхозных кишлаков.

Исследования в течение ряда лет проводились в Пастдаргомском районе Самаркандской области, выбранном среди других в результате двухгодичного маршрутного обследования этого региона. Обследовавшийся район отличается многонациональным составом и своеобразным бытом населения. Кроме того, он близко расположен к Самарканду и находится больше, чем другие районы, под влиянием городской культуры. Последнее обстоятельство дало возможность авторскому коллективу исследовать на конкретных примерах процессы сближения сельской и городской культуры.

Авторы монографии в своей работе широко использовали как полевой этнографический материал, так и литературные данные. Значительный интерес представляет первая глава книги — «Население» (Б. Х. Кармышева), в которой довольно подробно освещаются вопросы истории формирования населения и современных этнических процессов в этом районе, населенном с давних пор таджиками, узбеками, туркменами и арабами, после присоединения Средней Азии к России и рядом других народов. Путем тщательного анализа и сопоставления различных источников автор определил время появления каждого из них, показал современные этнические процессы.

Во второй главе «Занятия населения» (Р. Я. Рассудова) рассказано о хозяйственной деятельности и социальных отношениях узбекского населения. Автор подробно останавливается на характеристике главных отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства. Большое внимание уделяется орошаемому земледелию, широко распространенному в долине Зеравшана. Эта форма земледелия, в отличие от богарной, о которой, кстати, сказано очень мало, способствовала и способствует возделыванию различных сельскохозяйственных культур. Материал стал бы еще интереснее, если бы Р. Я. Рассудова не ограничилась просто перечислением существующих в этом районе систем земледелия, а дала бы характеристику их, как это было сделано в разделе о плодосменной системе. Кстати, ничего не сказано о сельскохозяйственных орудиях. Огорчает также отсутствие ссылки на существующую по этому вопросу литературу. С развитием экономических свя-

зей между Россией и Средней Азией в изучаемом районе изменяется направление земледелия. Главной культурой здесь становится хлопок, постепенно вытеснивший все остальные сельскохозяйственные культуры. Довольно слабо написан раздел, характеризующий скотоводство. Из описания не ясно, какой вид скота и в каких зонах преобладал, каковы были системы скотоводства. Мало сказано также и о скотоводстве равнинной части района.

С интересом читается раздел «Подсобные промыслы», где описываются домашние отхожие промыслы. Затем идут разделы «Организация крестьянского хозяйства», «Социальные процессы», в которых освещаются некоторые исторические вопросы и вопросы касающиеся способов орошения полей в дореволюционный период. Рассказывается формах землевладения, о взаимоотношениях между социальными категориями и т. Возможно, что выделение таких разделов оправдано; вместе с тем здесь часто встречается повторение материала, дающегося в других разделах.

Большой интерес представляет раздел «Организация крестьянского хозяйства», в котором впервые обстоятельно рассмотрен вопрос о «кара-казанах» — пережиточной форме водоземельной общины. К сожалению, здесь говорится лишь об организации хозяйства на поливных землях. Читателю остается неясным, как было организовано хозяйство на богаре, какие порядки и обычаи ведения земледельческого хозяйства существовали. Рассматривая организацию труда крестьян в период коллективизации, автор с успехом впервые в этнографической литературе пытается проследить и (делает это довольно удачно) процесс постепенного изменения общинных традиций и взглядов.

Весьма удачно сделана глава «Бытовой уклад населения» (Б. Х. Кармышева), посвященная описанию материальной культуры населения исследуемого района. Большим достоинством этой главы является то, что автор сумел отразить национальную специфику почти каждого из изучаемых народов, проявляющуюся в жилище, убранстве, пище и т. д. Хорошее знание быта позволило автору отметить своеобразие в поселении и жилище у таджиков, полукучевых узбеков, а также найти большое сходство в их одежде. Весьма положительным фактом является и то, что в этой главе более последовательно, чем в других, соблюдается принцип историзма, т. е. явления показаны на разных этапах своего развития.

В результате присоединения к России Средней Азии и проникновения в этот район капиталистических отношений, отмечает автор, в жизни туркменского народа произошли большие хозяйственно-политические изменения. Так, итогами этого события было постепенное оседание в конце XIX и начале XX в. полукучевых и кочевых народов, складывание определенных типов поселений, жилищ, хозяйственных построек, изменения в духовной культуре. С этого времени в низовьях Даргома возникло большое количество поселений, по определению автора, гнездового типа, располагавшихся в основном вдоль магистрального оросительного канала. При этом выявляется характерная этнографическая деталь: население, которое вело полукучевую жизнь — узбеки-найманы, кипчаки, хитай и сарай, а также арабы и туркмены, оседало небольшими, порой родственными группами, причем разбросанно; оседлое население (таджики, бухарцы, отчасти мангыты) также селилось родственными группами, но не разбросанно, а скученно, образуя небольшие кишлаки. Все эти поселения, составлявшие отдельные большие общины, считались в литературе хуторами, против чего справедливо выступает автор.

Значительный интерес в данной главе представляет раздел, посвященный советскому периоду. Уже в 30-х годах у бывших кочевников повсюду строились глинобитные дома, не успешные, однако, до тех пор вытеснить окончательно юрту; старая утварь заменяется фаянсовой посудой, постепенно улучшается пища, широко проникают в деревню городские формы одежды и т. д. В наши дни, как видно из многих приводимых в главе примеров, материальная культура исследуемого сельского района все больше сближается с материальной культурой городского населения. Так, мелкие кишлаки превращаются в крупные населенные пункты, появились дома новых типов, среди которых многокомнатный, квадратный в плане дом городского типа имеет наибольшее распространение.

Начинает меняться и одежда: городские формы проникают прежде всего в мужскую и лишь отчасти в женскую одежду, при этом традиционный женский костюм в основном сохраняется.

Большое достоинство рассматриваемого раздела — наличие многих хорошо выполненных иллюстраций (фотографии, чертежи, рисунки) по жилищу, одежде, утвари.

Глава «Семья и семейный быт» (Л. Ф. Моногорова) построена на большом полеводно-этнографическом материале, характеризующем с достаточной полнотой современное состояние узбекской семьи. Вызывают интерес данные о неразделенной семье, которая, по утверждению автора, еще в конце XIX и начале XX вв. была преобладающей в исследуемом районе. Однако поскольку для конца XIX в. эта форма семьи уже не была господствующей во многих других районах Средней Азии, то желательно было бы иметь здесь хотя бы некоторые статистические данные, подтверждающие степень ее столь широкого распространения.

Кстати, термин «неразделенная семья» принят далеко не всеми исследователями, а те, кто его признает, расходятся в понимании сущности этого термина. Поэтому автору следовало бы дать более развернутое его определение. Значительное место в главе отводится характеристике развития советской семьи, борьбе за раскрепощение женщины и росту ее активности во всех областях жизни колхозного села. Много внимания уделено показу внутрисемейных отношений, воспитанию детей, а также описанию брака и семейной обрядности. В целом глава производит хорошее впечатление.

С большим интересом читается раздел «Духовный облик узбекского крестьянина» (П. Снесарев), в котором автор поднимает теоретические проблемы, отчасти в какой-то мере уже освещавшиеся в литературе. Мы имеем в виду один из главных тезисов автора о том, что географическая и духовная изоляция населения изучаемого района была разрушена с проведением дорог, с постройкой промышленных предприятий и культурно-просветительных учреждений. Эти факторы, способствовавшие уничтожению локальной особенности, как известно, были характерными и для многих других районов страны, чем не раз говорилось в литературе.

Однако заслуга автора заключается в том, что он на многочисленных примерах довольно обстоятельно показал завершение этого сложного процесса, причем совершенно правильно подчеркнул особое значение влияния городской культуры (передаваемой через школу, радио, телевидение, кино, прессу) на формирование духовного облика сельского узбекского населения.

Большого внимания заслуживают страницы, посвященные вопросам религии различных национальных и возрастных групп населения. Эта важная и мало разработанная проблема освещается всесторонне, отчего рассматриваемая глава приобретает актуальное политическое значение и может стать ценным пособием в борьбе с религиозными пережитками. В целом данный раздел монографии является серьезным вкладом в этнографическую науку.

Хотелось бы только отметить, что отсутствие характеристики дореволюционного мировоззрения узбеков несколько снижает научное значение монографии.

В заключение следует сделать одно общее замечание. В предисловии указывается, что в задачу монографии входит показ «современных этнических процессов в типичном для Узбекистана сельском районе». Для этого в книге должны были быть рассмотрены данные, относящиеся не только к узбекам, но и к другим национальностям, живущим в изучаемом районе. Между тем, ни один из авторов, кроме Б. Х. Кармышевой, не пытался этого сделать.

В целом можно отметить, что выход в свет рецензируемой монографии является значительным событием в этнографической науке.

Книга будет интересна и окажет большую помощь не только этнографам, изучающим быт и культуру современного колхозного крестьянства, историкам и философам, но и найдет себе широкий круг читателей.

Б. А. Калоев

«Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования», М., 1969, 168 стр.

Комиссия по использованию данных исторических наук для практики народного хозяйства при Отделении исторических наук АН СССР издала книгу о землях древнего орошения в Средней Азии и Казахстане под редакцией С. П. Толстова и Б. В. Андрианова. Это сборник, состоящий из 13 статей 16 авторов: археологов, этнографов, ирригаторов, почвоведов, географов. Такое содружество само по себе знаменательно и не часто встречается при разработке тех или иных проблем; начало его восходит к исследованиям Хорезмской экспедиции Института этнографии, как известно, давшей много интересных работ. Чем больше дифференцируются науки, тем больше нуждаются они друг в друге для разрешения больших комплексных задач. Поэтому не случайно привлечение специалистов разных профилей для выяснения вопроса об использовании земель древнего орошения Средней Азии и Казахстана в современном сельском хозяйстве.

Природные предпосылки развития орошаемого земледелия в аридной зоне СССР рассмотрены в статье П. А. Летунова и С. Л. Миркина, которые говорят о цифре в 3 млн. га поливной площади в пустынях и полупустынях СССР (а всего в нашей стране орошается около 9 млн. га), хотя фонд земель, пригодных к орошению, насчитывает 19,5 млн. га.

Водные ресурсы позволяют увеличить площадь орошаемых полей и садов, например только в бассейне Амударьи, вместо современных 2 до 5 млн. га. Но полному использованию водных ресурсов этой самой большой реки Средней Азии препятствует необходимость сохранения жизни в ее дельте и в Аральском море.

Следует ли использовать земли древнего орошения в нашу эпоху, когда техническая вооруженность и научная мысль позволяют по-иному решать вопросы ирригации, чем это делали наши предки тысячу — две тысячи лет назад? Казалось бы, на такой вопрос ответ прост. Да, следует!

Но материалы рецензируемого сборника вызывают сомнения в столь определенном и однозначном утверждении, в нем немало противоречий. В статье С. П. Толстова приводятся грандиозные размеры площади древнего орошения (о чем говорит приложенная карта): только в низовьях Амударьи и Сырдарьи они составляли от 4,5 до 5 млн. га, что в четыре раза превосходит современную поливную площадь. А всего в СССР земли древнего орошения занимают 8—10 млн. га (статья Б. В. Андрианова, стр. 42). Конечно, они не использовались под поливное земледелие одновременно, кроме того, при при-

митивной технике под посевы осваивалось только 10—15% земель, тогда как теперь: величина поднялась до 40—80% от общей площади зоны оросительных систем.

Археологи своими исследованиями показали нашим ирригаторам пути освоения пустынных, заброшенных, но потенциально плодородных земель. Это вполне убедительно показали С. П. Толстов, Л. В. Дунин-Барковский, Б. В. Андрианов и другие авторы. Но гораздо больше в книге можно найти предложений, устремленных в будущее, основанных на изучении следов былых ирригационных систем. С. П. Толстов, Я. Г. Гулямов, К. А. Акишев и К. М. Байпаков приглашают наших современников — ирригаторов, мелиораторов, агрономов — вновь освоить земли древнего орошения в низовьях крупных рек Амударьи, Сырдарьи, Или.

И вот тут возникают те противоречия, о которых я упоминал. Остановимся на этом кардинальном вопросе, который красной нитью проходит через весь сборник. Прежде всего следует ответить на вопрос о целесообразности широкого использования земель древнего орошения в дельтах названных крупных рек Средней Азии и Казахстана в современную эпоху. Их низовья расположены на севере пустынной зоны, где тепловых ресурсов несравненно меньше, чем на юге Средней Азии, где за вегетационный период суммы эффективных температур достигают рекордных для СССР величин. В Хорезме сумма температур воздуха за период с устойчивой температурой выше 5° равна 4200—4500°, тогда как на крайнем юге Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана она достигает 5600—5800 и даже 6000°. Именно в этих южных пограничных районах можно гарантированно культивировать самые ценные позднеспелые сорта хлопчатника. Оказывается, что экономически более выгодно строить новые ирригационные системы не на землях древнего орошения в низовьях Амударьи и Сырдарьи, а в верхних и частично средних районах их бассейнов. Что же касается дельты р. Или и ее удивительно хорошо сохранившихся мертвых русел — баканасов, то уже осуществляемое на р. Или строительство Капчагайской ГЭС, водохранилища и новых больших магистральных каналов преусматривает освоение значительных массивов в средней части бассейна этой реки.

Это положение о целесообразности освоения в первую очередь южных целинных земель Средней Азии ясно прозвучало в статье П. А. Летунова и С. Л. Миркина.

Земельные ресурсы в Средней Азии и Южном Казахстане немалы. Но невозможно оросить их имеющимися запасами влаги. Направляя речную воду для полива площадей в верхних и средних районах речных бассейнов, мы тем самым обрекаем на безводье и голодный паек их низовья. Одновременно ставится под сомнение возможность и целесообразность существования в будущем конечных бассейнов Арала и Балхаша, но это уже другая большая тема, о которой много говорилось и писалось и которая выходит за пределы рецензируемой книги.

Проблема ограниченности водных ресурсов и наиболее эффективного их использования приобретает с каждым годом, в связи с ростом водопотребления в народном хозяйстве, все большее значение. В своей статье Л. В. Дунин-Барковский высказывает мнение, что изъятие воды из рек для полива не уменьшает их сток. «Наблюдения за динамикой стока Сырдарьи и некоторых других рек Арало-Каспийской низменности показывают, что, несмотря на значительное увеличение орошаемых площадей в последнее десятилетие, сток этих рек не только не уменьшился, но даже несколько увеличился. Такие крупные реки, как Амударья и Сырдарья, при увеличении орошаемой площади в их бассейнах в два с лишним раза даже несколько увеличили свой сток в Аральское море, что привело к подъему уровня моря на 4 м» (стр. 41). Автор статьи полагает, что причина этого парадоксального явления кроется в уменьшении испарения с зарослей диких влаголюбивых растений, сокращении площадей разливов и т. д. Но дело здесь гораздо сложнее. Увеличение стока рек за короткий промежуток времени зависит не только от производственной деятельности человека, но и от гидрогеологической обстановки (возврат в реку части поливных вод), от суммы осадков за этот период, от температурного режима и связанного с ним процесса таяния снегов и льдов в горах. В течение последних лет наблюдается уже падение уровня Аральского моря и уменьшение стока в реках, его питающих. Трудно представить, что изъятие громадной массы воды из Амударьи для снабжения Каракумского или Каршинского каналов, измеряемое несколькими кубическими километрами в год, не сказалось бы на дебете этой реки в среднем и нижнем ее течении.

Чтобы быть конкретным, укажу, что только один Каракумский канал в 1969 г. потребляет более 7 км³ амударьинской воды, а в ближайшие 5 лет это количество увеличится еще на 1—1,5 км³ в год и составит массу воды порядка 9 км³ из 64 км³ амударьинского расхода, наблюдаемого у Керков (средняя величина за период 1911—1961 гг.). И вот результат. Если в конце 50-х годов уровень Аральского моря действительно повышался, то после 1960 г. уровень неуклонно падал. Такого низкого, как в 1968 г., стояния своих вод Аральское море не знало за весь период систематических гидрологических наблюдений по футштоку (1911—1968). Правда, в 1969 г. благодаря обильным зимним осадкам и интенсивному таянию горных снегов воды в Арале стало несколько больше, и все же ее уровень поднялся всего на 7 см.

Осуществление грандиозного гидростроительства в бассейнах среднеазиатских рек не может не отразиться на судьбе их дельт и Арала. По одним данным¹ после 1975 г. в пределах дельты Амударьи через гидроствор Чатлы будет поступать не более 10%

¹ М. М. Рогов, С. С. Ходкин, С. К. Ревина, Гидрология устьевой области Амударьи, Гидрометиздат, М., 1968, стр. 219.

современного объема стока реки, а по другим прогнозам сток рек Аральского бассейна сократится к 1980 г. на 80%, а уровень моря упадет на 19—24 м (рецензируемая книга, стр. 25).

Данные исторических наук позволяют многим ученым утверждать, что климат пустынь за последние 2000—3000 лет не претерпел существенных изменений. Другие же видели в землях древнего орошения с остатками ирригационных сооружений доказательство ухудшения климата, его усыхания, уменьшения осадков, оскудения речного стока. В статье В. М. Массона «Древнее орошение на Мисрианской равнине» показано, что земледелие базировалось здесь на каналах, питавшихся из Сумбаро-Атреской системы; она всегда лимитировала поступление воды на поля, и исчезновение орошения здесь не должно быть связано с теориями «усыхания» (стр. 109).

Соглашаясь с автором, когда он выступает против теории «усыхания», следует одновременно усомниться относительно источника орошения. Сумбар-Атрек у Мисрианской равнины течет в глубоком русле, врезающемся на 30 м и более в окружающую местность. Трудно представить, чтобы человек в прошлом, при примитивной технике и отсутствии каменного материала, мог построить надежную земляную плотину такой высоты и отвести воду в сторону. К тому же интересно: почти все памятники древних сельскохозяйственных оагав на Мисрианской равнине, по наблюдениям среднеазиатских экспедиций Института географии АН СССР, расположены на расстоянии нескольких километров от долины реки. Все это как будто говорит о том, что поливное земледелие Мисрианской равнины базировалось на сборе и магазинировании воды временных дождевых потоков с гор Копетдага и по существу получение регулярных урожаев не было обеспечено. Видимо, это последнее обстоятельство и следует учитывать как решающее в определении причин заброшенности Мисрианского оазиса. Земледельцы предпочли места, которые орошались постоянно текущими водами у северного подножия Копетдага или на территории современного Ирана.

Еще об одном аспекте. Археологи только в последние 20—25 лет достаточно уяснили роль засоления орошаемых земель в истории древних сельскохозяйственных цивилизаций. Этот процесс казался неотвратимым. Многие высокие культуры античного мира испытали ужасающие последствия засоления и гибель орошаемых земель в долинах Северной Африки, на равнинах Месопотамии, да и в других районах Переднего Востока. И оазисы Средней Азии не избежали общей участи. Некоторые ученые видели в землях древнего орошения доказательство гипотезы усыхания климата азиатских пустынь.

Многие площади древнего орошения в Средней Азии и Казахстане выходили из строя из-за накопления вредных солей в почвах. В этом отношении показательна статья Н. Г. Минашиной, в которой приводятся поразительные данные: «...воды Мургаба ежегодно приносили в оазис 700—800 тыс. т солей, или в среднем на 1 га орошаемой территории 7—8 т в год, из них 3—4 т приходится на вредные для растений легко растворимые соли. За тысячелетия на каждый гектар орошаемой площади принесены тысячи тонн солей, которые также перераспределялись в почвах и грунтовых водах в зависимости от использования ирригационного рельефа» (стр. 137, 138). Мы и теперь еще не обладаем эффективными методами борьбы с засолением. Достаточно сказать, что в 1963 г. было освоено под орошение 155 тыс. га, а из-за вторичного засоления потеряно 199 тыс. га, или 77% площади нового освоения².

В наличии большого количества вредных солей в заброшенных пахотных землях Средней Азии вряд ли можно сомневаться. Об этом ясно говорит и анализ неолитического оазиса Геоксюр, где отмечена высокая засоленность, несмотря на глубокое залегание подземных вод. Больше всего здесь поваренной соли — до 2%, тогда как уже 0,04% токсично для культурных растений (стр. 127). При таких условиях использование земель древнего орошения для современного земледелия требует тщательного почвенно-мелиоративного исследования, которое должно ответить на вопрос, целесообразно ли вовлекать тот или иной массив под поливное земледелие, или экономически выгоднее освоить целинные угодья, где в почвах нет или мало вредных солей, а значит, их мелиорация проще.

Наконец, еще одна проблема выступает достаточно ясно, хотя книга «Земли древнего орошения» освещает ее недостаточно. Эту, я бы сказал, принципиально важную проблему уже несколько раз поднимал в своих книгах С. П. Толстов. Можно упомянуть «Древний Хорезм» (1948), «По древним дельтам Окса и Яксарта» (1962) и др. После выхода последней увлекательно написанной книги мне уже тогда хотелось поспорить против безоговорочного признания автором исторических первопричин, решающей роли человека, для обоснования запустения земель древнего орошения, истощения ирригационных систем, гибели гидротехнических узлов. Но в те годы мне не удалось осуществить свой замысел. И вот теперь книга «Земли древнего орошения» позволяет мне, пусть хотя бы и в лаконичной форме, высказаться по этому вопросу.

Внимательный читатель рецензируемого сборника, конечно, заметит следующую коллизию. Редактор книги С. П. Толстов стоит на позиции, которая коротко сформулирована на стр. 13: «...основной причиной запустения этих земель являются социально-исторические факторы, а когда в силу тех или иных исторических обстоятельств эти земли превращаются в пустыни, тогда уже начинают активно действовать природные факторы.

² В. О. Куликов, Судьбы поливных земель, газ. «Известия» от 22 февраля 1965 г.; см. также: «Средняя Азия. Природные условия и естественные ресурсы СССР», М. 1968, стр. 177.

Тогда начинают наступать пески, отклоняться реки и получают полное развитие все те процессы, которые некоторые исследователи считали основными причинами запустения культурных земель».

Эту точку зрения поддерживает и другой редактор — Б. В. Андрианов. Но с таким утверждением трудно согласиться. И прежде всего сам материал рецензируемого сборника убеждает в обратном. Два его автора, Г. Н. Лисицына и Н. Г. Минашина, считают, что причина запустения теджеского оазиса Геоксюр кроется в уходе русла р. Теджес, обусловленного тектоникой (стр. 126).

Совершенно очевидно, что исторические события, человек и его производственная деятельность сыграли большую роль в динамике гидрографической сети на аллювиальных низменностях Ближнего и Среднего Востока. Но приведенная выше цитата со всей определенностью свидетельствует, что только исторические процессы всегда оказываются первопричинами и вызывают к жизни такие грандиозные явления, как блуждания рек. Отсюда, естественно, следует вывод: до появления человека, до войн между народами реки всегда текли в стабильных руслах. Спрашивается, однако, как возникли сами аллювиальные низменности, откуда появились песчаные толщи пустынь Средней и Центральной Азии? Реки на плоских равнинах всегда блуждали, накопление рыхлых отложений и есть следствие речной аккумуляции в бесконечном процессе выноса и осаджения так называемого твердого стока. Эта аккумуляция и есть основная причина динамики русловых процессов, столь характерных для многих плоских низменностей аридной зоны. Миграции Тарима и конечного озера Лобнор в Центральной Азии происходят и на наших глазах, механизм их достаточно выяснен, хотя в пустынях Такла-Макан за последние 50—100 лет не было каких-либо опустошительных войн, которые могли быть причиной гибели земледельческих культур и оазисов³.

Ряд факторов способствует энергичным русловым процессам. Здесь и резкая незарегулированность реки, ее расходов, т. е. большой неравномерности стока, грандиозное количество несомого материала и слабая сопротивляемость рыхлых и легких грунтов размывающей деятельности потока.

И, конечно, уход реки, миграция русел, питающих оросительные системы, обрекали их на безводие, исчезали поля и сады, вслед за рекой и водой уходил человек, пустыня торжествовала.

Подобные замечания были уже высказаны в нашей печати, но они не произвели должного впечатления и не изменили концепции С. П. Толстова. Хотя следует отметить, что в книге «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения» (Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3, М., 1963), вышедшей под редакцией С. П. Толстова и А. С. Кесь, эта концепция изложена не столь категорично.

Чтобы мои критические замечания не были поняты превратно, еще раз скажу, что антропогенное влияние ни в коем случае нельзя преуменьшать, оценивая прогрессивное опустынивание ландшафтов аридной зоны, которое наблюдается в ряде мест. В рецензируемом сборнике можно найти подтверждение этой мысли в статье Е. И. Крупнова «За хозяйственное освоение Прикаспийской низменности», которая «...является демонстрацией весьма поучительного примера совместной работы археологов с палеоботаниками и геоморфологами...» (стр. 53). Эти специалисты единодушно пришли к выводу, что нерациональное ведение овцеводческого, главным образом кочевого, хозяйства привело к истреблению почвенно-растительного покрова и массовому оголению песков и их разванию. Бывает и так.

Другой пример плодотворного сотрудничества археологов и естественников показывает статья А. С. Кесь, А. В. Виноградова и М. А. Итиной «Палеогеография района возвышенности Джанбас и история его древнейшего освоения». Здесь хорошо выявлены взаимосвязи изменений Акчадарьинской дельты Амударьи, миграций ее русел и озер с условиями расселения и жизни человека неолитического и бронзового времени. Читая эту статью, можно увидеть, что археологические, или шире — исторические, исследования помогают хорошо понять палеогеографические процессы голоцена, которые обычными геоморфологическими методами плохо и весьма приближенно датируются. И здесь взаимная нужда разных наук друг в друге очевидна.

Кстати напомним, что бюллетень четвертичной комиссии Академии наук СССР на своих страницах регулярно освещает тематику, представляющую интерес как для археологов, так и для четвертичников. Нередко в сборниках выступают авторы, интересы которых распространяются как на вопросы палеогеографии голоцена, так и на вопросы истории первобытного общества.

Такие мысли возникли у меня при чтении рецензируемого сборника, который, повторяю, демонстрирует противоречивость самой проблемы использования земель древнего орошения для современного сельского хозяйства, с одной стороны, а с другой — разный подход авторов одного и того же издания к ней. И мне кажется, в заслугу редакторов книги следует поставить то, что они смогли объединить вокруг этой проблемы ученых разных специальностей, и то, что редакторы не навязывали свои концепции авторам, а дали им возможность показать собственные точки зрения на ряд общих и частных вопросов. Ведь известно, истина открывается при всестороннем освещении изучаемого предмета, при честном споре и столкновении разных точек зрения.

Э. М. Мурзаев

³ О миграциях рек и озер в Центральной Азии см. Э. М. Мурзаев, Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии, М., 1966, стр. 47—54.

Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. XII, Кызыл, 1967, 277 стр.; вып. XIII, Кызыл, 1968, 353 стр.

Тувинский научно-исследовательский институт был создан в 1954 г., т. е. год спустя после того, как Тувинская Народная Республика вошла в состав СССР. «Ученые записки» выходят с 1958 г.¹ К настоящему времени институт превратился в национальный научный центр Тувинской АССР. Его издания (в том числе монографии) известны не только у нас, но и за рубежом. Всего за четверть века тувинцы, занимавшиеся кочевым скотоводством, охотой и не имевшие до 1930 г. своей письменности, совершили гигантский скачок в экономическом и культурном развитии.

Возникновение национальных научных центров у народов (ср. алтайцы, хакасы и др.), миновавших благодаря советскому государственному строю капиталистический путь развития, служит ярким показателем высокого уровня их социалистической культуры. Сам факт существования этих научных центров наносит сильнейший удар буржуазной пропаганде, утверждающей, что остальные ранее народности, в частности народности Сибири, якобы неспособны к культурному развитию, самостоятельному творчеству, а также говорящей о русификации этих народов в советское время.

Одна из рецензируемых книг Ученых записок (вып. XII) посвящена 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, освободившей тувинский народ от многовекового угнетения и пробудившей его к свободному национальному развитию. В этом издании широко представлены материалы по самым различным вопросам социалистической экономики и культуры тувинцев и подведены итоги развития республики за истекшие годы. Вторая книга (вып. XIII) содержит статьи по экономике, истории (включая этнографию и археологию), языку и литературе Тувы. Они отражают главным образом жизнь тувинцев в наше время.

Опубликованные в обеих книгах данные представляют большой интерес для ученых всего мира, которые все чаще обращаются к проблеме кочевничества и кочевников. Изучением номадизма и судеб номадов занимается ряд международных организаций ООН, в том числе ЮНЕСКО, МОТ (Международная Организация Труда).

В СССР кочевники (казахи, киргизы, туркмены, тувинцы, калмыки) перешли к оседлости и успешно развивают социалистическое сельское хозяйство на базе земледелия и животноводства, опираясь на современные научные методы, на передовую машинную технику. Среди них появились национальные кадры рабочих различных специальностей и квалификаций. Выросла многочисленная национальная интеллигенция, которая внесла значительный вклад в общее развитие советской культуры. Среди бывших кочевников есть деятели науки, литературы, музыкального, театрального и изобразительного искусства, удостоенные высших премий Советского государства. Эти факты широко известны не только у нас, но и за рубежом. Они нанесли сильнейший удар по расистским теориям о неполноценности некоторых человеческих рас, в том числе и по концепции о фатальной неспособности номадов к оседлому образу жизни, об особом психологическом барьере, препятствующем переходу к оседлости. Опыт социалистического строительства у кочевников СССР показал конкретные пути перехода кочевников к оседлости. Не случайно советский опыт стал предметом специального изучения международными организациями ООН. В 1966 г. МОТ организовал в Москве семинар по вопросам номадизма и перехода к оседлости, на который собрались представители 16 стран Азии и Северной Африки, заинтересованные в практическом решении этой проблемы. Участники семинара прослушали ряд лекций советских ученых, а также выезжали в Казахстан и Киргизию, где смогли познакомиться с огромными достижениями в области хозяйства, культуры и быта у недавних кочевников. Кстати сказать, эти народы сохранили и многовековой народный опыт кочевого скотоводства и успешно используют его в социалистическом животноводстве. Все участники семинара, в том числе представители Афганистана, Индии, ряда арабских стран и др., единодушно признали большие успехи Советского Союза в решении проблемы номадизма².

Тувинцы в недавнем прошлом были еще более отсталыми в экономическом и культурном отношении, чем, например, казахи или киргизы. Поэтому исследование их хозяйства, культуры и быта в настоящее время представляет особый интерес.

Очень широкий диапазон проблем, рассмотренных в обоих выпусках «Ученых записок». Об этом говорит самый перечень работ. В XII выпуске опубликованы статьи: В. Очура — «Большевики во главе революционной борьбы трудящихся Тувы (1917—1921 гг.)»; Н. А. Сердобова — «Тувинская социалистическая нация — детище Октября»;

¹ См. нашу рецензию на I—V выпуски «Ученых записок» в журн. «Вопросы истории», 1958, № 3.

² International Labour Office. Report on the Inter-regional structure and seminar on the sedentarisation of nomadic populations in the Soviet socialist republics of Kazakhstan and Kirghisia (5 to 30 September 1966), Geneva, 1967; Т. А. Жданко, Международное значение опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане (в связи с работой в СССР семинара по проблеме оседания кочевников), «Сов. этнография», 1967, № 4.

Л. В. Гребнева — «Формирование рабочего класса в Советской Туве»; О. К. Саган-оола и А. К. Калзан — «Октябрь и тувинская литература» и др.

В XIII выпуске обращают на себя внимание следующие работы: Н. А. Сердобова — «К вопросу о некоторых социально-лингвистических процессах в национальной консолидации тувинцев»³, Л. В. Гребнева — «Изменение социальной структуры в Туве», Д. С. Куулара — «Тувинская поэзия военных лет», материалы по тувинскому языку Ш. Ч. Сата, Д. А. Монгуша, Я. Ш. Хертека и др. Интересен раздел «Материалы и сообщения», в котором приведены сведения о новых фольклорных записях (О. К. Ч. Дарыма), об археологических исследованиях (М. Х. Маннай-оол), о сборе этнографического материала (С. М. Биче-оол). Нельзя пройти мимо библиографических материалов, которые, конечно, заинтересуют многих читателей.

Мы не ставим задачи рассмотреть все работы, а коснемся только тех из них, которые наиболее близки нашей специальности. Н. А. Сердобов в двух своих работах затронул проблему национальной консолидации тувинцев, которую он исследовал монографически. Теоретическое и практическое значение этой темы хорошо известно. Автор изучает проблему расчлененно, по тем видам общности, совокупность которых по распространенной в науке точке зрения составляет нацию. Мы не будем касаться вопроса, может ли такое определение нации удовлетворить современные научные требования, и отметим лишь, что методика исследования процесса национальной консолидации тувинцев в области их экономической жизни и культуры, языка и территории представляется нам правильной. Поскольку тувинцы миновали капиталистический путь развития, изучение процесса их национальной консолидации представляет большой теоретический и практический интерес. Другое дело, могут ли результаты такого исследования дать ответ на часто возникающий вопрос: представляет ли собой данный народ социалистическую нацию или социалистическую народность? Оба термина у нас широко употребляются и не считаются синонимами. Напротив, предполагается, что эти названия отражают какие-то отличия между упомянутыми категориями. Однако в чем состоят эти отличия, в литературе четко не установлено. Не внесла ясности с этот вопрос и оживленная дискуссия, проходившая сравнительно недавно на страницах журнала «Вопросы истории». Нам кажется, что эта проблема в общем теоретическом плане может быть решена только тогда, когда появится достаточное количество конкретных исследований, посвященных отдельным советским народам. Только путем сравнительного изучения результатов можно получить убедительный ответ. Не исключено, что различие между социалистическими народностями и социалистическими нациями может оказаться чисто терминологическим.

Изучение самого процесса национальной консолидации, его форм, интенсивности и т. д. приводит к весьма ценным и интересным выводам. Работы Н. А. Сердобова вполне убеждают в этом. Достаточно сказать, что автору удалось не только собрать и обобщить большой фактический материал, но и впервые показать сложность и специфику процесса консолидации, в особенности языковой консолидации. Автор применил здесь социологический метод, разработанный в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР⁴. Даже предварительные результаты его работы оказались весьма интересными и плодотворными: вскрыта социальная сторона лингвистических процессов в различных районах Тувы, среди различных групп тувинского населения. Одновременно изучен весьма важный вопрос о распространении в Туве русского языка, охарактеризован процесс развития двуязычия⁵. Получены доказательства того, что тувинский язык, развивавшийся ранее по диалектам, стал общенародным и литературным. Выявлены возможности уточнения родного языка и улучшения его использования в целях коммунистического воспитания тувинцев. Внесена ясность и в вопрос о языке обучения в начальной школе, вокруг которого прежде велись споры.

Установлено, что более чем для 70% тувинского населения доступнее и понятнее культурно-массовые и пропагандистские мероприятия, проводимые на родном языке. Вместе с тем выявлена большая роль русского языка как в повышении культурного уровня тувинцев, так и в сближении этого народа с другими народами СССР. При этом прослежена зависимость развивающегося двуязычия от уровня образования, а также показаны особенности этого процесса у сельского и городского населения у разных возрастных групп.

Динамика двуязычия представлена в цифровом материале, который позволяет проследить, как тувинский и русский язык, дополняя друг друга, оказывают положительное влияние на рост образованности тувинского народа, на его духовное обогащение.

Социологический метод исследования дал возможность собрать достоверный материал о социальном составе сельской тувинской семьи, о трудовых ресурсах и резервах в Туве.

³ В заголовок этой большой статьи вкралась опечатка. Напечатано: «К вопросу о некоторых социолого-лингвистических процессах...».

⁴ См. В. А. Аврорин, Социолого-лингвистическое изучение функционального взаимодействия языков народов Сибири, сб. статей «Проблемы изучения национальных особенностей в Сибири на современном этапе», Новосибирск, 1967.

⁵ Полная обработка собранных материалов будет произведена в вычислительном центре Сибирского отделения АН СССР.

Отметим еще две статьи Л. В. Гребнева: «Формирование рабочего класса в Советской Туве» и «Изменение социальной структуры в Туве». Обе эти работы посвящены характеристике новых явлений в жизни тувинского народа, порожденных социалистическим переустройством жизни. В первой из них рассматриваются вопросы зарождения и роста рабочего класса в Туве вообще, в том числе и рабочих тувинской национальности. Приведено распределение рабочих по отраслям народного хозяйства, по стажу работы и т. д. К сожалению, при характеристике социальных групп населения Тувы в таблицах рабочие объединены в одну группу со служащими. Автор проделал большую, кропотливую работу по сбору и анализу конкретного материала, распыленного в различных архивах и ведомствах. Он по существу впервые выявил фактические данные, позволившие начать разработку этой темы. Желательно, чтобы в дальнейшем было уделено внимание характеристике специфических черт группы рабочих тувинской национальности, особенностям ее формирования и развития в настоящее время. Во второй из упомянутых работ Л. В. Гребнева заслуживает внимания анализ формирования тувинской интеллигенции.

Археология представлена статьями М. Х. Маннай-оола, посвященными вновь открытым памятникам преимущественно «скифского» времени. Предпринята попытка классифицировать так называемые «оленные камни», зафиксированные на территории Тувы. Этот сюжет неизменно привлекает внимание археологов, в распоряжении которых теперь находится не только сводка тувинских находок, но и их классификация. Из сообщения С. М. Биче-оола «Краткие итоги этнографической экспедиции» (вып. XIII) видно, что Научно-исследовательский институт организовал полевые этнографические исследования. Надо надеяться, что одной из задач этих исследований будет сбор и фиксация материалов по традиционной народной культуре тувинцев. Многие элементы старой культуры и быта уже исчезли или исчезают из жизни тувинского народа под влиянием более прогрессивных форм социалистической культуры, современного нового быта. Научная фиксация этого процесса совершенно необходима.

«Ученые записки», издаваемые институтом, свидетельствуют об интенсивной творческой работе научно-исследовательского центра Тувинской АССР.

Л. П. Потапов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

А. В. Ефимов. США. Пути развития капитализма (донимпериалистическая эпоха). М., 1969, 696 стр.

В этой книге собраны основные труды А. В. Ефимова, одного из зачинателей советской американистики, относящиеся к истории США и написанные в течение нескольких десятилетий. Содержащиеся в них идеи и исследовательские выводы стали прочным достоянием советской американистики, вошли в широкий научный оборот и легли в основу вышедших позже (и теперь уже многочисленных) советских работ по американской истории.

Многое в книге А. В. Ефимова важно и интересно с точки зрения этноамериканистики. Далее будет сделана попытка осветить как раз эти моменты.

В первой половине книги перепечатана — с некоторыми изменениями и дополнениями — монография автора «К истории капитализма в США», впервые вышедшая в 1934 г. и ставшая теперь библиографической редкостью. В ней исследуются ключевые для всего развития США проблемы. Первая часть монографии трактует вопрос о так называемых свободных землях, характернейшей особенности американской истории. Автор показывает, что земли эти свободными не были, так как принадлежали индейцам, а если американским пионерам такие земли зачастую представлялись пустующими, то индейцам при их способах хозяйствования эти обширные угодья были необходимы. Таким образом, заселение Северной Америки выходцами из Европы проходило за счет индейских народов и в жестокой борьбе с ними. Вопрос о столкновении двух способов производства при колонизации Америки был здесь впервые поставлен в советской исторической литературе.

Большую пестроту экономических и социальных укладов у белых поселенцев колонизальной Америки автор убедительно объясняет переселением их в переходную эпоху генезиса европейского капитализма (стр. 44). Взаимодействие европейского прошлого и встреченных в Америке условий и придавало своеобразие общественной структуре различных районов. Так, в колонии Нью-Йорк сохранялось господство крупнопоместной знати, чему в значительной степени способствовало развитие меховой торговли (стр. 37).

Колонизацию западных земель, так или иначе экспропрированных у индейцев, автор рассматривает как разновидность классовой борьбы. Обстоятельно прослеживая эту борьбу на всем ее протяжении (от колониального периода до конца XIX в.), он справедливо связывает ее с другими видами социальных движений. Так, в решающий период, накануне гражданской войны, колонизация Запада была обусловлена подъемом массового движения в США, революцией 1848 г. в Европе и «огромным усилением эмигра-

ции» оттуда в Америку (стр. 156). Автор вслед за Лениным отмечает народнический характер акта о гомстедах, увенчавшего в ходе гражданской войны эту борьбу, и его утопичность (стр. 163). Предусмотренная этим актом даровая раздача земли на деле привела к расширенному и ускоренному развитию капиталистических отношений в земледелии, да и во всем хозяйстве США, создав ту модель аграрной эволюции, которую Ленин назвал американским путем развития капитализма в сельском хозяйстве.

Во второй части монографии впервые в советской исторической науке анализируется рабство негров в Америке. С точки зрения экономической, автор рассматривает рабство в Америке как специфическое явление, связанное с развитием международного и собственно американского капитализма. При этом выясняется, что так называемые свободные земли, наличие которых, с одной стороны, способствовало развитию мелкого фермерского земледелия, с другой стороны, было условием расширения плантационного рабства. Ввезенные негры, выходяцы из доклассовых и раннеклассовых африканских обществ, принадлежавшие к различным народам Африки, в Америке образовали класс рабов, а в этническом отношении стали объединяться в единую негритянскую общность с единым английским языком (стр. 219, 220).

В последней части монографии исследуется история промышленного переворота в США. Этот чрезвычайно интересный раздел несколько дальше отстоит от этнических проблем, чем предыдущие. Наиболее существенным в нем является характеристика американской промышленной техники и американского промышленного производства, для которого еще в первой половине XIX в. были характерны автоматизация, стандартизация, серийность производства. Автор убедительно показал, что уже к 1860-м годам страна вступила в завершающую стадию технической революции (стр. 279). Этот вывод представляет собою ценный вклад в дискутируемый и ныне советскими американистами вопрос о сроках окончания промышленного переворота в США.

Социальные последствия промышленного переворота, и в частности ускоренное формирование рабочего класса, имели непосредственное отношение к этническим проблемам США. Автор отмечает, что иммиграция составляла главный резерв рабочей силы, а ведь известно, как важна была иммиграция для формирования этнического состава и этнического облика американской нации. Здесь же упоминаются стихийные выступления рабочих-ирландцев и социалистическая пропаганда немецких иммигрантов — тех двух основных этнических групп, которые преобладали в американской иммиграции рассматриваемого периода.

Вторая половина рецензируемой книги состоит из работ, написанных позже. В них, как правило, учтены этнографические исследования позднейших десятилетий. В первом очерке, «Колониальный период и формирование нации США», соответственно предложенной А. В. Ефимовым концепции географического открытия, решающая роль в истории открытия Америки отведена плаванию Колумба, «которое привело к установлению связи между народами Европы и Америки, дало новое направление истории Америки и наложило отпечаток на историю Европы, Африки и Азии... явившись одним из моментов становления всемирной истории» (стр. 295). Вкратце изложена также исследованная А. В. Ефимовым в других трудах история открытия Америки с запада, из Азии, осуществленного русскими мореходами XVII—XVIII вв.

В очерке особо отмечается, что «современное население Америки имеет как свое, американское, так и европейское, азиатское и африканское прошлое» (стр. 303). Что касается коренных жителей Америки, то автор показывает значительный вклад индейцев в американскую и мировую культуру. Автор указывает, что заимствованные у индейцев продовольственные культуры дают теперь около половины сельскохозяйственной продукции страны. В очерке показано угнетение индейцев колонизаторами, прямое их истребление и т. д., освещена также борьба индейцев с колонизаторами.

По весьма существенному для ранней истории Америки вопросу о генезисе американского капитализма — вопросу, который и ныне обсуждается в советской историографии — автор высказывает справедливую мысль, что процесс этот «носил европейско-американский характер» (стр. 319). Самый важный его элемент подготовлялся в Европе, откуда разоренные крестьяне и ремесленники переправлялись в США, чтобы там превратиться в рабочую силу в сфере капиталистического производства (стр. 321).

Кратко описывается сельский и городской быт колониальной Америки, в частности, жилища фермера-поселенца, его орудия и земледельческие приемы. По праву отмечена большая роль религии, вкратце охарактеризованы важнейшие вероисповедания и их территориальное распространение.

В конце этого очерка ставится вопрос о формировании американской нации, завершившемся в конце XVII в., в эпоху первой американской революции. Освещаются условия этого процесса, описывается этнический состав населения английских колоний — пестрый уже в ту пору — и расовый состав этого населения. Отмечены количественные характеристики главных этнических элементов, их расселение, некоторые черты формировавшегося американского национального характера.

Далее, после очерка о Вениамине Франклине, следуют четыре главы, в которых излагаются главные процессы и события истории США за целое столетие от войны за независимость до конца периода реконструкции, явившегося эпилогом гражданской войны. Одна из основных идей этих глав — диалектика внешнего и внутреннего,

взаимодействие внутреннего развития США и их международного окружения, классовой борьбы и внешней политики. Подчеркивается упорный экспансионизм последней. По мнению автора, взаимовлияние внешнего и внутреннего наиболее глубинным образом сказалось во все возрастающем притоке иммигрантов. Довольно подробно сообщается о значительной роли, которую сыграла в американском рабочем движении, а также в гражданской войне европейская революционная эмиграция, в особенности соратники Маркса, действовавшие преимущественно среди немецко-американских рабочих.

Немалое внимание уделено в этих главах коренному населению Америки: алеутам, эскимосам, тлинкитам, жившим в тогдашних владениях Российско-Американской компании, и индейским народам континентальной части США. Автор пишет о трагической судьбе чироков, изгнанных за Миссисипи, о стойкой борьбе флоридских семинолов и т. д.

Еще большее внимание уделено американским неграм, которые в течение почти всего рассматриваемого в книге периода находились в рабстве. Автор подчеркивает их участие в аболиционистском движении, особо отмечая роль в нем знаменитого Фредерика Дугласса.

Последний из очерков посвящен литературе и фольклору Америки в рассматриваемый период. Особое внимание уделено негритянскому фольклору. Дается анализ гимнов «спиричуэлз», негритянских сказок и песен.

Книга завершается обзором американской историографии — от памфлетов времен войны за независимость до работ современных историков-марксистов. Автор дает здесь также краткий обзор советской литературы по этим вопросам, особо выделяя этнографические работы, так как, по его мнению, «без изучения этнического состава населения США невозможно показать ход истории этой страны, в частности, острые классово-этнические разногласия и конфликты в ней» (стр. 672). С этим авторским выводом нельзя не согласиться. Можно только пожелать, чтобы он был принят всеми историками США.

Книга снабжена большим количеством карт и интересных иллюстраций, но, к сожалению, не указано, откуда они взяты.

Досадно также, что в столь ценном издании немало опечаток, типографских ошибок. Очень жаль, что сложная по составу книга не снабжена предметным указателем. Ведь этим основательным марксистским трудом будут долго пользоваться и ученые и широкий круг читателей.

Ш. А. Богина

НАРОДЫ АФРИКИ

Ф. Н. В. Нквера. Хоронящий отца — с благословением. Найроби — Дар-эс-Салам — Кампала, 1967, 119 стр. (на языке суахили).

Фелициан Непомук В. Нквера родился в 1936 г. в деревне Луило на юге провинции Иринга современной Танзании, которая была тогда подопечной территорией Великобритании. Ф. Нквера получил образование в миссионерской школе в своей деревне. Впоследствии он сам принимал участие в работе миссии, членом которой официально стал уже в 1948 г. В 1958 г. Ф. Нквера поступил в духовную семинарию, по окончании которой получил сан священника.

Книга «Хоронящий отца — с благословением» — первая солидная работа автора. До этого Ф. Нквера издал «Вечерний напев» («Tambuzio la Jioni») и сборник пьес «Маленькая драгоценность» («Jahari Ndogo»). Обе книги были приняты в качестве учебных пособий для чтения на языке суахили в старших классах средней школы.

Рецензируемая книга написана на языке суахили — государственном языке Объединенной Республики Танзания. Она имеет подзаголовок: «Описание некоторых обычаев вапангва». Вапангва — немногочисленное племя, проживающее на юге центральной части Танзании в провинции Иринга. Язык вапангва относится к языкам банту (восточная зона).

Существует много работ, описывающих обычаи различных народов Танзании. Все они довольно сухо констатируют ряд обычаев и традиций того или иного народа. Книга Нкверы посвящена той же теме, но это не простое перечисление, а живой, художественный показ традиций в их действии.

Повествование ведется от имени главного действующего лица — Фураты. Он сын знахаря и одновременно старосты селения Кисараванда. По существу это биография Фураты. Начинается она описанием событий, предшествовавших появлению Фураты на свет (в этой части рассказ ведется от лица его матери), и заканчивается женитьбой героя и описанием похорон его отца Керемкере. Сын наследует все почетные обязанности покойного. Последняя глава называется так же, как и вся книга: «Хоронящий отца — с благословением».

Такое построение позволяет автору показать большинство обрядов, которыми надлежит руководствоваться жителю Кисараванды. Охвачены все основные вехи жизни человека: приготовления к родам, роды, воспитание, женитьба и, наконец, похороны — и все это сопровождается описанием определенных ритуалов и сопутствующих им песен и традиционных наставлений. Близость языка валангва к языку суахили позволяет автору дать хороший и близкий перевод песен валангва на суахили, сохранив при этом ритм и мелодику оригинала. В целом ряде случаев Нквера приводит нотные записи некоторых песенных мелодий. Можно спорить, насколько правильно в нотной записи отражена специфика африканских традиционных мелодий, но сами примеры представляют значительный интерес.

Герой книги — сын знахаря и сам будущий знахарь. Знахарство, жертвоприношения, обряды, вызывание дождя и пр. описаны реалистично, живо, как неотъемлемая часть в укладе жизни Кисараванды.

Герои книги вымышлены, селения Кисараванда на карте Объединенной Республики Танзания не существует, но обычаи, описываемые автором в произведении, реальные, не выдуманы. Это обычаи родного племени автора — валангва.

События, изображенные автором, могли, по его словам, произойти лет 50 назад. Жизнь современной африканской деревни во многом изменилась за это время. К сожалению, автор не дает ответа на вопрос о том, что ушло в прошлое, а что и сейчас продолжает оказывать влияние на жизнь африканской деревни. Для него, как и для некоторых других представителей интеллигенции африканских стран характерно отсутствие историчности в показе той или иной стороны жизни африканского общества, идеализация прошлого. Однако благодаря реалистичности списания различных сторон жизни видно, что и в эти «абстрактные» времена не все было идеально в жизни валангва: существовали бедные и богатые, добрые и злые, трудолюбивые и лентяи.

Книгу Ф. Нкверы условно можно назвать этнографическим романом, переходной ступенью от чисто этнографического описания к художественному произведению. С первым ее связывает большое количество этнографических деталей, со вторым — наличие фабулы, героя, а также художественный язык повествования. В связи с этим книга Ф. Нкверы интересна и для этнографов, и для читателей, интересующихся художественной литературой стран Восточной экваториальной Африки.

Н. М. Гиренко

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Friedly mission. The Tasmanian journals and papers of George Augustus Robinson, 1829—1834. Ed. by N. J. B. Plomley. Tasmanian Historical Research Association, 1966, 1074 p.

Тасманийцы — коренное население острова, открытого Тасманом в 1642 г. — издавна привлекали и долго еще будут привлекать внимание исследователей. Научное значение тасманийского этнографического материала для реконструкции общей истории культуры и общественных форм необычайно велико и сохраняет все свое значение до сих пор.

Трагично сложилась судьба этого маленького народа, стертого с лица земли английскими колонизаторами еще в XIX в. По-настоящему изучать его начали тогда когда фактически изучать стало почти уже некого. Наряду с австралийцами и некоторыми другими отсталыми народами, тасманийцы вошли в общие труды по истории культуры и этнографические хрестоматии как типичные представители одной из ранних стадий социально-экономического и культурного развития палеолитической, даже не поздней, а средне- и раннепалеолитической. О них говорили как о самом первобытном народе мира. Такое представление встречается иногда и в наши дни¹.

Тем очевиднее актуальность каждой новой серьезной работы о тасманийцах. Серьезное исследование нуждается в доброкачественных источниках. Необходимость в таких материалах особенно ошутима, когда речь идет о тасманийцах — народе, которого больше не существует.

В 1869 г. умер Уильям Лэнни, последний тасманиец, а спустя семь лет, в 1876 г., умерла Труганина, или Лалла Рук, которую называют «последней тасманийкой»². Таким образом, этот несчастный народ в конце XIX в. перестал существовать, чему во многом способствовало систематическое истребление тасманийцев в печально известной «Черной войне», а затем депортация жалких остатков коренного населения за

¹ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, М., 1959. См. рецензию на эту книгу в журнале «Сов. этнография», 1962, № 2 и ответ автора в журн. «Вопросы истории», 1963, № 4.

² Недавно стало известно, что последняя тасманийка, по имени Фанни Смит, умерла в 1905 г.

пределы острова. В посвященных тасманийцам обобщающих трудах того времени, даже лучших из них, например в классических книгах Г. Линг-Рота и Дж. Бонвика, остаются белые пятна, которые удастся лишь частично заполнить с помощью записок современников. Вот почему свидетельства очевидцев, наблюдавших традиционный образ жизни тасманийцев, близко соприкасавшихся с ними, имеют сегодня величайшую ценность. Поэтому нельзя не приветствовать публикацию каждого нового источника, проливающего свет на образ жизни, общественные отношения, культуру этого исчезнувшего ныне народа. Рецензируемая книга относится к числу таких источников и по своему значению превосходит все, что появилось до сих пор.

Перед нами — дневники и записки Джорджа Робинсона, официального «умиротворителя» аборигенов Тасмании, чья задача состояла в том, чтобы собрать, а затем удалить с острова остатки разгромленных в «Черной войне» племен. Эти ценнейшие материалы (раньше известные только частично, в пересказе других авторов), благодаря Н. Пломли, редактору книги, подготовившему их к печати, снабдившему книгу введением, примечаниями, обширным и разнообразным научным аппаратом, стали теперь доступны и широкому читателю, и специалистам в разных странах.

Во вступительной статье рассказано о жизни и деятельности Дж. Робинсона, который вступил в общение с аборигенами Тасмании в 1829 г., когда он был направлен правительством колонии на о. Бруни у южного побережья Тасмании, чтобы учредить там резервацию для аборигенов. Сам он относился к туземцам сочувственно. Выходя из трудовой английской семьи, Дж. Робинсон не получил хорошего образования, но много читал и был любознательным человеком. Его дневники насыщены большим количеством разнообразных сведений о стране и ее коренном населении. Введение содержит также общие сведения о тасманийцах, о колонизации острова европейцами, а также объективный рассказ о трагических событиях, предшествовавших назначению Робинсона на пост, занимая который он должен был найти в самых удаленных частях Тасмании тех аборигенов, которым удалось пережить «Черную войну», и вывезти их на о. Бруни, а позднее на о. Флиндерс.

Во вступительной статье и в одном из приложений к книге, автором которых, очевидно, является Н. Пломли, рассмотрены главные причины исчезновения тасманийцев, а именно: 1) заразные болезни, занесенные европейцами, 2) захват колонистами племенных охотничьих территорий и других областей, где аборигены добывали пищу, 3) истребление аборигенов, особенно тюленепромышленниками, скотоводами и разбойниками, 4) захват туземных женщин и обращение их в наложниц и рабынь, 5) разрушение племенной жизни в итоге всех перечисленных выше причин, 6) отсутствие «регулируемого» законами или предписаниями общения с европейским населением. Здесь все справедливо, кроме одного: почему-то забыта одна из главных виновниц истребления тасманийцев — колониальная администрация и ее вооруженные силы. Что же касается отсутствия «регулирования» общения с европейцами, хотелось бы возразить на это словами самого Пломли: «Когда вступал в действие закон, это всегда бывало не в пользу туземцев; на деле не справедливость обеспечивал закон, а безопасность тех, кто нападал на аборигенов» (стр. 25).

Основная часть обширной книги состоит из дневников Робинсона, содержащих подробнейший, день за днем, отчет о его деятельности на о. Бруни и о нескольких его экспедициях к еще сохранившимся в разных местах Тасмании группам аборигенов. Эти экспедиции продолжались до 1834 г. — года окончания «Черной войны». Шесть лет своей жизни (с короткими перерывами) Робинсон провел среди аборигенов Тасмании. Позже он был комендантом о. Флиндерс и протектором аборигенов Порт-Филиппа, но этот период его деятельности не нашел отражения в его дневниках, вошедших в настоящее издание.

В приложениях наибольший интерес представляет список племен аборигенов Тасмании, упомянутых в дневниках Робинсона. Согласно ранним сообщениям, основной общественной единицей у тасманийцев была небольшая группа семей, обычно живущих вместе. По данным Робинсона, группы эти обитали в пределах принадлежащих им территорий. Робинсон называет такие группы «племенами» или «нациями», пользуясь этими терминами как синонимами. В этом случае он поступает так же, как и многие другие авторы того времени, писавшие о коренных тасманийцах и австралийцах. Как правило, во всех этих сочинениях не проводится четкой границы между племенем, т. е. совокупностью локальных групп, или локальной группой, состоящей из нескольких семей и хозяйствующей в границах определенной территории, которая является, в свою очередь, частью более обширной племенной области. Независимо, была ли та общность, которую Робинсон называет племенем, единой группой семей: в этом случае, видимо, правильнее говорить не о племени, а о локальной группе. Возможно, что эта общность состояла из нескольких более или менее независимых групп, обитавших в границах определенной области, но живущих и добывающих пищу порознь. Тем не менее, следуя Робинсону, автор приложения называет все упоминаемые им «племена» и «нации» — племенами и показывает их размещение на карте Тасмании. Разумеется, и список, и карта не отражают полной картины, не дают представления о всех племенах и их подразделениях, но и в таком виде они являются все же ценным источником информации.

Наиболее интересны, конечно, сами дневники Робинсона. Мы находим здесь сведения о численности тасманийцев (в этом вопросе мнения различных авторов силь-

но расходятся), данные о социальной организации тасманийского общества, о численности общин, сезонных миграциях, о разделении труда между мужчинами и женщинами — совершенно таким же, как у австралийцев, многочисленные сведения о материальной культуре аборигенов.

Заслуживают внимания, при всей их отрывочности, и сведения о верованиях и обрядах тасманийцев. Оценивая эти данные, следует учесть, что духовная культура тасманийцев известна, пожалуй, хуже всего. Так, в разных местах книги мы встречаем сообщения о прорицателях шаманского типа (Робинсон называет их, вероятно, не совсем точно, «вождями»), которые предсказывают в состоянии транса (стр. 397, 413, 528, 542). Это показывает, между прочим, что истоки шаманской практики заложены уже в деятельности первобытных колдунов и знахарей. Вообще многое заставляет думать, что религиозно-культурная жизнь тасманийцев была вовсе не столь элементарна, как это представлялось и представляется до сих пор некоторым авторам.

Очень интересны сообщения об изобразительном искусстве тасманийцев, о рисунках на сделанных из коры стенах хижины (рисунок на стенах хижины и австралийцы), на скалах и на телах самих аборигенов. В одних случаях тасманийцы пытались реалистически изобразить людей и различные явления окружающего мира, в других, символических рисунках, как и в некоторых рисунках австралийцев, вероятно, были зашифрованы элементы мифологии.

Многое вообще сближает тасманийцев с их соседями — аборигенами Австралии — от способа влезания на деревья с помощью каменного топора и веревки до верования в превращение тотемических предков в камни и скалы.

Именно эти многочисленные этнографические параллели имеют большое значение для раскрытия возможных генетических и культурно-исторических связей тасманийцев с австралийцами. Множество таких параллелей мы находим уже в работах Бонвика, Линг-Рота и других авторов. Невольно возникает вопрос: не предстоит ли здесь перед нами древний пласт общеавстралийской культуры? Немало данных, способствующих исследованию этой сложной и во многом еще загадочной проблемы, мы находим и в дневниках Робинсона.

Сообщения ранних исследователей иногда противоречат друг другу. Так, Дж. Ллойд утверждает, что многоженство было у тасманийцев «всеобщим законом»³. О полигамии у тасманийцев сообщают и другие авторы. Напротив, Робинсон в разных местах своей книги пишет, что многоженство было у них очень редким явлением (стр. 57, 137, 644, 742). Робинсон часто говорит о «вождях»; последние, по его словам, возглавляли охотничьи и военные походы (межплеменные войны возникали по разным поводам). Более того, он называет власть вождей «абсолютной» (стр. 257, 644, 874). Между тем Лабиллардьер, натуралист и историк плавания адмирала Д'Антркасто (1792 г.), пишет о том, что никаких вождей у тасманийцев нет, а Дж. Уэст отмечает, что «их вожди — просто главы семей» и власть их незначительна⁴. Редактор рецензируемой книги, снабдивший дневники Робинсона в целом очень подробными и содержательными комментариями, обходит эти противоречия молчанием. Будущим исследователям еще предстоит объяснить причину таких противоречий в исследованиях о тасманийцах.

Г. Линг-Рот, опираясь на сообщения очевидцев, писал о том, что тасманийцам были известны три способа добывания огня: высеканием искры, т. е. ударами камня о камень, высверливанием и выпаживанием⁵. О добывании огня высеканием пишет и Робинсон (стр. 113). В свою очередь, редактор книги Н. Пломли в примечании на стр. 225 опровергает это утверждение и настаивает на том, что тасманийцы вообще не знали искусственных способов добывания огня. Однако такой взгляд представляется нам бездоказательным и вообще мало вероятным.

Дневники Робинсона — ценный источник сведений не только для тех, кто интересуется историей и этнографией Австрало-Океанической области, но и для всех, кого волнуют проблемы истории первобытной культуры и социогенеза. Подобные издания скрытых в архивах или переиздания ставших библиографической редкостью ранних этнографических источников следует всячески приветствовать. И мы хотели бы выразить нашу благодарность Н. Пломли и его сотрудникам за их большой и нужный труд.

В. Р. Кабо

³ K. T. Lloyd, *Thirty-three years in Tasmania and Victoria*, London, 1862, p. 44.

⁴ J. West, *History of Tasmania*, Launceston, 1852, vol. I, p. 81.

⁵ H. Ling Roth, *The aborigines of Tasmania*, Halifax, 1899, Appendix II. В издании 1890 г. упомянуты только два первых способа (стр. 96—97).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В 1970 ГОДУ

Статьи

	№№	стр.
Абрамзон С. М., Потапов Л. П. Значение идейно-теоретического наследия В. И. Ленина для советской этнографии	2	3
Аверкиева Ю. П. О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки	5	33
Александров В. А. В. И. Ленин о сельской общине в крепостнической России	1	59
Андрианов Б. В., Моногарова Л. Ф. Ленинское учение об общественно-экономических укладах и его значение для этнографии	1	35
Андроникова И. М. Эволюция жилища русских цыган	4	31
Аристова Т. Ф. Опыт сравнительного изучения материальной культуры курдов	4	46
Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР	1	3
Брук С. И. Атлас населения мира (основные проблемы демографо-этнографического картографирования)	1	111
Вайнштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии. I. Саянский очаг одомашнивания оленя	6	3
Васильева Э. К., Пименов В. В., Христолюбова Л. С. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (программа и методика обследования)	2	57
Вдовин И. С. К проблеме этногенеза ительменов	3	28
Великанова М. С. Население Прутско-Днестровского междуречья в эпоху бронзы по антропологическим данным	2	79
Владыкин В. Е. К вопросу об этнических группах удмуртов	3	37
Гандев Х. Болгарская этнография и фольклористика в Этнографическом институте и музее БАН (1889—1969 гг.)	1	123
Гурвич И. С. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера СССР	1	15
Гуслистый К. Г. Ленин и вопросы этнической истории украинского народа	5	3
Деопик Д. В., Членов М. А. Топонимия и язык (К проблеме выявления субстратных топонимических ареалов)	3	62
Ефимов А. В. В. И. Ленин о развитии капитализма и некоторых национальных проблемах в США	5	11
Жуковская Н. Л. К вопросу о типологически сходных явлениях в шаманстве и буддизме	6	36
Златковская Т. Д. К вопросу об общинном землевладении в период становления классового общества (по фракийским материалам)	5	46
Клейн Л. С. Фридрих Энгельс как исследователь ранне-германского общества	5	20
Крывелев И. А. В. И. Ленин о социальных корнях религии	1	72
Куббель Л. Е. Вопросы развития современной культуры стран Африки в свете ленинского учения о культурной преемственности	2	47
Лашук Л. П. В. И. Ленин о земляческих и национальных связях	1	48
Левин Ю. И. Об описании системы терминов родства	4	18
Лозе И. Глиняные фигурки из неолитических стоянок Восточной Прибалтики	3	48
Мак Дьюнг. Основные этапы развития этнографических знаний во Вьетнаме	2	91
Нитобург Э. Л. Ленин о негритянском вопросе в США	2	33
Ортутай Д. Традиционное и новое в народной культуре	4	58
Рикман Э. А. Некоторые черты общественного строя племен низовьев Днестра и Дуная в первых веках нашей эры	6	27

Сидорова Ю. Н. Образ В. И. Ленина в устном поэтическом творчестве народов СССР	2	22
Таксами Ч. М. Изменение социального состава малых народов Дальнего Востока (к постановке вопроса)	2	69
Годоров Д. Т. Некоторые аспекты этнографических исследований современного быта и культуры в Болгарии	2	100
Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры	4	3
Чебоксаров Н. Н., Решетов А. М. В. И. Ленин о национальном развитии стран Востока	1	83
Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина)	6	15
Чумаченко Н. И. Образ В. И. Ленина в произведениях мастеров и художников народных художественных промыслов	1	99
Ширяева П. Г. Из истории становления революционных пролетарских традиций (по материалам газеты «Искра» 1900—1903 гг.)	3	17
Шкаратан О. И. Этно-социальная структура городского населения Татарской АССР (по материалам социологического обследования)	3	3
Ягья В. С. Об этнолингвистической ситуации в современной Эфиопии (Материалы к проблеме формирования эфиопской нации)	3	75

Дискуссии и обсуждения

Абрамзон С. М. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ	6	61
Зуев Ю. А. Киргизы-буруты (К вопросу о тотемизме и принципах этнонимообразования)	4	74
Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности	6	47
Козлов С. Я. К характеристике некоторых социальных структур родового общества (Заметки в связи с дискуссией)	5	84
Кудрявцев М. К. О некоторых особенностях деревенских общин в Северной Индии	4	62
Лашук Л. П. О некоторых аспектах современной трактовки первичной формации	5	72
Марков Г. Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии	6	74
Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия»	3	86
Першиц А. И. К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности	2	106
Семенов Ю. И. Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (Опыт теоретического анализа)	5	57
Тумаркин Д. Д. К вопросу о сущности рода	5	93
Яхонтов С. Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз»	2	110

Сообщения

Анохина Л. А., Шмелева М. Н. К вопросу о классификации городского населения при этнографическом изучении города	2	121
Баряктарович М. Цыгане в современной Югославии	3	149
Белык Н. А. Антропонимия и новое законодательство о браке и семье	6	99
Борзых Н. П. Распространенность межнациональных браков в республиках Средней Азии и Казахстане в 1930-х годах	4	87
Брук С. И. Общеевропейский историко-этнографический атлас (по материалам конференции в Хельсинки)	6	90
Гроздова И. Н., Филимонова Т. Д. Венгры и немцы советского Закарпатья (по материалам полерчх исследований 1968—1969 гг.)	1	135
Гурвич И. С. Алеуты Командорских островов	5	112
Жигулев А. М. Пословицы и поговорки в большевистских листовках	5	124
Кайгородов А. М. Русские в Трехречье (По личным воспоминаниям)	2	140
Карахан И. Л., Митлянская Т. Б. Проблемы современного чукотско-эскимосского искусства резьбы по кости	1	144
Коган Д. М. Связи современной городской семьи с сельской (по материалам анкетного обследования в г. Калуге)	6	105
Кондратьев В. С. Эксперимент «Ex post facto» в этносоциологическом исследовании	2	130
Косиков И. Г. Два года в Камбодже	4	126
Кошевская Н. Н. Некоторые ранее открытые памятники и новейшие находки в Ифе	3	132
Марковин В. И. Памятники искусства и культуры древнего Кавказа	3	125
Маслова Г. С. Бытовые сюжеты в русской народной вышивке	6	119
Молотова Л. Н. Головные уборы русского Севера (Обзор фондов ГМЭ)	3	120

Остапенко Л. В. Деревня Гадыши сегодня	5	102
Прусаков А. П. Фольклор московских рабочих в предоктябрьское десятилетие	4	107
Рождественская С. Б. Просечное железо — декоративный элемент жилища рабочих (по материалам Горьковской области)	3	104
Розенфельд А. З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана	3	114
Санникова А. П. Изменения в структуре и численности семьи у рабочих Карельской АССР	4	97
Тегако Л. И. Дёрматоглифика белорусов (К проблеме этногенеза белорусского народа)	3	137
Тульцева Л. А. Календарные религиозные праздники в быту современного крестьянства (по материалам Рязанской области)	6	111
Хидоятов И. О характере сельского хозяйства многонациональных районов Сурхандарьинской области в дореволюционное время	2	133
Ходжайов Т. К. Краниология узбеков Южного Приаралья (Миздахкан)	4	122
Чவர் Л. А. Отражение возрастных градаций в таджикских ювелирных украшениях	4	115
Эрдели И. О работе над Венгерским этнографическим атласом	4	136

Поиски, факты, гипотезы

Васильев В. И. Сиуртя — легенда или реальность?	1	151
Кайгородов А. М. Свадьба в тайге	3	153
Кайгородов А. М. Дерсу Узала из дебрей Трехречья (воспоминания о старом звенке)	6	128
Кайгородов А. М. Свадьба в тайге	3	153
Садоков Р. Л. Тайна сладкозвучной арфы (к историческому прошлому исчезнувшего среднеазиатского музыкального инструмента)	2	150
Соарес Феррейра Л. Индейцы камаюра (по личным впечатлениям)	4	138
Туголуков В. А. Народ один — названий много	5	132

Хроника

Васильев В. И. Работа Института этнографии АН СССР в 1969 году	5	138
--	---	-----

Научная жизнь

Александров В. А. Международная конференция этнографов-славистов	5	146
Алсупе А. П., Келембетова В. Е. Юбилейный съезд польских этнографов	6	148
Андрианов Б. В., Куббель Л. Е. На Всесоюзной конференции африканистов	4	152
Анохин Г. И. Шведский этнографический музей (К 90-летию существования)	5	150
Баскаков Н. А. XII сессия Постоянной интернациональной алтаистической конференции	3	168
Белицер В. Н. Многолетнее содружество	2	174
Бикбулатов Н. В., Илимбетов Ф. Ф. Научная сессия по этногенезу башкир	3	162
Гловацкий Г. А. Новая экспозиция «Культура и быт населения Японии» в МАЭ	3	175
Гроздова И. Н. Венгеро-советский симпозиум	2	166
Губогло М. Н. Всесоюзная научная конференция, посвященная проблеме двуязычия и многоязычия	4	150
Гурвич И. С., Хомич Л. В. Симпозиум по циркумполярным проблемам	5	148
Жуковская Н. Л., Членов М. А. Вторая поволжская конференция по ономастике	3	169
Зубов А. А., Шлыгина Н. В. Антропологическая экспедиция в Финляндию	2	171
Кондратьев В. С. Научная сессия «Торжество ленинской национальной политики»	6	137
Косиков И. Г., Ревуненкова Е. В. Конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии	6	143
Лебедева А. А. Научная конференция по вопросам изучения и охраны памятников Сибири и Дальнего Востока	4	158
Макашина Т. И. Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1969 года	6	139
Мелетинский Е. М., Померанцева Э. В. V Конгресс по изучению устной прозы	4	163
Молчанов В. В. Симпозиум, посвященный комплексному методу изучения народного искусства	2	174
Путилов Б. Н. Три недели в Болгарии	1	163

Решетов А. М. Симпозиум «История и традиции отечественного востоковедения на Дальнем Востоке»	3	172
Соколова З. П. Всесибирская научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина	6	134
Станюкович Т. В., Чистов К. В. Экспозиция «Новое и традиционное в современном жилище и одежде народов СССР» в Государственном музее этнографии народов СССР	1	159
Стракач Ю. Б. Этнографическая подготовка в Новосибирском государственном университете	3	173
Сузюмов Е. М. 50 лет Тихоокеанской научной ассоциации	6	145
Тумаркин Д. Д. Третья Всесоюзная конференция океанистов и австраловедов	6	146
Федянович Т. П. Первая республиканская краеведческая конференция Мордовской АССР	5	145

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Диков Н. Н. Историко-этнографические и археологические исследования на северо-востоке СССР (1955—1969 гг.)	1	169
Фурсова Л. Н. Некоторые исследования о послевоенной иммиграции в Канаду	5	152

Общая этнография

Валентей Д. И., Сысенко В. А. В. И. Козлов. Динамика численности народов	3	183
Дридзо А. Д. В. П. Грицкевич. Путешествия наших земляков. Из истории страноведения Белоруссии	2	178
Королева А. П. «Нет!»—расизму. Расизм в странах «свободного» мира и новый этап борьбы против него	3	185
Мелетинский Е. М. N. K. Chadwick, V. Zhirmunsky. Oral epics of Central Asia	2	176
Рудин С. Г., Эрман В. Г. Proto-Indica: 1968. Brief report on the investigation of the Proto-Indian texts	1	175

Народы СССР

Алсупе А., Думпе Л., Мугуревич Э., Крастыня А., Слава М., Строд Х. K. Pietkiewicz. Etnografia Lotwy (Kultura materialna)	2	182
Винников Я. Р. Г. Саурова. Современный туркменский ковер и его традиции	2	187
Даниляускас А. А. Vyšniauskaite. Lietuviu Seimos tradicijos	4	165
Калоев Б. А. Этнографические очерки узбекского сельского населения	6	155
Кисляков Н. А. Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев	5	158
Кобычев В. П. Г. Х. Мамбетов. Куба в прошлом и настоящем (Историко-этнографические очерки)	6	151
Колесническая И. М. Русские народные сказки	3	190
Мамбетов Г. Х. Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.)	1	182
Мурзаев Э. М. Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования	6	157
Плисецкий М. М. Р. С. Липец. Эпос и Древняя Русь	2	179
Потапов Л. П. Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. XII и XIII, 1967—1968 гг.	6	161
Раппопорт П. А. Историко-этнографический атлас «Русские»	1	181
Росляков А. А. Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане	5	160
Сидорова Ю. Н. Т. М. Акимова, В. К. Архангельская. Революционная песня в Саратовском Поволжье	1	186
Сухарева О. А. Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма	1	187
Трофимова А. Г. Кавказский этнографический сборник, вып. II, Очерки этнографии Горной Ингушетии, 1968	4	167
Файнберг Л. А. С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник)	5	162
Хашаев Х.-М. А. К. Алиев. Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека	6	152

Народы зарубежной Европы

Драчук В. С. <i>Ernö Tárkany Szűcs</i> . Eingebrennte Eigentumsmarken des Viehs in Ungarn. «Acta Ethnographica. Academiae Scientiarum Hungaricae», t. XVIII, fasc. 3—4	5	164
Покшишевский В. В. Ю. Л. Пивоваров. Население социалистических стран зарубежной Европы. Структурно-географические сдвиги	4	169
Эрдели И. I. <i>Manga</i> . Unnepek, szokások az Ipoly mentén	2	186

Народы зарубежной Азии

Аристова Т. Ф. Д. Е. Еремеев. Юрюки (турецкие кочевники и полукочевники)	2	191
Ашрафян К. З., Дьяков А. М. Н. Р. Гусева. Джайнизм	2	188
Вяткина К. В. Д. Б. Улымжиев. Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Монгольской Народной Республике	2	187
Джарылгасинова Р. Ш. М. В. Крюков. Формы социальной организации древних китайцев	5	166
Каяма Е., Зенина Л. В. С. А. Арутюнов. Современный быт японцев	1	190
Крюков М. В. В. С. Стариков. Материальная культура китайцев Северо-восточных провинций КНР	3	191
Макаренко В. А. <i>Apolinar B. Parale</i> . Facts and issues on the Pilipino language	4	171

Народы Америки

Богина Ш. А. А. В. Ефимов. США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха)	6	163
Гуляев В. И. Р. В. Кинжалов. Искусство древних майя	1	195
Суэнки Бен. H. <i>Cardinal</i> , The unjust society	4	175
Шейнбаум Л. С. Гвиана: Гайана, Суринам, Французская Гвиана. Сборник статей	2	193

Народы Африки

Гиренко Н. М. Ф. Н. В. Нквера. Хоронящий отца — с благословением	6	165
--	---	-----

Народы Австралии и Океании

Алексеев В. П. В. Р. Кабо. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии	2	195
Бутинов Н. А. <i>Herbert Wotte</i> , Kaaram Tamo — Mann vom Mond. Leben und Reisen Miclucho—Maklais	5	169
Кабо В. Р. <i>Friedly mission, The Tasmanian journals and papers of George Augustus Robinson, 1829—1834</i>	6	166

Письма в редакцию

Ст. П. Данн, Э. Данн. Нерешенные проблемы в изучении великорусского крестьянства (Ответ критикам)	4	178
Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева. Ответ Ст. П. и Э. Даннам	4	188

Герасимов Михаил Михайлович	5	171
Задыхина Клавдия Леонтьевна	4	192
Лихтенберг Юлия Михайловна	3	194
Чернецов Валерий Николаевич	4	194

СОДЕРЖАНИЕ

С. И. Вайнштейн (Москва). Проблема происхождения оленеводства в Евразии (1. Саянский очаг одомашнивания оленя)	3
Я. В. Чеснов (Москва). О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина)	15
Э. А. Рикман (Москва). Некоторые черты общественного строя племен низовьев Днестра и Дуная в первых веках нашей эры	27
Н. Л. Жуковская (Москва). К вопросу о типологически сходных явлениях в шаманстве и буддизме	36

Дискуссии и обсуждения

В. И. Козлов (Москва). Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности	47
С. М. Абрамзон (Ленинград). Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ	61
Г. Е. Марков (Москва). Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии	74

Сообщения

С. И. Брук (Москва). Общеввропейский историко-этнографический атлас (по материалам конференции в Хельсинки)	90
Н. А. Бельк (Москва). Антропонимия и новое законодательство о браке и семье	99
Д. М. Коган (Москва). Связи современной городской семьи с сельской (по материалам анкетного обследования в г. Калуге)	105
Л. А. Тульцева (Москва). Календарные религиозные праздники в быту современного крестьянства (по материалам Рязанской области)	111
Г. С. Маслова (Москва). Бытовые сюжеты в русской народной вышивке	119

Поиски, факты, гипотезы

А. М. Кайгородов (Москва). Дерсу Узала из дебрей Трехречья (воспоминания о старом эвенке)	128
---	-----

Научная жизнь

З. П. Соколова (Москва). Всесибирская научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина	134
В. С. Кондратьев (Москва). Научная сессия «Торжество ленинской национальной политики»	137
Т. И. Макашина (Москва). Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1969 года	139
И. Г. Косиков, Е. В. Ревуненкова (Ленинград). Конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии	143
Е. М. Сузюмов (Москва). 50 лет Тихоокеанской научной ассоциации	145
Д. Д. Тумаркин (Москва). Третья Всесоюзная конференция океанистов и австраоловедов	146
А. П. Алсупе (Рига), В. Е. Келембетова (Киев). Юбилейный съезд польских этнографов	148

Критика и библиография

Народы СССР

В. П. Кобычев (Москва). Г. Х. Мамбетов. Куба в прошлом и настоящем (Историко-этнографические очерки)	151
Х. М. Хашаев (Махачкала). А. К. Алиев. Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека	152

Б. А. Калоев (Москва). Этнографические очерки узбекского сельского населения	155
Э. М. Мурзаев (Москва). Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования	157
Л. П. Потапов (Ленинград). Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. XII и XIII, 1967—68	161

Народы Америки

Ш. А. Богина (Москва). А. В. Ефимов. США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха)	163
--	-----

Народы Африки

Н. М. Гиренко (Ленинград). Ф. Н. В. Нквера. Хоронящий отца — с благословением	165
---	-----

Народы Океании

В. Р. Кабо (Ленинград). <i>Friedly mission. The Tasmanian journals and papers of George Augustus Robinson, 1829—1834</i>	166
--	-----

Алфавитный указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1970 году	169
---	-----

На первой странице обложки: вышитый подзор. Московская губерния, XIX в. (Государственный музей этнографии народов СССР).

SOMMAIRE

S. I. Vainchtein (Moscou). Problème des origines de l'élevage du renne en Eurasie (I. Foyer de domestication du renne de la région de Saïan)	3
Ya. V. Tchesnov (Moscou). Sur les conditions socio-économiques et naturelles de l'apparition des types economico-culturels (en rapport avec les oeuvres de M. G. Lévine)	15
E. A. Rikman (Moscou). Quelques traits de la structure sociale des tribus de la région du Danube et du Dniestr inférieurs aux premiers siècles de notre ère	27
N. L. Joukovskaya (Moscou). Contribution au problème des phénomènes typologiquement semblables dans le chamanisme et le bouddhisme	36

Discussions et deliberations

V. I. Kozlov (Moscou). Ethnie et économie: communautés ethniques et économiques	47
S. M. Abramzon (Léningrad). Quelques questions du régime social des sociétés nomades	61
G. Ye. Markov (Moscou). Certains problèmes de l'organisation sociale des nomades de l'Asie	74

Communications

S. I. Brouk (Moscou). L'Atlas européen historico-ethnographique (d'après les matériaux de la Conférence de Helsinki)	90
N. A. Bielykh (Moscou). L'anthroponymie et la nouvelle législation familiale	99
D. M. Kogan (Moscou). Les rapports de la famille urbaine moderne avec la famille rurale (d'après les résultats d'une enquête à Kalouga)	105
L. A. Toul'tseva (Moscou). Fêtes saisonnières religieuses dans la vie quotidienne des paysans modernes (d'après les matériaux de la région de Riazan)	111
G. S. Maslova (Moscou). Sujets coutumiers dans la broderie populaire russe	119

Recherches, faits, hypotheses

A. M. Kaigorodov (Moscou). Un Dersou Ouzala de la forêt de Trois Rivières (souvenirs d'un vieux Evenk)	128
	175

Виде научное

Z. P. Sokolova (Moscou). La Conférence scientifique de Sibérie consacrée au 100-e anniversaire de V. I. Lénine 134

V. S. Kondratiev (Moscou). «Triomphe de la politique nationale léniniste»— session scientifique 137

T. I. Makachina (Moscou). Session sur les résultat des recherches archéologiques et ethnographiques sur le terrain en 1969 139

I. G. Kossikov, Ye. V. Rievounienkova (Léningrad). Conférence pour l'histoire, les langues et la cultures de l'Asie du Sud-Est 143

Ye. M. Souziumov (Moscou). 50 années de l'Association scientifique du Pacifique 145

D. D. Toumarkine (Moscou). Troisième Conférence Nationale des océanistes et australisants

A. P. Alsupé (Riga), V. Ye. Kielembietova (Kiev). Congrès commémoratif des ethnographes polonais

Critiques et bibliographie

Peuples de l'U. R. S. S.

V. P. Kobytchev (Moscou). G. Kh. Mambietov. Kouba au passé et à présent (essais historico-ethnographiques) 15

Kh. M. Khachaiev (Makhatchkala). A. K. Aliev. Traditions et coutumes populaires et leur rôle a la formation d'un homme nouveau 15

B. A. Kaloiev (Moscou). Etudes sur la population rurale Uzbek 15

E. M. Mourzaiev (Moscou). Terrains d'ancienne irrigation et les perspectives de leur utilisation agricole 157

L. P. Potapov (Léningrad). Mémoires scientifiques de l'Institut de la langue, des lettres et de l'histoire de Touva, livraisons XII et XIII, 1967—1968 16

Peuples de l'Amérique

Ch. A. Boguina. A. V. Yefimov. Les Etats-Unis d'Amérique. Voies de développement du capitalisme (pogues pré-impérialiste) 163

Peuples de l'Afrique

N. M. Guirenko (Léningrad). F. N. W. Nkwera. Celui qui ensevelit le père — en bénissant 165

Peuples de l'Océanie

V. R. Kabo (Léningrad). Friedly mission. The Tasmanian journals and papers of George Augustus Robinson, 1829—1834 166

Index alphabétique des articles et matériaux publiés dans la revue «Sovetskaya Etnografiya» en 1970 169

Sur la couverture: un couvre-lit en dentelle gouvernement de Moscou, XIX-e siècle (Musée d'Etat de l'Ethnographie des peuples de l'U. R. S. S.)

ОПЕЧАТКИ К № 5, 1970 г.

стр.	строка	напечатано	следует читать
160	8, 9 снизу	В этой книге глава «Общественная и культурная жизнь» написана В. Н. Басиловым	В этой книге в главе «Общественная и культурная жизнь» разделы о религиозных верованиях туркмен в прошлом и состояние религиозности в наши дни написаны В. Н. Басиловым.

Технический редактор Сироткина Т. И.

Сдано в набор 14/IX-1970 г.	T-17079	Подписано к печати 24/XI-1970 г.	Тираж 2215 экз.
Зак. 4312	Формат бумаги 70×108/16.	Печ. л. 15,4	Уч.-изд. л. 18,2